

Учение Дона Хуана.

Карлос Кастанеда.

Введение

Летом 1960 года я, в ту пору студент факультета антропологии при Калифорнийском университете в Лос-Анжелесе, предпринял несколько поездок на Юго-Запад с целью сбора информации о лекарственных растениях используемых местными индейцами. К одной из этих поездок относится начало описываемых здесь событий.

Я ожидал автобуса на станции в приграничном городишке, болтая с приятелем, который сопровождал меня в качестве гида и помощника. Вдруг он наклонился ко мне и прошептал, что вон тот старый седой индеец, который сидит у окна, здорово разбирается в растениях, а в пейоте особенно. Я попросил нас познакомиться.

Приятель окликнул старика, потом подошел к нему и пожал руку. Поговорив с минуту, он жестом позвал меня и исчез, предоставив мне самому выпутываться из положения. Старик остался невозмутимым. Я представился; он сказал, что зовут его Хуан и что он к моим услугам. По-испански это было сказано с отменной учтивостью. Мы обменялись по моей инициативе рукопожатием и оба замолчали. Это молчание, однако, нельзя было назвать натянутым, оно было спокойным и естественным.

Хотя морщины, покрывавшие его смуглое лицо и шею, свидетельствовали о почтенном возрасте, меня поразило его тело — поджарое и мускулистое. Я сообщил ему, что собираю сведения о лекарственных растениях. По совести, я почти ничего не знал о пейоте, однако получилось так, будто я дал понять, что в пейоте я просто дока и что ему вообще стоит сойтись со мной поближе.

Пока я нес эту ахинею, он медленно кивнул и взглянул на меня, не говоря ни слова. Я невольно отвел глаза, и сцена закончилась гробовым молчанием. Наконец, после нестерпимо затянувшейся паузы, дон Хуан поднялся и выглянул в окно. Подошел его автобус. Он попрощался и уехал.

Я был раздражен своей дурацкой болтовней под его необычным взглядом, который, казалось, читал меня насквозь.

Вернувшийся приятель, узнав о моей неудачной попытке выведать что-нибудь от дон Хуана, постарался меня утешить, — старик, мол, вообще неразговорчив и замкнут. Однако тягостное впечатление от этой первой встречи было не так-то легко рассеять.

Я приложил усилия, чтобы разузнать, где живет дон Хуан, и после не раз приезжал к нему в гости. При каждой встрече я пытался навести разговор на тему пейота, но безуспешно. Мы, тем не менее, стали хорошими друзьями, и со временем мои научные изыскания были позабыты или, во всяком случае, приобрели совершенно новое направление, о котором я вначале не мог и подозревать.

Приятель, который нас познакомил, после разъяснил, что дон Хуан не был уроженцем Аризоны, где мы встретились: он родился в мексиканском штате Сонора, в племени индейцев яки.

Поначалу дон Хуан был для меня попросту занятным стариком, который очень хорошо говорит по-испански и превосходно разбирается в пейоте. Однако знавшие его утверждали, что он «брухо» — целитель, знахарь, колдун, маг.

Прошел целый год, прежде чем он начал мне доверять. В один прекрасный день он сообщил, что обладает особыми знаниями, которые передал ему «бенефактор», — так он называл своего учителя. Теперь дон Хуан, в свою очередь, избрал меня своим учеником и предупредил, что мне предстоит сделать очень серьезный выбор, так как обучение будет долгим и трудным.

Рассказывая о своем учителе, дон Хуан часто употреблял слово «диаблеро». Этим словом, которым, кстати, пользуются только индейцы Соноры, называют оборотня, который занимается черной магией и способен превращаться в животных — птицу, собаку, койота или любое другое существо.

Как-то раз, во время очередной поездки в Сонору, со мной произошло любопытное приключение, иллюстрирующее отношение индейцев к «диаблеро». Я вел машину ночью, в компании двух друзей-индейцев. Вдруг дорогу пересекло животное, похожее на собаку. Один из моих попутчиков предположил, что это громадный койот. Я притормозил и свернул к обочине, чтобы получше рассмотреть странное существо. Еще несколько секунд оно стояло в лучах фар, а затем скрылось в кустарнике. Это был без сомнения койот, только вдвое больше обычного. Под конец возбужденной перепалки мои друзья сошлись на том, что животное было во всяком случае очень необычное, а один из них высказал предположение, что это был диаблеро. Я решил воспользоваться этим случаем и расспросить местных индейцев об их поверьях, связанных с диаблеро. Я рассказывал эту историю многим, выпрашивая, что они об этом думают. Привожу три разговора, которые иллюстрируют их мнение на этот счет.

— Как ты думаешь, Чой, это был койот? — спросил я выслушавшего историю молодого индейца.

— Кто его знает. Да нет, собака, конечно. Койот поменьше.

— А может, это был диаблеро?

— Ну вот еще. Такого не бывает.

— А почему ты так считаешь, Чой?

— Люди воображают всякое. Бьюсь об заклад, поймай ты это животное — и оказалась бы простая собака. Были у меня как-то дела в другом городе, встал я до рассвета, лошадь оседлал. Выезжаю — вижу, на дороге черная тень, точно большая зверюга. Лошадь встала на дыбы, выбросила меня из седла, да и сам я порядком струхнул. А оказалось — это соседка, тоже в город направилась.

— Ты хочешь сказать, Чой, что не веришь в существование диаблеро?

— Диаблеро? А что это такое? Скажи-ка мне, что такое диаблеро!

— Да не знаю, Чой. Мануэль, который с нами тогда ехал, сказал, что это мог быть диаблеро, а не койот. Может, ты мне скажешь, что такое диаблеро?

— Ну, говорят, что диаблеро — это брухо, который во что захочет, в то и превратится. Так ведь каждый знает, что это враки. Старики здесь напичканы историями про диаблеро. Но от нас, от молодых, ты этих глупостей не услышишь.

— Что это было за животное, как ты думаешь, донья Лус? — спросил я женщину преклонных лет.

— Точно все знает один Господь, но я так думаю, что это был не койот. Бывает такое, что помотришь — койот, а на самом деле вовсе не койот. Скажи, бежал он просто или что-нибудь нес в зубах?

— По большей части стоял на месте, но в тот момент, когда я его увидел, мне показалось, что он что-то ест.

— А ты уверен, что он ничего не нес в зубах?

— Трудно сказать. А что, тут есть какая-то разница?

— Да, разница есть. Если он что-то нес в зубах, то это был не койот.

— Тогда что же?

— Мужчина или женщина.

— А как они у вас называются, донья Лус? Она не ответила. Я выспрашивал и так и сяк, но безуспешно. Наконец она сказала: «Не знаю». Я спросил, не их ли называют диаблеро. Да, ответила она, есть и такое название.

— А ты сама не знаешь какого-нибудь диаблеро?

— Знала я одну женщину. Ее убили. Я тогда была еще ребенком. Женщина, говорили, превращалась в суку, и как-то ночью забежала в дом белого, хотела стащить сыр. Белый ее застрелил из двустволки, и как раз тогда, когда сука сдохла в доме белого, женщина умерла у себя в хижине. Собрались ее родственники, пришли к белому и потребовали выкуп. За ее убийство белый выложил много денег.

— Как же они могли требовать выкуп, если белый убил всего лишь собаку?

— А они сказали, что белый знал, что это не собака, ведь с ним были еще люди, и все они видели, как собака встала на задние лапы и, совсем как человек, потянулась к сыру, который лежал на подносе, а поднос был подвешен к кровле. Они тогда ждали вора, потому что сыр того белого каждую ночь исчезал. Так что белый убил вора, зная, что это не собака.

— А теперь есть диаблеро, донья Лус?

— Такие вещи под большим секретом. Говорят, что их уже нет, но я сомневаюсь, потому что кто-то из семьи диаблеро должен получить его знание. У них свои законы, и один из них в том и состоит, что диаблеро должен кому-то из своего рода передать свои тайны.

— Как ты думаешь, Хенаро, что это было за животное? — задал я вопрос древнему старику.

— Собака с какого-нибудь местного ранчо, что же еще?

— А мог это быть диаблеро?

— Диаблеро? Ты ненормальный. Они не существуют.

— Ты хочешь сказать, что теперь не существуют или вообще не существуют?

— Когда-то существовали, это да. Это всем известно. Кто ж этого не знает. Но люди их очень боялись и всех поубивали.

— Кто же их убил, Хенаро?

— Да все племя. Последний диаблеро, которого я знал, был С—. Он своим колдовством извел десятки, если не сотни людей. Терпение наше кончилось, как-то ночью мы собрались все вместе и взяли его врасплох, да и сожгли живьем.

— А давно это было?

— Году в сорок втором.

— Ты что, сам это видел?

— Да нет, но люди до сих пор об этом говорят. Говорят, от него даже золы не осталось, а ведь дрова для костра специально были сырые. Все, что осталось под конец, так это большая лужа жира.

Хотя дон Хуан сказал, что его учитель был диаблеро, он никогда не говорил, где получил от него знания и никогда не упоминал его имени. О себе самом дон Хуан не рассказывал почти ничего. Все, что я смог из него вытянуть, это то, что он родился на Юго-Западе в 1891-м, почти всю жизнь прожил в Мексике; в 1900-м его семью вместе с тысячами других индейцев Соноры мексиканские власти выселили в Центральную Мексику; в общей сложности в Центральной и Южной Мексике он прожил до 1940-го. Таким образом, поскольку он много путешествовал, его знания сложились в результате многих влияний. И хотя сам он считал себя индейцем Соноры, я сомневаюсь, укладываются ли его познания в круг традиционных представлений сонорских индейцев. Впрочем, здесь я не собираюсь заниматься определением истоков его культуры.

Мое ученичество у дон Хуана началось в июне 1961-го. До этих пор, как бы ни проходили наши встречи, я неизменно воспринимал его с позиции наблюдателя-антрополога. Во время этих первых бесед я втайне делал заметки, чтобы потом с их помощью восстановить по памяти весь разговор. Но когда началось обучение, этот метод оказался малопродуктивным, поскольку разговор всякий раз касался слишком многих вещей, зачастую самых неожиданных. Со временем, после упорных протестов, дон Хуан все же разрешил мне вести записи в открытую. Я хотел вообще все что можно фотографировать и записывать на диктофон, но тут уж пришлось отступить.

Вначале ученичество проходило в Аризоне, а потом, когда дон Хуан перебрался в Мексику, у него в Соноре. Распорядок встреч установился сам собой — я попросту приезжал на несколько дней при каждом удобном случае. Летом 1963 и 1964 гг. мои посещения были особенно частыми и продолжительными. Теперь я вынужден признать, что такой режим был малоэффективным, поскольку уводил меня из-под безраздельного контроля со стороны учителя, а ведь в магии это главное условие успеха. С другой стороны, я думаю, в этом было и определенное преимущество, поскольку я оставался сравнительно свободным, а это, в свою очередь, стимулировало критичность оценки, что было бы невозможно в случае безусловного и всепоглощающего подчинения. В сентябре 1965 г. от дальнейшего обучения я отказался.

Спустя несколько месяцев я вернулся к своим записям и оказался перед проблемой, как их упорядочить и свести в какое-то внятное целое. Поскольку собранный материал был почти необозрим и перегружен всяким хламом, я для начала попытался выработать какую-то систему классификации. Я разделил материал по темам и расположил по иерархии субъективной значимости, а именно по степени воздействия лично на меня. Постепенно вырисовалась следующая структура: использование галлюциногенных растений; используемые в магии рецепты и процедуры; приобретение «предметов силы» и обращение с ними; использование лекарственных растений; песни и легенды (фольклор).

Однако общий критический обзор зафиксированного мной опыта привел меня к выводу, что всякие попытки классификации не дают ничего, кроме измышления новых категорий, поэтому любые усилия рационализировать эту схему закончатся лишь еще более доморощенным изобретательством. Мне это было совершенно ни к чему. Попытка уяснить все, что я испытал, означала необходимость осмыслить стройную систему подтвержденных опытом конкретных представлений. Уже после первой пейотной церемонии («сессии»), в которой я принимал участие, для меня стало очевидным, что в учении дона Хуана есть внутренняя логика. Решившись однажды меня обучать, он затем передавал мне свои знания в неукоснительном порядке, в строгой последовательности. Именно этот порядок был для меня непостижим.

Этим, по-моему, объясняется то, что даже через четыре года обучения я все еще оставался начинающим. Я понимал только, что знание дона Хуана и метод его передачи были те же, что у его «бенефактора», поэтому и трудности в моем понимании учения были, по всей вероятности, те же, с которыми в свое время столкнулся дон Хуан. Он сам отметил однажды наше сходство в качестве начинающих и несколько раз проронил, что тоже был не в состоянии понять своего учителя. Поэтому я пришел к выводу, что для любого начинающего, будь он индеец или кто угодно, магическое знание представляется непостижимым благодаря необычайному характеру испытываемых явлений. Лично для меня, как для человека западной культуры, они были столь ошеломляющими, что истолковать их в привычных терминах повседневной жизни было заведомо невозможно, и это означало, что обреченной будет также любая попытка их классификации.

Так для меня стало очевидным, что знание дона Хуана имеет смысл рассматривать лишь с его собственной точки зрения; лишь в этом случае будет достоверным и убедительным. В попытках согласовать наши представления я пришел к выводу, что всякий раз, пытаясь разъяснить мне свое знание, он с необходимостью использовал собственные понятия. Поскольку для меня эти понятия и концепции были изначально чуждыми, усилия увидеть его мир его глазами ставили меня в нелепое положение. Поэтому первой задачей было определить его систему концептуализации. Работая в этом направлении, я заметил, что сам дон Хуан особую роль отводил использованию галлюциногенных растений. Именно это я положил в основание собственной систематизации магического опыта.

Дон Хуан использовал три вида галлюциногенных растений, каждый в отдельности и в зависимости от обстоятельств: пейот (*Lophophora williamsii*), дурман (*Datura innoxia*, или *D. meteloides*) и гриб (по всей вероятности, *Psilocybe mexicana*). Галлюциногенные свойства этих растений были известны индейцам задолго до появления европейцев. У индейцев они находят, согласно свойствам, различное применение: их используют при лечении, при колдовстве, для достижения экстатических состояний или, скажем, просто ради удовольствия. В контексте же учения дона Хуана употребление дурмана и гриба связывается с

приобретением особой силы, мудрости, или, проще говоря, знания того, как следует жить.

Для дона Хуана ценность растений определялась их способностью вызывать поток необычного восприятия. С их помощью он вводил меня в переживание этого потока с целью раскрытия мира магии, удостоверения его реальности и адекватной его оценки. Я назвал этот поток переживаний «состояниями необычной реальности», т.е. такой реальности, которая отличается от повседневной. Их различие определяется самой природой этих состояний, которые в контексте учения дона Хуана расцениваются как соответствующие реальности, хотя их реальность крайне далека от обычной.

Дон Хуан считал, что переживание необычной реальности — единственный способ практического освоения магии и приобретения силы. По его убеждению, именно этой главной цели подчинены все прочие компоненты учения.

Этим, кстати, определялось его отношение ко всему, что не было с нею непосредственно связано. В моих записях полно его замечаний по самому разному поводу. К примеру, как-то он заметил, что некоторые предметы несут в себе определенное количество силы. Сам он не испытывал к предметам силы особого почтения, но сказал, что к их помощи нередко прибегают слабые брухо. Я то и дело выпрашивал его о таких вещах, но его они, казалось, совершенно не интересуют. Однако на этот раз он неожиданно разговорился.

— Существуют определенные предметы, которые наделены силой, — сказал он. — Таких предметов, которыми с помощью дружественных духов пользуются маги, множество. Эти предметы — орудия, не просто орудия, а орудия смерти. И все же это только орудия. От них нельзя чему-либо научиться. Собственно говоря, они относятся к разряду предметов войны и предназначены для сражения. Ими орудуют для убийства.

— Что это за предметы, дон Хуан?

— Это не предметы в обычном смысле слова, скорее разновидности силы.

— А как заполучить эти разновидности силы?

— Это зависит от того, какого рода предмет тебе нужен.

— А какие имеются?

— Я уже сказал — множество. Предметом силы может быть что угодно.

— Ну, а какие в таком случае обладают наибольшей силой?

— Сила предмета зависит от его хозяина, от того, кто он на самом деле такой. Предмет силы, которым пользуется слабый брухо, — почти шутка; и наоборот, орудия сильного брухо получают от него свою силу.

— Ну хорошо, а какие предметы силы самые простые? Какие обычно предпочитают брухо?

— Тут не может быть «предпочтения». Все это предметы силы, все до одного.

— А у тебя самого есть какие-нибудь, дон Хуан?

Он не ответил, только взглянул на меня и рассмеялся. Потом надолго замолчал, и я подумал, что мои вопросы, должно быть, его раздражают.

— Для этих разновидностей силы существуют ограничения, — вновь заговорил он. — Но мое уточнение, я уверен, для тебя пустой звук. У меня самого, можно сказать, жизнь ушла на то, чтобы понять, что один «союзник» стоит всех предметов силы с их детскими тайнами. Такие штуки я имел, когда был мальчишкой.

— Что же они из себя представляли?

— «Маис-пинто», кристаллы и перья.

— Что такое «маис-пинто», дон Хуан?

— Маисовое зерно с красной прожилкой посередине.

— Всего лишь одно зерно?

— Нет, у брухо их сорок восемь.

— Ну, и что же это зерно?

— Каждое может убить человека, если попадет ему внутрь.

— Ну и что тогда?

— Зерно погружается в тело, а потом оседает в груди или в кишках. Человек заболевает и, если только брухо, который взялся его лечить, не окажется сильнее его врага, через три месяца умрет.

— А можно его как-нибудь вылечить?

— Единственный способ — высосать зерно, но редкий брухо на это отважится. Конечно, брухо может в конце концов высосать зерно, но если у него не хватит силы его извергнуть, оно убьет его самого.

— Но каким вообще образом зерно умудряется проникнуть в тело?

— Ты не поймешь этого, если не знаешь колдовства с маисом, которое одно из самых сильных, какие мне известны. Его делают при помощи двух вроде

разных зерен. Сначала зерно прячут в чашечке только что срезанного желтого цветка, затем, чтобы оно вошло в контакт с врагом, нужно приладить его где-нибудь, где тот бывает, — скажем, на тропинке, где он ходит каждый день. Как только жертва наступит на зерно или как-нибудь его коснется — колдовство совершилось. Зерно погружается в тело.

— А что с этим зерном потом происходит?

— Вся его сила уходит в человека, и зерно свободно. Теперь это совсем другое зерно. Оно может оставаться там же, где произошло колдовство, или попасть куда угодно, — это уже не имеет значения. Лучше замести его под кусты, где его склюет какая-нибудь птица.

— А может птица склевать зерно прежде, чем его коснется человек?

— Таких глупых птиц нет, уверяю тебя. Птицы держатся от него подальше.

Затем дон Хуан описал довольно сложную процедуру, посредством которой получают такие зерна.

— Запомни одно: «маис-пинто» — это всего лишь орудие, это не «союзник», — сказал он. — Уясни себе эту разницу — и твои дурацкие проблемы исчезнут. Но если ты думаешь достичь совершенства посредством таких штук, ты просто дурак.

— Что, «союзник» такой же сильный, как предметы силы?

Он презрительно фыркнул. Я видел, что испытываю его терпение.

— «Маис-пинто», кристаллы, перья — все это игрушки по сравнению с «союзником», — сказал он. — Они нужны лишь тогда, когда нет «союзника». Искать их — пустая трата времени, для тебя особенно. Что для тебя действительно необходимо — это постараться заполучить «союзника». И вот когда это тебе удастся, тогда ты поймешь то, что я говорю сейчас. Предметы силы — это детские забавы.

— Пойми меня правильно, дон Хуан, — запротестовал я. — Конечно, я не прочь заполучить «союзника», но мне хотелось бы вообще знать побольше. Ты ведь сам говорил, что знание — это сила.

— Нет, — отрезал он. — Сила зависит от знания, которым ты владеешь. Какой смысл знать то, что бесполезно?

В системе представлений дон Хуана процесс приобретения «союзника» означал главным образом использование состояний необычной реальности, которые он во мне вызывал с помощью галлюциногенных растений. Он считал, что, фокусируя внимание на этих состояниях и подчиняя этому прочие аспекты

знания, которое я от него получал, я приду к адекватному восприятию магической реальности.

Книга, таким образом, содержит наиболее важные фрагменты моих полевых записей, где речь идет об испытываемых мною в процессе обучения состояниях необычной реальности. Порядок подачи фрагментов не всегда хронологический, поскольку я следовал логике развертывания учения. Я никогда не записывал свои впечатления прежде, чем они улягутся и я смогу осмыслить их сравнительно беспристрастно. Однако комментарии дон Хуана к испытанному мною в очередной раз я записывал немедленно, поэтому подчас они опережают описание самого опыта.

Мои полевые записи представляют субъективную интерпретацию того, что я испытывал непосредственно во время опыта. Эта интерпретация воспроизводится здесь в точном соответствии с моим изложением испытанного дону Хуану, который требовал исчерпывающего и точного воспроизведения каждой детали и подробнейшего пересказа каждого переживания.

При записи я добавлял для полноты картины некоторые бытовые детали. Кроме того, в записках содержатся также попытки толкования мировоззрения дон Хуана.

Чтобы избежать повторений, я упростил наши диалоги и убрал все второстепенное. Однако, чтобы передать все же общую атмосферу, мои правки коснулись лишь тех диалогов, в которых не содержалось ничего нового, что способствовало бы моему постижению этого пути. Информация от дон Хуана всегда была спорадической, и подчас малейшее его замечание вызывало целую лавину расспросов, которые длились часами. С другой стороны, было множество случаев, когда он все рассказывал сам.

Глава 1

Мои заметки о встречах с доном Хуаном начинаются 23 июня 1961 года. С этого дня началось мое обучение. До этого я встречался с ним лишь в качестве наблюдателя. При всяком удобном случае я просил рассказать мне, что он знает о пейоте. Каждый раз это кончалось ничем, и все же, судя по его колебаниям, какая-то надежда оставалась.

И вот на этот раз он дал понять, что может снизойти к моим просьбам — при условии, что я обрету ясность мышления, буду точно знать, о чем прошу. Это условие было для меня непонятным, поскольку моя просьба относительно пейота была, собственно, предложением установить с ним более тесный контакт. Я рассчитывал, что моя ссылка на его особые знания вызовет его на большую откровенность — и я, таким образом, смогу без особых препятствий узнать все, что он вообще знает о растениях. Однако он истолковал мою просьбу банально — а именно как желание получить знания о пейоте.

Пятница, 23 июня 1961

— Ты научишь меня тому, что знаешь о пейоте, дон Хуан?

— Это зачем еще тебе понадобилось?

— Ну, хотелось бы на этот счет знать побольше. Разве сама по себе тяга к познанию — не недостаточная причина?

— Нет! Ты должен спросить в самом своем сердце, чего ради тебе, зеленому юнцу, вздумалось связываться со столь серьезными вещами.

— А сам ты чего ради этому учился?

— Ты почему об этом спрашиваешь?

— А может, у меня такая же причина.

— Сомневаюсь! Я — индеец. У нас разные пути.

— Если серьезно, моя причина — просто сильное желание этому учиться, просто я хочу знать чтобы знать. Но у меня нет плохих намерений, честное слово.

— Верю. Я курил тебя.

— А?..

— Неважно. Мне известны твои намерения.

— Ты что, хочешь сказать, что видел меня насквозь?

— Назови как угодно.

— Так, может, ты все-таки будешь меня учить?

— Нет!

— Потому что я не индеец?

— Нет. Потому что ты не знаешь своего сердца. Что по-настоящему важно — это чтобы ты точно знал, почему тебе так позарез этого хочется. Учение о Мескалито — вещь крайне серьезная. Будь ты индейцем — одного твоего желания в самом деле было бы достаточно. Но лишь у очень немногих индейцев может появиться такое желание.

Воскресенье, 25 июня 1961

В пятницу я весь день был у дона Хуана. Я рассчитывал уехать часов в семь вечера. Мы сидели у него на веранде, и я решился еще раз спросить насчет обучения. Затея казалась безнадежной, и я заранее смирился с отказом. На этот раз я спросил его — может быть, существует способ, при котором мое желание выглядело бы так, как если бы я был индейцем. Он долго молчал, а я все ждал ответа, поскольку казалось, он что-то мысленно взвешивает.

Наконец он сказал — есть вообще один способ, собственно вот какой. Прежде всего он обратил внимание на тот факт, что я очень устаю, сидя на полу, и для начала следует найти на полу «пятно», как он выразился, где я мог бы сидеть без усталости сколько угодно.

До этого я сидел обхватив руками щиколотки и прижав колени к подбородку. Едва он сказал это, как я почувствовал, что совершенно выдохся и спину у меня ломит от усталости.

Я ожидал объяснений, что это за «пятно», но он и не подумал ничего объяснять. Я решил, что, может быть, он имеет в виду, что мне надо пересесть, поэтому поднялся и сел к нему поближе. Он возмутился и принялся втолковывать, упирая на каждом слове, что «пятно» — это место, где ты чувствуешь себя самым собой — сильным и счастливым. Он похлопал рукой по

тому месту на веранде, где сидел, и сказал — вот, к примеру, мое собственное место: затем добавил, что эту задачу я должен решить самостоятельно, причем не откладывая.

Для меня такая задача была попросту загадкой. Я понятия не имел, с чего начать, да и вообще — что именно. Несколько раз я просил дать мне какой-нибудь ключ или хотя бы подсказку насчет того, как приступить к поискам этого самого места, где я буду чувствовать себя сильным и счастливым. Я стоял на своем и доказывал, что совершенно не представляю себе, что же имеется в виду, да и как подойти к решению этой задачи. Он предложил мне походить по веранде, — может статься, я найду «пятно».

Я встал и начал выхаживать взад-вперед; наконец почувствовал, до чего это глупо, и сел перед ним.

Его охватил гнев, и он заявил, что я ничего не желаю слушать и вообще, похоже, не собираюсь учиться. Потом успокоился и вновь начал втолковывать, что отнюдь не на каждом месте можно сидеть или вообще на нем находиться, и что в пределах веранды есть одно особое место, «пятно», на котором мне будет лучше всего. Моя задача — найти его среди всех остальных. Если угодно, это можно понимать так, что я должен «почувствовать» все здесь пятна, пока без всяких сомнений смогу определить то, которое мне подходит.

Я возразил, что хотя веранда и не очень велика (восемь футов на двенадцать), возможных пятен на ней множество, и понадобится уйма времени, чтобы проверить каждое; а кроме того, если учесть, что он не указал мне размеров пятна, их количество вообще возрастает до бесконечности. Но спорить было бесполезно. Он встал и очень жестко предупредил, что на поиски у меня может уйти хоть неделя, и если это меня не устраивает, то я могу уезжать хоть сейчас, говорить больше не о чем. Он подчеркнул, что самому-то ему отлично известно, где мое пятно, поэтому я не смогу его обмануть. Это единственный способ, сказал дон Хуан, засчитать в качестве достаточной причины одно лишь мое желание учиться знанию о Мескалито. В его мире, добавил он напоследок, ничто не дается даром, а уж знание и подавно.

Он пошел в кусты за домом помочиться, а потом прямо оттуда вернулся в дом.

Я подумал, что задание найти это самое пятно счастья — попросту предлог, чтобы от меня отделаться, но все же встал и вновь принялся выхаживать по веранде. Небо было безоблачным, и на веранде и вокруг было хорошо видно. Расхаживал я, должно быть, примерно час или больше, но не произошло ничего такого, что указало бы местонахождение пятна. Я устал и сел на пол; через несколько минут пересел на другое место, пока с помощью такой, с позволения сказать, системы не проверил всю веранду. Я честно старался «почувствовать» между местами разницу, но ее критерий был для меня недостижим. Я чувствовал только, до чего это безнадежно, и все же не уходил. В конце концов, не для того я за тридевять земель сюда тащился, чтобы уехать ни с чем.

Я лег на спину и заложил руки под голову. Затем перевернулся и немного полежал на животе. Такой маневр я повторил по всему полу. Впервые, похоже, я наткнулся хоть на какой-то критерий. Лежать на спине было теплее.

Я снова начал кататься по полу, теперь в обратную сторону, и снова проверил весь пол. На этот раз укладываясь ничком там, где прежде ложился навзничь. Ощущения тепла или холода были неизменными — в зависимости от моего положения, но разницы между местами не было.

Тут меня осенило: место дона Хуана! Я сел на его место, потом лег, сначала на живот, потом на спину, но и здесь не было ровно ничего примечательного. Я встал: я был сыт по горло. Нужно попрощаться с доном Хуаном, вот только не хотелось его будить. Я взглянул на часы. Два часа ночи! Я прокатался по полу шесть часов.

В этот момент на веранду вышел дон Хуан и снова направился вокруг дома в кусты. Потом вернулся и остановился в двери. Я чувствовал отчаяние, мне хотелось сказать ему напоследок что-нибудь оскорбительное и уехать. Но тут я подумал, что это ведь не его вина: в конце концов я сам напросился на эту комедию. Я сказал — сдаюсь: я как идиот всю ночь катался по полу, и все еще не вижу никакого смысла в его загадке.

Он рассмеялся и сказал, что ничего удивительного, ведь я не пользовался глазами. И в самом деле, этого я не сообразил, поскольку сразу понял с его слов именно так, что разницу нужно «почувствовать». Я начал было опять спорить, но он меня прервал, заявив, что глазами тоже можно чувствовать, если не смотреть на вещи в упор. Если уж я за это взялся, то, может быть, стоит попробовать то, что у меня осталось, — мои глаза.

Он закрыл за собой дверь. Я был уверен, что все это время он исподтишка наблюдал за мной, — потому что как иначе он мог знать, что я не пользовался глазами.

Я снова начал валяться по полу, поскольку это было проще всего. Теперь, однако, лежа на животе, я клал на руки подбородок и всматривался в каждую деталь.

Немного погода темнота вокруг изменилась. Стоило мне уставиться прямо перед собой, как вся периферия поля зрения приобретала яркий однородный зеленовато-желтый цвет. Эффект был поразительным. По-прежнему уставясь перед собой и стараясь не сбить фокус, я пополз боком, передвигаясь каждый раз на фут.

Вдруг в точке примерно посреди веранды я заметил смену оттенка. Справа на периферии поля зрения зеленовато-желтый цвет превратился в ярко-пурпурный. Я сконцентрировал на нем внимание. Пурпурный цвет посветлел, не убывая в яркости, и таким и оставался, пока я удерживал его боковым зрением.

Я накрыл это место курткой и позвал дона Хуана. Он вышел на веранду. Про себя я торжествовал: я в самом деле видел смену оттенков. На него это, однако, не произвело особого впечатления, но он предложил мне сесть на это место и описать свои ощущения.

Я сел на пол; потом лег на спину. Он стоял рядом и то и дело спрашивал, как я себя чувствую; но я не чувствовал в себе каких-то изменений. Минут пятнадцать я старался почувствовать или увидеть, что ли, какую-то разницу, а рядом терпеливо ждал дон Хуан. Наконец я почувствовал, до чего мне все это опротивело. Во рту был металлический привкус. Неожиданно разболелась голова. Похоже было, я вот-вот заболею. Мысль о бесплодности любых моих усилий привела меня в ярость. Я встал.

Дон Хуан, должно быть, заметил, как я расстроен. На этот раз он был очень серьезен и внушительным тоном сказал, что если я в самом деле хочу учиться, то мне придется в отношении самого себя быть непреклонным. Для тебя, сказал он, существует лишь один выбор: либо сдаться и уехать, распрощавшись со своей мечтой, либо разгадать загадку.

Он скрылся за дверью. Я хотел уехать немедленно, но слишком устал. К тому же смена оттенков была столь очевидной, что здесь попросту не мог не скрываться какой-то критерий, а кроме того, не исключено ведь, что существуют еще какие-то признаки. Да и уезжать сейчас было уже поздно. Я сел, вытянул ноги и начал все сначала.

На этот раз, миновав пятно дона Хуана, я быстро добрался с места на место до конца пола, затем развернулся, чтобы захватить внешний край веранды. Дойдя до центра, я зафиксировал еще одно изменение в окраске, опять на периферии поля зрения. Разлитый повсюду однородный зеленовато-желтый цвет в одном месте, справа от меня, превратился в яркий серо-зеленый. Какое-то время этот оттенок держался, затем вдруг перешел в новый, не тот, который был раньше. Я снял ботинок, отметил эту точку и вновь начал кататься, пока не покрыл пол во всех возможных направлениях. Больше никаких изменений в оттенках не было.

Я вернулся к точке, отмеченной ботинком, и тщательно ее осмотрел. Она находилась в шести футах на юго-восток от той, что была отмечена курткой. Рядом лежал валун. Я присел на него передохнуть, пытаюсь найти ключ и всматриваясь в каждую деталь, но по-прежнему не чувствовал никакой разницы.

Я решил попробовать с другой точкой. Опустившись на колени, я собрался уже лечь на куртку, когда вдруг почувствовал что-то совершенно необычное. Более всего это напоминало физическое ощущение, как будто что-то буквально давит на мой желудок. Я моментально отскочил. Волосы на затылке встали дыбом. Ноги согнулись, туловище наклонилось, а руки со скрюченными как когти пальцами были выброшены вперед на уровне груди. Я поймал себя на этой странной позе и еще больше испугался.

Я невольно попятился и, наткнувшись на валун, сполз на пол рядом с ботинком. Я пытался сообразить, что же меня так напутало. Может быть, я перестарался и слишком устал. Уже давно рассвело. Я чувствовал, что ум заходит за разум и что я совершенно разбит. Но это еще не объясняло мой внезапный страх; кроме того, я по-прежнему не мог понять, чего в конце концов хочет от меня дон Хуан.

Я решил сделать последнюю попытку. Я поднялся и медленно приблизился к месту, отмеченному курткой, и вновь почувствовал невыносимое давление в области желудка. На этот раз я решил ни за что не отступать. Я уселся, потом встал на колени, чтобы лечь на живот, но никак не мог этого сделать, несмотря на отчаянные усилия. Я уперся ладонями перед собой в пол веранды. Дыхание участилось, желудок забунтовал. Меня охватила неодолимая паника, я изо всех сил боролся с желанием удрать. Тут я вспомнил, что дон Хуан, наверное, за мной наблюдает. Я медленно отполз к ботинку и прислонился спиной к валуну. Я хотел передохнуть и собраться с мыслями, но заснул.

Я услышал над собой голос и смех дон Хуана и проснулся.

— Ты нашел его, — говорил он.

Я не сразу понял, и он вновь подтвердил, что мое пятно и есть то самое место, где я заснул. Он опять спросил, как я себя на нем чувствую. Я ответил, что вроде никакой разницы.

Он предложил мне сравнить свои нынешние ощущения с тем, что я испытывал на прежнем пятне. Впервые до меня дошло, что я, пожалуй, не смогу объяснить все свои ощущения этой ночью. Он с вызовом приказал мне сесть на прежнее пятно. Но это место по какой-то необъяснимой причине наводило на меня страх, и я решительно отказался. Он заключил, что только дурак не увидит разницы.

Я спросил, имеется ли у этих двух пятен название. Хорошее пятно, сказал он, называется «sitio», плохое — «врагом». Эти два пятна — ключ к самочувствию человека, в особенности того, кто ищет знание. Просто сидеть на своем месте значит уже создавать в себе высшую силу; и наоборот, «враг»

ослабляет человека и может даже быть причиной его смерти. Он сказал, что всю свою энергию, которую я столь щедро растратил за ночь, я восполнил только тем, что задремал на собственном месте.

Еще он сказал, что разные цвета, которые я видел на разных пятнах, обладают таким же неизменным эффектом, умножая или отбирая силу.

Я спросил, нет ли еще каких-нибудь касающихся меня пятен, и как их разыскать. Он ответил, что мест, сходных с этими, в мире множество, и находить их проще всего по соответствующим цветам.

Для меня все-таки оставалось неясным, решил ли я в конце концов эту проблему и вообще — существовала ли она на самом деле. Я был уверен, что дон Хуан всю ночь за мной подсматривал, а потом решил меня подбодрить и свел все к шутке, объявив, что я, мол, уснул как раз где надо. И все же это было как-то малоубедительно, а когда он потребовал для пробы сесть на другое пятно, я ни за что не мог себя заставить. Существовало странное несоответствие между моими логическими выкладками и несомненным опытом страха перед этим другим пятном.

Дон Хуан, в свою очередь, был совершенно убежден в моем успехе и, выполняя уговор, заявил, что теперь будет учить меня тому, что знает о пейоте.

— Ты просил меня научить тебя тому, что я знаю о Мескалито, — сказал он. — Я хотел проверить, устоишь ли ты, когда встретишься с ним лицом к лицу. Мескалито — дело более чем серьезное. Тебе придется взвесить и призвать все свои силы. Теперь я вправе засчитать одно лишь твоё желание учиться в качестве достаточной причины, чтобы взять тебя в ученики.

— Ты в самом деле будешь учить меня тому, что знаешь о пейоте?

— Я зову его Мескалито, и тебе очень советую.

— Когда мы приступим?

— Угомонись. Сначала ты должен быть готов.

— А я готов!

— Шутки свои оставь при себе. Тебе придется подождать, пока у тебя не останется сомнений, и тогда ты с ним, может быть, встретишься. — Мне что, нужно подготовиться?

— Нет. Просто ждать. Ты еще очень даже можешь передумать. Ты быстро устаешь. Этой ночью ты готов был все бросить, едва лишь столкнулся с первыми трудностями. Мескалито требует твердости несравненно большей.

Глава 2

Понедельник, 7 августа 1961

Я прибыл в дом дона Хуана в Аризоне в пятницу, часам к семи вечера. С ним на веранде сидело еще пятеро индейцев. Я поздоровался с доном Хуаном и в ожидании сел. После солидной паузы один из них встал, подошел ко мне и сказал по-испански: «*Buenas noches*». Я тоже встал и сказал: «*Buenas noches*». Потом все они по очереди повторили церемонию, пробормотав «*Buenas noches*» и обменявшись со мной рукопожатием, точнее, просто коснувшись пальцами моих и тотчас отдернув руку.

Мы опять уселись. Казалось, они просто стесняются, точно не знают что сказать, хотя все говорили по-испански.

Было, наверное, около половины восьмого, когда вдруг все встали и, по-прежнему не произнося ни звука, направились за дом. Дон Хуан сделал мне знак следовать за ними, и мы забрались в стоявший за домом старенький грузовик-пикап. Я сел сзади с доном Хуаном и двумя индейцами помоложе. Никаких сидений или скамеек не было, и пришлось усесться прямо на металлический пол, который оказался ужасно твердым, особенно когда машина свернула с шоссе на грунтовую дорогу. Дон Хуан сказал мне на ухо, что мы едем к одному из его друзей, у которого имеется для меня семь Мескалито.

— А у тебя самого разве нет, дон Хуан? — спросил я.

— Найдется. Да только не для тебя. Видишь ли, свести тебя с Мескалито должен кто-то другой.

— Можно узнать почему?

— Может быть, ты ему не понравишься и он тебя отвергнет, тогда ты никогда не сможешь познакомиться с ним как следует и полюбить его, и значит придет конец нашей дружбе.

— Почему это я ему не понравлюсь? Я же ему ничего такого не сделал.

— А вовсе не обязательно что-нибудь «делать», чтобы понравиться или не понравиться. Он либо принимает тебя, либо сметает прочь.

— Но если я ему, положим, не понравлюсь, так, может, я могу сделать что-нибудь, чтобы понравиться?

Двое индейцев, наверное, услышали мой вопрос и засмеялись.

— Нет! — сказал дон Хуан, — Тогда уж никто ничего не сможет сделать.

Он отвернулся и, казалось, забыл обо мне.

Мы добирались, наверное, не меньше часа, пока остановились наконец у небольшого дома. Уже совсем стемнело, и когда водитель выключил фары, я смог разобрать лишь смутный контур постройки.

Молодая женщина — судя по акценту, мексиканка — пыталась успокоить без конца лаявшую собаку. Мы вылезли из машины и пошли к дому. Мужчины вполголоса поздоровались с мексиканкой и вошли внутрь дома, а она все пыталась криком унять собаку.

Комната была просторная, но вся забита рухлядью. Маленькая тусклая лампочка едва рассеивала полумрак. У стены стояло несколько стульев со сломанными ножками и продавленными сиденьями. Трое индейцев уселись на красный диван, продавленный почти до самого пола, старый и грязный, который однако среди прочего хлама выглядел наиболее респектабельно. Остальным достались стулья. Долгое время все сидели молча.

Вдруг один из мужчин встал и вышел в соседнюю комнату. Это был индеец лет пятидесяти, высокий и смуглый. Через минуту он вернулся с жестянкой из-под кофе. Он снял крышку и вручил банку мне. В ней было семь каких-то странных предметов, разных по форме и размеру — одни почти круглые, другие продолговатые. На ощупь они напоминали ядро ореха или поверхность пробки, на вид — темную ореховую скорлупу. Довольно долго я вертел их в руках, потирая и поглаживая.

— Это жуют, — сказал дон Хуан вполголоса. До этого я не замечал, что он сидит рядом. Я взглянул на остальных, но никто не смотрел в мою сторону, они о чем-то очень тихо переговаривались. Тут меня охватила тревога и сильный страх. Я почти потерял над собой контроль.

— Мне нужно выйти в туалет, — сказал я дону Хуану. — Я немного пройдусь.

Он протянул мне банку, и я положил бутоны пейота обратно. Я направился к двери, когда мужчина, вручивший мне банку, встал, подошел ко мне и сказал, что туалет в соседней комнате.

Дверь туалета оказалась почти напротив. Рядом, вплотную к двери, стояла большая кровать, занимавшая едва не всю комнату. На ней спала молодая мексиканка. Я постоял у двери, а потом вернулся.

Хозяин дома обратился ко мне по-английски.

— Дон Хуан говорит, что ты из Южной Америки. Водится у вас там Мескалито?

Нет, сказал я, такого я что-то не слышал.

Их вроде заинтересовала тема Южной Америки, и мы немного поговорили об индейцах. Потом один из них спросил, зачем я собираюсь есть пейот. Я ответил — хотелось бы узнать, что это такое. Они сдержанно засмеялись.

Дон Хуан мягко подтолкнул меня: «Давай жуй, жуй».

Ладони у меня вспотели, желудок свело. Банка с бутонами пейота стояла на полу возле стула. Я нагнулся, взял первый попавшийся и положил в рот. Привкус был затхлый. Я откусил половину и принялся жевать. Рот наполнился сильной вяжущей горечью и моментально онемел. По мере того, как я жевал, горечь усиливалась, вызывая невероятное обилие слюны. Ощущение в деснах и небе было такое, точно я ем солонину или воблу, от чего жевать приходилось еще усердней. Потом я сжевал вторую половину, и рот настолько онемел, что я уже не чувствовал горечи. То, что я жевал, было теперь комком волокон, вроде сахарного тростника или пережеванных долек апельсина, и я не знал, проглотить их или выплюнуть. В эту минуту хозяин встал и пригласил всех на веранду.

Мы вышли и расселись на темной веранде. Сидеть здесь было очень удобно, и хозяин принес бутылку текильи.

Мужчины сидели в ряд, прислонившись к стене. Я сидел крайним справа. Дон Хуан, сидевший рядом, поставил банку с пейотом у меня между ног. Потом он вручил мне бутылку, которую пустили по кругу, и велел отхлебнуть немного, чтобы смыть горечь.

Я выплюнул то, что осталось от первого бутона, и отхлебнул. Он приказал не глотать, а только прополоскать рот текилей, чтобы остановить слюну. Со слюной это мало помогло, но хоть убавило горечь.

Дон Хуан дал мне сушеный абрикос или смокву — в темноте я не разобрал, как, впрочем, и самого вкуса, — и велел жевать не спеша и как можно тщательней. Проглотить то, что я жевал, было заведомо невозможно — я был уверен, что оно сразу застрянет в пищевode.

Немного погодя бутылка вновь пошла по кругу. Дон Хуан сунул мне кусок жесткого вяленого мяса. Я сказал, что не хочу есть.

— Это не еда, — веско произнес он.

Процедура повторилась шесть раз. Я помню, что сжевал уже шестой бутон, когда разговор стал очень оживленным; хотя я не мог понять, на каком языке говорят, сама тема разговора, в котором участвовали все сидевшие на веранде, была чрезвычайно интересной, и я старался не пропустить ни слова, чтобы при

случае и самому что-нибудь вставить. Но когда я попытался что-то сказать, то обнаружил, что это невозможно; слова бесцельно кружились у меня в голове.

Я сидел, прислонившись к стене, и слушал, что говорят мужчины. Они говорили по-итальянски, и без конца повторялась фраза о том, до чего глупы акулы. Как-то я говорил дону Хуану, что первые попавшие в Америку испанцы называли реку Колорадо в Аризоне «El río de los tizones (река головешек)», а потом кто-то переврал «tizones», и получилось «El río de los tiburones (река акул)». Я был уверен, что именно эту историю обсуждают сейчас, и мне и в голову не приходило, что никто из присутствующих не знает итальянского.

У меня начались сильные позывы к рвоте, но не помню, рвало ли меня на самом деле. Я попросил кого-нибудь принести воды; меня мучила невыносимая жажда. Дон Хуан принес и поставил у стены большую кастрюлю, а с ней приспособленную из жестянки маленькую кружку. Он зачерпнул из кастрюли, протянул мне кружку и сказал, чтобы я не пил, а только прополоскал рот.

Вода выглядела странно — она была сверкающей и глянцевой, как глазурь. Я хотел спросить дона Хуана, что бы это значило, и собрался с силами, чтобы выговорить свои мысли по-английски, но тут вспомнил, что он не знает английского. Я испытал настоящий шок, а затем окончательно понял, что хотя мысли совершенно ясные, говорить не получается. Я хотел рассказать об этом странном превращении с водой, но то, что последовало, не было речью; это было такое ощущение, как будто мои не поддающиеся выговариванию мысли свободно, как жидкость, выливаются изо рта. Это было как непосредственное ощущение рвоты без усилий и без спазмов диафрагмы. Это был приятный поток жидких слов.

Я выпил воды. Чувство рвоты прекратилось. К этому времени исчезли все звуки, и я обнаружил, что мне трудно фокусировать глаза. Я хотел найти дона Хуана, и когда повернул голову, заметил, что поле зрения сократилось до круглого участка перед глазами. Ощущение не было пугающим или неприятным, — напротив, это было что-то новое: я мог буквально, так сказать, подметать землю, фокусируя глаза на узком участке и затем медленно поворачивая голову в любом направлении. Когда я вышел со всеми на веранду, уже совсем стемнело, виднелось только далекое зарево от городских огней. И все же в кругу моего зрения все было прекрасно видно. Я совершенно забыл про дона Хуана, про всех остальных, вообще зачем здесь нахожусь, и с головой ушел в обследование всего, что попадет, своим сузившимся и обострившимся зрением.

Мой взор упал на шов между полом веранды и стеной дома. Следуя взглядом за поверхностью стены, я медленно повернул голову и увидел сидевшего у стены дона Хуана. Я сдвинул голову влево, чтобы взглянуть на воду. Я увидел дно кастрюли; я медленно поднял голову и увидел приближавшегося к воде обычного черного пса. Он приблизился и начал лакать воду. Я поднял руку, чтобы его отогнать; для этого пришлось сфокусировать на нем глаза, и тут я увидел, что он прозрачный. Вода была сверкающей тягучей жидкостью. Я увидел, как она

входит в тело собаки по ее горлу; я видел, как вода разливается равномерно по всему телу и затем истекает через каждый волосок. Я видел, как светящаяся жидкость движется по каждому волоску и затем изливается наружу, образуя длинную светящуюся шелковистую гриву.

В этот момент я ощутил сильные судороги, и через пару секунд вокруг меня образовался очень низкий и узкий туннель, твердый и удивительно холодный. На ощупь он был как из толстой фольги. Я обнаружил, что сижу на полу туннеля.

Я попытался встать, но ушибся головой о железный потолок, а туннель стал сжиматься, пока не начал душить меня. Я помню, что пополз к круглому отверстию, где кончался туннель: когда я добрался до выхода (если вообще добрался), то уже все забыл — собаку, дону Хуана, себя самого. Я задыхался от усталости; одежда вся была пропитана холодной липкой жидкостью. Я катался взад-вперед, пытаюсь найти положение, в котором можно отдохнуть, в котором хоть не так страшно будет колотиться сердце. При одном из этих движений я вновь увидел собаку.

Я сразу все вспомнил, и в голове прояснилось. Я обернулся, чтобы найти дону Хуана, но не увидел никого и ничего. Видеть я мог только собаку, которая светилась все ярче. Ее тело испускало сияние. Я вновь увидел, как по нему течет вода, озаряя все изнутри, как костер. Я добрался до воды, погрузил лицо в кастрюлю и пил вместе с собакой. Руками я упирался в землю перед собой, и когда я пил, я видел, как жидкость течет по моим венам, переливаясь красным, желтым и зеленым. Я пил без конца. Я пил, пока не начал полыхать; я весь горел и светился. Я пил, пока жидкость не начала изливаться из моего тела через каждую пору и через каждый волосок, подобно шелковым волокнам, так что теперь и у меня был большой светящийся радужный ореол. Я взглянул на собаку — у нее был такой же. Все мое тело наполнилось высшей радостью, и мы вдвоем побежали в направлении какого-то желтого тепла, исходящего из какого-то непонятого источника. И там мы стали играть. Мы играли и боролись, пока я не узнал все его желанья, а он все мои. Мы по очереди манипулировали друг другом, как в кукольном театре. Я двигал его ногами, вращая носками своих, и каждый раз, когда он кивал головой, мне неудержимо хотелось скакать от счастья. Но самый коронный номер был у него, когда он заставлял меня сидя чесать ногой голову, — делал он это, мотнув головой и хлопая ушами. Это был просто верх совершенства, это было что-то невыносимо забавное. Такой штрих грации и иронии, думал я, такое мастерство. Меня охватила неопишуемая эйфория. Я смеялся до тех пор, пока из легких не ушел весь воздух.

У меня было ясное ощущение, что я не могу открыть глаза. Я глядел сквозь толщу воды. Это было длительное, очень болезненное и тревожное состояние, будто уже проснулся, но никак не можешь пробудиться окончательно. Затем постепенно мир приобрел ясность и вошел в фокус. Поле зрения вновь стало круглым и широким, и первым пришло обычное сознательное действие — оглянуться и отыскать это чудесное существо. И здесь я испытал самую трудную фазу. Переход от моего нормального состояния прошел почти незаметно: я

оставался в сознании, чувства и мысли были его результатом и критерием, и сам переход был гладким и ясным. Но эта вторая фаза — пробуждение к привычному трезвому сознанию — была поистине потрясающей. Я забыл, что я человек! От безнадёжности меня охватила такая печаль, что я заплакал.

Суббота, 5 августа 1961

Позже утром, после завтрака, хозяин дома, дон Хуан и я поехали обратно. Хотя я валился с ног от усталости, но в машине уснуть не мог. Я уснул на веранде у дона Хуана только когда отъехал пикап.

Когда я проснулся, было темно; дон Хуан накрыл меня одеялом. В доме его не было. Он пришел позже и принес горшок тушеных бобов и стопку лепешек. Я невероятно проголодался. После ужина, когда мы легли отдыхать, он велел рассказать все, что со мной было минувшей ночью. Я пересказал, что помнил, со всеми подробностями и как можно тщательней. Когда я закончил, он кивнул и сказал:

— Ну что ж, похоже, все в порядке. Сейчас мне это трудно объяснить. Но я думаю, у тебя все обошлось благополучно. Понимаешь, подчас он игрив как ребенок, а бывает попросту ужасен, устрашающ. Он либо резвится, либо предельно серьезен. Невозможно предугадать, каким он будет с тем или иным человеком, — хотя, впрочем, иногда, если хорошо знаешь этого человека, предсказать можно. Этой ночью ты с ним играл. Из всех, кого я знаю, ты единственный, у кого получилась такая встреча.

— Чем же то, что я испытал, отличается от того, что испытали другие?

— Ты не индеец, поэтому мне трудно тебе растолковать, что к чему: но я знаю точно, что если он не принимает человека, то его отвергает, будь то индеец или кто угодно. Это мне известно. Таких я видел множество. Мне известно также, что он шутник и многих заставляет смеяться, но чтобы он с кем-нибудь играл — такого я еще не видел.

— Не скажешь ли ты мне теперь, каким образом пейот защищает...

Он тут же толкнул меня в плечо:

— Я тебе что говорил — не смей его так называть. Ты ещё недостаточно с ним знаком, чтобы быть запанибрата.

— ... каким образом Мескалито защищает людей?

— Он советует. Он отвечает на любой вопрос.

— Значит, Мескалито реален? Я имею в виду — он что-то такое, что можно видеть?

Похоже было, мой вопрос его просто ошарашил. Он растерянно посмотрел на меня, в его взгляде было искреннее недоумение.

— Я хочу сказать, что Мескалито...

— Я слышал. Разве ты не видел его прошлой ночью?

Я хотел сказать, что видел только собаку, но меня остановил его озадаченный взгляд.

— Так ты думаешь, что то, что я видел прошлой ночью, это и был он?

В его взгляде отразилось участие, потом он усмехнулся, точно не мог поверить, и очень проникновенным тоном сказал.

— Не хочешь же ты сказать, что это была... твоя мать?

Перед словом «мать» он сделал паузу, как будто хотел сказать «*tu chingada madre*» — идиома, которая содержит оскорбительный для собеседника намек. Слово «мать» было настолько неожиданным, что оба мы долго смеялись. Затем я обнаружил, что он уже спит и ничего не слышит.

Воскресенье, 6 августа 1961

Я поехал с доном Хуаном в тот дом, где принимал пейот. По дороге он сказал мне, что человека, который «представил меня Мескалито», зовут Джон. Подъехав к дому, мы увидели Джона на веранде с двумя молодыми людьми. Все они были в прекрасном настроении. Они смеялись и непринужденно болтали. Все трое хорошо говорили по-английски. Я сказал Джону, что приехал поблагодарить за оказанную помощь.

Мне хотелось узнать от них, что я делал во время галлюциногенного опыта, и я сказал, что как ни пытаюсь вспомнить, что вытворял, ничего не получается. Они смеялись и отвечать отказывались. Похоже, их сдерживало присутствие дона Хуана: они все поглядывали на него, как бы ожидая сигнала, разрешающего говорить. Видимо, дон Хуан дал такой сигнал, хотя я ничего не заметил, и Джон начал рассказывать.

Я понял, что ты «готов», сказал он, когда услышал, как ты пукнул. По словам Джона, пухнул я раз тридцать. Да нет, заметил дон Хуан, не больше десяти.

Джон продолжал:

— Ну, мы все тогда к тебе подвинулись. Ты застыл, и у тебя начались конвульсии. Очень долго ты лежал на спине и двигал ртом, как будто говоришь. Затем начал биться головой об пол, тогда дон Хуан напялил на тебя старую шляпу, и ты это прекратил. Ты трясся и вздрагивал, лежа на полу, и так очень долго. Помню, все уже заснуло, я только слышал сквозь сон, как ты пыхтишь и

стонешь. Потом ты заорал, и я проснулся. Вижу — ты орешь и подпрыгиваешь. Ты бросился к воде, перевернул посудину и стал барахтаться в луже. Дон Хуан принес тебе еще воды. Ты сидел спокойно перед кастрюлей, когда вдруг вскочил и стащил с себя всю одежду, встал перед кастрюлей на четвереньки и начал пить как не в себя. Потом уселся и просто сидел, уставясь в пространство. Похоже было, что ты собрался так сидеть до самой смерти. Ну, мы все опять заснули, и дон Хуан тоже, когда ты опять вскочил, завыл и погнался за собакой. Собака перепугалась, тоже завывала и рванула вокруг дома. Тут уж всем стало не до сна. Мы вскочили, видим — ты возвращаешься с другой стороны дома, собака мчится перед тобой, лаает и воет, а ты за ней гонишься. Ты, я думаю, раз двадцать обежал вокруг дома, лая по-собачьи. Я боялся, ты разбудишь всю округу.

Вблизи здесь соседей нет, но твой вой можно было услышать за мили отсюда.

Один из молодых людей вставил:

— Ты поймал собаку и на руках притащил ее на веранду.

— Ага, и начал с ней играть. Ты с ней боролся, вы скакали и кусались. Да уж, было на что посмотреть. Моя собака вообще-то не очень игривая, но тогда вы просто катались и ездили друг на друге как ненормальные.

— Потом вы побежали к кастрюле и принялись лакать, — сказал молодой человек. — Ты вообще бегал с собакой к воде раз пять или шесть.

— Сколько это продолжалось? — спросил я.

— Без конца, — сказал Джон. — Один раз мы потеряли вас из виду. Наверное, вы побежали за дом. Слышно было только, как вы там лааете и рычите. Лаял ты до того похоже на собаку, что вас невозможно было различить.

— Может, это была одна собака? — сказал я.

Они засмеялись, и Джон сказал: — Да нет, парень, ты лаял, и еще как.

— А потом что было?

Все трое посмотрели друг на друга как бы в замешательстве. Наконец ответил, глядя на Джона, молодой человек, который до этого все время молчал:

— Он поперхнулся.

— Ага, точно, ты вроде задохнулся и начал очень странно плакать, а потом упал на пол. Мы боялись, что ты откусишь себе язык; дон Хуан разжал тебе челюсти и плеснул в лицо воды. Тогда ты начал дрожать, и по всему телу у тебя опять пошли конвульсии. Потом ты затих. Дон Хуан сказал, что все закончилось. Было уже утро. Мы укрыли тебя одеялом и оставили спать на веранде.

Тут он взглянул на остальных, которые, видно было, удерживаются от смеха. Он повернулся к дону Хуану и что-то спросил. Дон Хуан усмехнулся и что-то ответил. Джон повернулся ко мне и сказал:

— На веранде мы тебя оставили потому, что боялись, как бы ты мне весь дом не обписал.

Все разразились хохотом.

— Что такое? — сказал я. — Неужели я...

— «Неужели ты»? — передразнил Джон. — Мы не хотели тебе говорить, но дон Хуан сказал, что можно. Ты обписал мою собаку с ног до головы!

— Что-что?

— Ну ты же не думаешь, что собака удирала от тебя потому, что тебя боялась? Собака удирала потому, что ты ее поливал.

Все покатались со смеху. Я попытался задать вопрос одному из молодых людей, но за общим хохотом ничего не было слышно.

Джон продолжал:

— Ну, мой пес в долгу не остался. Он тебя тоже обписал как мог.

Тут уж все просто завyli от смеха, засмеялся и дон Хуан. Когда они как-то успокоились, я растерянно спросил:

— Что, неужели это правда? Все это в самом деле было?

Джон ответил, все еще посмеиваясь:

— Клянусь: моя собака в самом деле на тебя мочилась.

На обратном пути я спросил дону Хуана:

— Неужели все, что они рассказывали, правда?

— Правда, — ответил дон Хуан. — Только они не видели того, что видел ты. Они не понимают, что ты играл с ним. Поэтому я не вмешивался.

— Но неужели весь этот спектакль со мной и собакой и как мы мочились друг на друга — правда?

— Это была не собака! Сколько тебе повторять? Только так можно понять то, что с тобой было. Только так! С тобой играл именно он.

— А ты знал о том, что со мной было, до того, как я тебе рассказал?

Он на секунду задумался.

— Нет, просто я вспомнил после твоего рассказа, какой у тебя был странный вид. По тому, что ты не был испуган, я понял, что с тобой все в порядке.

— И что, все это в самом деле выглядело так, как они рассказывали, — что я играл с собакой и все такое?

— Проклятье! Это была не собака!

Четверг, 17 августа 1961

Я сказал дону Хуану, что я думаю по поводу моего опыта. По сравнению с тем, как я себе рисовал обучение, событие было катастрофическим. Я сказал, что с меня хватит одной встречи. Я признал, что все это, конечно, более чем интересно, но вновь искать подобных встреч я не намерен. Для меня совершенно ясно, что такие истории не по мне. Одним из побочных следствий употребления пейота было странное недомогание — какой-то непонятный страх, какая-то тревога или меланхолия, не поддающаяся точному определению. И я в этом не находил ничего замечательного.

Дон Хуан рассмеялся и сказал:

— Ну вот, ты начинаешь учиться.

— Хорошенькое обучение! Пусть себе учится кто-нибудь другой.

— Любишь ты преувеличивать.

— Да ничего я не преувеличиваю!

— А то как же. Плохо только, что преувеличиваешь ты одно плохое.

— Для меня, я так понимаю, здесь вообще нет ничего хорошего. Мне страшно, а остальное меня не интересует.

— Ну и что, что тебе страшно. Когда тебе страшно, ты видишь все по-новому.

— А мне это безразлично. Оставлю-ка я лучше Мескалито в покое. Он меня просто подавляет, что уж тут хорошего.

— Хорошего, положим, в самом деле мало, для меня в том числе. Не ты один сбит с толку.

— Ты-то здесь при чем?

— Я думал о том, что ты видел прошлой ночью. Без сомнения, Мескалито играл с тобой, вот в чем штука. Это был явный знак.

— Что еще за знак, дон Хуан?

— Мескалито указывал мне на тебя.

— Указывал что?

— Поначалу мне было неясно, а теперь я, кажется, понимаю. Он сказал, что ты «избранный» (escogido). Мескалито указал мне на тебя и дал знать, что ты избранный.

— Я что, избран для какой-то цели, или как это понимать?

— Это нужно так понимать, что Мескалито сказал мне, что ты можешь оказаться тем человеком, которого я ищу.

— Когда же он тебе это сказал, дон Хуан?

— Он сказал мне это тем, что играл с тобой. Это и значит, что ты избранный; ты избран для меня.

— А что это значит — быть избранным?

— Я знаю некоторые тайны (tengo secretos). Среди них есть такие, которые я могу открыть только избранному. И вот я вижу, как ты играешь с Мескалито: той самой ночью мне стало ясно, что ты и есть такой человек. Но при этом ты не индеец. Вот история!

— Ну а для меня — что это значит, дон Хуан! Что мне надо делать?

— Я принял решение и буду учить тебя тем тайным вещам, которые составляют судьбу человека знания.

— Ты имеешь в виду тайны, связанные с Мескалито?

— Да. Но это еще не все, что я знаю. Есть тайны иного рода, которые мне нужно кому-нибудь передать. У меня у самого был учитель, бенефактор, и я также после определенных испытаний стал его избранным учеником. Всему, что я знаю, я научился от него.

Я опять спросил, что же потребуется от меня в этой роли: он сказал, что потребуется только одно — учиться, учиться в том смысле, который мне начал открываться с недавнего времени.

Дело, таким образом, поворачивалось неожиданной стороной. Только я собрался известить дон Хуана о своем решении оставить затею с пейотом, как

он сам предложил мне у него по-настоящему учиться — учиться его знанию. Я не вполне понимал, что он имеет в виду, но ясно было, что нечто достаточно серьезное.

Я принялся отпираться, ссылаясь на то, что к этому совершенно не готов — понятно ведь, что для такой задачи потребуется редкое мужество, которого у меня нет и в помине. Я говорил ему, что в таких делах предпочитаю уступать другим и просто наблюдать со стороны. Я хотел бы просто выслушивать его оценки и высказывания по разному поводу. Я сказал — как я был бы счастлив просто сидеть здесь и без конца его слушать. Вот это обучение, я понимаю.

Он терпеливо ждал, когда я закончу. Когда я наконец выдохся, он сказал:

— Ну, все понятно. Страх — первый неизбежный враг, которого человек должен победить на пути к знанию. А ты, помимо прочего, любопытен. Это и значит, что ты будешь учиться вопреки себе самому; таков закон.

Я еще немного потрепыхался, пытаюсь его разубедить, но он, похоже, и не представлял себе иного для меня выхода.

— Ты думаешь не о том и вообще не так, как следует, — сказал он. — Мескалито в самом деле играл с тобой. Вот об этом бы тебе следовало подумать, а не цепляться за свой страх.

— Неужели это было так необычно?

— Сколько я себя помню, я видел лишь одного человека с которым Мескалито играл, — это тебя. Понятно, что такая жизнь для тебя полнейшая неожиданность; потому от тебя и ускользают совершенно ясные знаки. Ты в общем человек серьезный, только твоя серьезность направлена на то, что тебя занимает, а не на то, что стоит внимания. Ты слишком занят собой. В этом вся беда. Отсюда твоя ужасная усталость.

— А как же должно быть иначе, дон Хуан?

— Нужно искать и видеть чудеса, которых полно вокруг тебя. Ты умрешь от усталости, не интересуясь ничем, кроме себя самого; от этой-то усталости ты глух и слеп ко всему остальному.

— Это, пожалуй, точно, дон Хуан. Но как мне перемениться?

— Подумай хотя бы о том, какое это чудо — Мескалито играл с тобой. О чем тут еще думать? Остальное само придет.

Воскресенье, 20 августа 1961

Вчера вечером дон Хуан приступил к моему обучению. Мы сидели в темноте на веранде. Он сказал, что собирается дать мне некое наставление — в том же

виде, в котором сам его получил от своего бенефактора в первый день ученичества. Дон Хуан, видимо, запомнил формулу наизусть, поскольку повторил ее несколько раз для полной уверенности, что я не пропущу ни слова.

— Человек идет к знанию так же, как он идет на войну — полностью пробужденный, полный страха, благоговения и безусловной решимости. Любое отступление от этого правила — роковая ошибка, и тот, кто ее совершает, непременно доживет до того дня, когда горько пожалеет об этом.

На мой вопрос, почему так, он ответил, что только выполняющий эти условия застрахован от ошибок, за которые придется платить; лишь при этих условиях он не будет действовать наобум. Если такой человек и терпит поражение, то он проигрывает только битву, а об этом не стоит слишком сожалеть.

Затем он сказал, что будет давать мне знание о «союзнике» в точности так же, как его самого учил бенефактор. Слова «в точности так же» он особенно подчеркнул, повторив их несколько раз.

Союзник, сказал он, это сила, которую человек может ввести в свою жизнь как советника, как источник помощи и сил, необходимых для совершения разных поступков — больших или малых, правильных или неправильных. Союзник необходим, чтобы улучшить и укрепить жизнь человека, чтобы направлять его действия и пополнять его знания. Союзник, в сущности, — неоценимая помощь в познании. Все это дон Хуан сказал с силой абсолютной убежденности. Видно было, что он тщательно взвешивает слова. Следующую фразу он повторил четырежды:

— С помощью союзника ты увидишь и поймешь такие вещи, о которых вряд ли еще от кого-нибудь узнаешь.

— Союзник — это что-то вроде сторожевого духа?

— Нет, это не сторож и не дух. Это помощь.

— Твой союзник — Мескалито?

— Нет. Мескалито — совсем иная сила. Несравненная сила! Он — защитник. Он — учитель.

— Чем же он отличается от союзника?

— Союзника можно приручить и использовать. Мескалито — нет. Он вне кого угодно и ни от кого не зависит. Он по собственному желанию являет себя в каком захочет виде тому, кто предстал пред ним, будь это кто угодно — брюхо или обыкновенный пастух.

Дон Хуан с большим пылом заговорил о Мескалито как о наставнике, учителе того, как следует жить. Я спросил, каким же образом учит Мескалито «как следует жить», и дон Хуан ответил — он *показывает* как жить.

— Как показывает?

— Способов множество. Он может показать это у себя на ладони, или на скалах, или на деревьях, или просто прямо перед тобой.

— Это что — картина перед тобой?

— Нет. Это учение перед тобой.

— Он что-то говорит?

— Говорит. Но не словами.

— А как же тогда?

— Каждому по-разному.

Я почувствовал, что мои расспросы опять его раздражают, и больше не прерывал. Он вновь принялся разъяснять, что для познания Мескалито не существует общеобязательных предписаний: учить знанию о Мескалито не может никто, кроме него самого. Потому он особая сила; для каждого он неповторим.

Напротив, чтобы заполучить союзника, в обучении требуется строжайшая последовательность, не допускающая ни малейших отклонений. В мире много таких союзных сил, сказал дон Хуан, но сам он знаком лишь с двумя из них. Именно с ними и с их тайнами он намеревался меня познакомить; однако выбирать между союзниками придется мне самому, поскольку я могу иметь лишь одного. У его бенефактора союзником была «трава дьявола» (la yerba del diablo). Но самому дону Хуану она пришлась не очень по душе, хотя он и узнал от бенефактора все ее тайны. Мой личный союзник — «дымок» (humito), сказал дон Хуан, но в дальнейшие детали не вдавался.

Я все же спросил его, что это такое. Он не ответил. После долгой паузы я спросил:

— Какого рода сила союзника?

— Я уже говорил — это помощь.

— В чем она состоит?

— Союзник — это сила, которая способна увести человека за его границы. Именно таким образом союзник открывает то, что никому не известно.

— Но и Мескалито тоже уводит тебя за твои границы. Разве это не делает его союзником?

— Нет. Мескалито уводит тебя за твои границы для того, чтобы учить: союзник — для того, чтобы дать тебе силу.

Я попросил остановиться на этом более детально или хотя бы растолковать разницу в их действии. Он только посмотрел на меня, потом расхохотался и сказал, что обучение посредством разговоров не только пустая трата времени, но и редкая глупость, потому что обучение — труднейшая из всех задач, с которыми человек может столкнуться. Он спросил, помню ли я, как пытался найти свое пятно, желая при этом обойтись без всяких усилий и втайне рассчитывая, что он подаст мне на тарелочке всю информацию. Если бы я так поступил, сказал он, ты бы никогда ничему не научился. Напротив, именно узнав на своей шкуре, как трудно найти пятно, а самое главное — убедившись, что оно в самом деле существует, я получил такое чувство уверенности, какое невозможно получить никаким иным образом. Он сказал, что пока я сижу, прикипев к своему «благоприятному пятну», никакая сила в мире не способна нанести мне вред именно по причине моей уверенности, что на этом месте это невозможно. На этом месте я могу отразить нападение любого врага. Если же, допустим, он открыл бы мне, где находится это место, я никогда бы не имел той уверенности, которая является единственным критерием моего знания как подлинного. Это и значит: знание — сила.

Затем дон Хуан сказал, что любому, кто приступает к учению, приходится выкладываться совершенно так же, как выкладывался я в поисках своего «пятна», и что границы обучения определяются самой природой ученика. Именно поэтому разговоры на предмет обучения лишены всякого смысла. Некоторые виды знания попросту не по моим силам и способны меня уничтожить. Он поднялся, явно давая знать, что тема исчерпана, и направился к двери. Я сказал, что все это просто пугающе и совсем не то, что я себе представлял.

В ответ он сказал, что страхи — дело обычное; все мы им подвержены, и тут ничего не поделаешь. Однако каким бы устрашающим ни было учение, еще страшней представить себе человека, у которого нет союзника и нет знания.

Глава 3

Прошло два года с тех пор, как дон Хуан принялся обучать меня насчет союзных сил, пока наконец однажды, видимо, решил, что я созрел к их освоению в той практической форме непосредственной вовлеченности, которую он единственную признавал как настоящее обучение. За два года он подвел меня к неизбежному результату всех бесед и к завершающей интеграции всего учения — к состояниям необычной реальности. Вначале он говорил о союзных силах очень редко и лишь при случае. В моих записях первые упоминания о них разбросаны среди бесед на другие темы.

Среда, 23 августа 1961

— «Трава дьявола» была союзником моего бенефактора. Я мог бы и себе выбрать ее в союзники, но мне она не понравилась.

— Почему же она тебе не понравилась?

— Есть у нее один серьезный недостаток.

— Она что, уступает другим союзникам?

— Не передергивай. Она могущественна не менее, чем самые могущественные союзники, но в ней есть нечто, что лично мне не по душе.

— Что именно, можно узнать?

— Она ослепляет людей. Она дает человеку вкус к силе слишком рано, не укрепив его сердце, и делает его одержимым. Благодаря ей он уязвим в самом центре полученной от нее невероятной силы.

— А можно этого как-нибудь избежать?

— Можно преодолеть, избежать нельзя. Всякий, кто берет ее себе в союзники, должен заплатить эту цену.

— Как же это преодолеть, дон Хуан?

— У «травы дьявола» четыре головы: корень, стебель с листьями, цветы и семена. Каждая голова особенная, и именно в этом порядке должен узнавать ее каждый, чьим союзником она становится. Самая важная голова — это корни.

Через корни покоряется сила «травы дьявола». Стебель и листья — это голова, которая лечит болезни; если знать, как ею пользоваться, это будет просто подарок человечеству. Третья голова — цветы; с ее помощью можно сводить людей с ума, или делать их рабами, или убивать их. Тот, у кого в союзниках «травя дьявола», сам никогда не пользуется ее цветами; по этой же причине он не употребляет стебель и листья, разве что в тех случаях, когда сам чем-нибудь болен: но вот корни и семена идут в дело всегда, семена особенно: они — ее четвертая голова и самая могущественная.

Мой бенефактор говорил, что семена — это «трезвая голова», единственная часть, которая укрепляет человеческое сердце. Тот, кому покровительствует «травя дьявола», говорил он, должен быть с нею постоянно начеку, иначе она убьет его прежде, чем он доберется до секретов «трезвой головы», что ей обычно и удается. Существуют, впрочем, рассказы о таких, которые вывели у «трезвой головы» все ее тайны. Достойный вызов человеку знания!

— Твой бенефактор разгадал эти тайны?

— Нет.

— А ты сам кого-нибудь встречал, у кого это получалось?

— Нет. Но такие люди были в те времена, когда ценилось такое знание.

— Может, ты знаешь тех, кто встречал таких людей?

— Нет, не знаю.

— Может, твой бенефактор знал из них кого-нибудь?

— Да, бенефактор знал.

— Почему же сам он не добрался до секретов «трезвой головы»?

— Приручить «травя дьявола» и сделать своим союзником — задача из труднейших. Со мной, например, она никогда не становилась одним целым, — возможно, потому, что я никогда не был особым ее поклонником.

— И все же, хотя она тебе не нравится, ты до сих пор можешь использовать ее как союзника?

— Могу. Но лучше этого не делать. Возможно, у тебя будет иначе.

— Почему ее так называют?

Дон Хуан сделал неопределенный жест и пожал плечами; потом сказал, что это ее временное имя (*su nombre de leche*). Есть и другие, но они под запретом, потому что в данном случае произнести имя — значит идти на серьезный риск,

особенно если речь идет ни много ни мало о приручении союзника. Я спросил, почему произнесение имени — дело столь серьезное. Он сказал, что имена хранятся в тайне, на тот крайний случай, когда придется призывать помощь, в минуты крайнего потрясения или жестокой нужды, и кстати заверил меня, что рано или поздно такое случается в жизни каждого, кто ищет знание.

Воскресенье, 3 сентября 1961

Сегодня во второй половине дня дон Хуан принес домой два свежевыкопанных растения *datura*.

Началось все с того, что он неожиданно перевел разговор на «траву дьявола» и заявил, что мы отправляемся в горы на ее поиски.

Мы поехали в ближние горы. Там я достал из багажника лопату и отправился за доном Хуаном в один из каньонов. Довольно долго мы пробирались сквозь кустарник, густо разросшийся на мягком песчаном грунте. Дон Хуан остановился у небольшого растения с темно-зелеными листьями и цветами в виде больших белесоватых колокольчиков.

— Вот, — сказал дон Хуан.

Он сразу же принялся копать. Я хотел помочь, но он яростно мотнул головой, чтобы я не мешал, и продолжал окапывать растение по кругу, так что получилась яма в виде конуса, отвесная по внешнему краю и горкой поднимающаяся к центру. Выкопав яму, он опустился перед стеблем на колени и пальцами обмел у комля мягкую землю, обнажив примерно четыре дюйма большого раздвоенного корневого клубня, по сравнению с которым стебель был значительно тоньше.

Дон Хуан взглянул на меня и сказал, что растение — мужская особь, так как корень раздваивается как раз в том месте, где соединяется со стеблем. Затем он поднялся и пошел что-то искать.

— Что ты ищешь, дон Хуан?

— Нужно найти палку.

Я начал осматриваться, но он меня остановил.

— Не ты! Ты садись вон там, — он указал на груды камней футов в двадцати отсюда. — Я сам найду.

Вскоре он вернулся с длинной сухой веткой и, пользуясь ею как палкой, осторожно расчистил землю вокруг раздвоенного корня, обнажив его на глубину примерно двух футов. По мере того, как он копал, почва становилась все плотнее так что под конец уже не поддавалась.

Он сел передохнуть. Я подошел к нему. Мы долго молчали.

— Почему ты не выкопаешь лопатой? — спросил я.

— Лопатой можно поранить растение. Пришлось поискать здесь палку, чтобы в случае, если я ударю корень, вред не был бы таким, как от лопаты или вообще чужого предмета.

— А что это за палка?

— Годится любая сухая ветка дерева паловерд (paloverde). Если не найдется сухой, придется срезать свежую.

— Другие деревья не подходят?

— Я ясно сказал — только паловерд и никакое другое.

— Почему, дон Хуан?

— Потому что у «травы дьявола» очень мало друзей, и в этой местности паловерд — единственное дерево, которое с ней в согласии. Если она с кем и уживается, так это разве с ним одним. Случись тебе поранить корень лопатой — и «трава дьявола» для тебя не вырастет, сколько ее ни сажай, но если ты ударишь корень такой палкой, то вполне возможно, что растение ничего не заметит.

— А что теперь с корнем?

— Его нужно срезать. И делать я это буду без тебя. Ступай разыщи другое растение и жди, когда я тебя позову.

— Моя помощь не требуется?

— Помогать будешь, когда я велю.

Я отошел и стал высматривать другое такое растение, борясь с искушением тихонько вернуться и подсмотреть. Немного погодя он пришел ко мне.

— Теперь поищем даму, — сказал он.

— Как ты их различаешь?

— Женская особь выше и больше выдается над землей, так что похожа на небольшое деревцо. Мужская шире, разрастается у самой земли и напоминает куст с густой листвой. Когда мы выкопаем даму, ты увидишь, что у нее корневище раздваивается довольно далеко от стебля — в отличие от мужской особи, где вилка начинается сразу.

Мы довольно долго искали, пока он наконец сказал:

— Вот она.

Затем он повторил всю процедуру выкапывания, и когда очистил корень, я убедился, что все так и есть. Пока он резал корень, пришлось снова куда-нибудь отойти.

Когда мы вернулись домой, он развязал узел и достал то, что выкопал. Сначала он взял растение более крупное — мужское — и обмыл его в железном лотке. С крайней осторожностью он очистил от грязи корень, стебель и листья, а потом отделил корень от стебля, разломив их там, где они соединялись, по круговому надрезу, сделанному ножом с зубчатым лезвием. Он взял стебель и разложил на отдельные кучки все его части — листья, цветы и усеянные шипами семенные коробочки. Все, что было засохшим или испорченным червями, он отбрасывал. Связав двумя бечевками две ветви корня в одну, он сломал их пополам, сделав сперва такой же надрез в месте соединения, и получилось два куска корня одинаковой длины.

Потом он взял кусок дерюги и положил на него сначала два связанных вместе куска корня, сверху — аккуратно сложенные листья, потом цветы, потом семена, потом стебель. Он сложил дерюгу и концы связал узлом.

Ту же процедуру он повторил со вторым растением, женским, только на этот раз, когда черед дошел до корня, он не разломил его пополам, а оставил целой вилку, напоминавшую перевернутую букву игрек. Потом он сложил все части в другой кусок дерюги. Когда он закончил, было уже темно.

Среда, 6 сентября 1961

Сегодня к вечеру мы вернулись к теме «травы дьявола».

— Я думаю, пора нам за нее взяться, — вдруг сказал дон Хуан.

После вежливой паузы я спросил:

— Что ты намерен с ней делать?

— Растения, которые я выкопал и срезал, — мои, — сказал он, — Это все равно как если бы они были мной; вот с их-то помощью я и буду учить тебя, как приручить «траву дьявола».

— Ну и как же это будет?

— Ее делят на порции; каждая порция различна; у каждой свое особое действие, поэтому каждая требует особого подхода.

Раскрытой левой ладонью он отмерил на полу расстояние между большим пальцем и безымянным.

— Это моя порция. Твоя порция — то, что ты отмеришь собственной рукой. Теперь, приступая к завоеванию травы, ты должен начать с первой порции корня.

Однако поскольку к траве привел тебя я, первая порция будет от *моего* растения. Отмерена она для тебя мной, поэтому порцию ты будешь вначале принимать именно мою.

Он вошел внутрь дома, принес один из свертков, сел и его развязал. Я заметил, что это мужская особь. Еще я заметил, что там только один кусок корня вместо тех двух, которые были вначале. Он взял его и поднес его к моим глазам.

— Вот твоя первая порция, — сказал он. — Я — даю — ее — тебе. Я для тебя ее отрезал: я отмерил ее как мою собственную; теперь даю ее тебе.

У меня мелькнула было мысль, что вот сейчас придется грызть этот кусок корня как морковку, но он упаковал его в белый хлопчатобумажный мешочек.

Он пошел на задний двор, там сел по-турецки и круглым камнем принялся толочь корень в мешочке. Вместо ступки был приспособлен плоский камень. Время от времени он мыл оба камня, а воду собирал в небольшую деревянную миску. Размалывая корень, он непрерывно что-то напевал, тихо и монотонно. Когда корень в мешочке был истолчен в однородную массу, он положил мешочек в миску с водой, туда же положил каменные ступку и пестик, долил воды и отнес к забору, где оставил в деревянном корыте.

Он сказал, что корень должен мокнуть всю ночь, оставаясь снаружи, чтобы напитаться воздухом ночи (*el sereno*).

— Если завтра будет ясный солнечный день, — сказал он, — это будет превосходный знак.

Воскресенье, 10 сентября 1961

Четверг 7 сентября выдался очень ясным и солнечным. Дон Хуан был очень доволен хорошим знаком; несколько раз он повторил, что «траве дьявола» я, видно, понравился. Корень мок всю ночь, и около десяти утра мы пошли на задний двор. Он взял миску из корыта, поставил ее на землю и сел перед ней. Взявшись за мешочек, он потер его о дно миски, потом вытащил из воды, отжал все содержимое и вновь сунул в воду. Процедура повторилась еще трижды. Затем он в последний раз тщательно отжал мешочек, отряхнул его и оставил миску в корыте на солнцепеке.

Мы вернулись через два часа. Он принес с собой кухонный чайник с кипятком желтоватого цвета. Осторожно наклонив миску, он слил верхнюю воду с оставшегося на дне густого осадка, залил его кипятком и вновь выставил на солнце.

Эта процедура повторилась тоже трижды, с интервалами больше часа. Наконец он слил всю воду и поставил миску под таким углом, чтобы дно освещалось вечерним солнцем.

Когда через несколько часов мы вернулись, уже стемнело. На дне миски был слой клейкой субстанции, напоминавшей недоваренный крахмал, белесый или светло-серый. Ее набралось бы с чайную ложку. Я выбрал крупницы земли, которые ветер набросал на осадок. Он засмеялся:

— Земля здесь не может повредить.

Когда вода закипела, он налил около стакана в миску. Это была та же вода с желтоватым оттенком. Из осадка образовался похожий на молоко раствор.

— Что это за вода, дон Хуан?

— Отвар плодов и цветов из каньона.

Он вылил то, что было в миске, в старую глиняную чашку, похожую на цветочный горшок. Питье было еще очень горячим, поэтому он сперва на него подул и попробовал на вкус, а затем протянул мне:

— Теперь пей.

Я механически взял чашку и залпом выпил. На вкус питье слегка отдавало горечью. Примечательным был запах: пахло тараканами.

Почти сразу я начал потеть. По телу разлился жар, кровь прилила к ушам. Перед глазами появилось красное пятно, и мышцы живота стали судорожно сокращаться. Немного погодя, хотя я уже совсем не чувствовал боли, стало холодно, и я буквально обливался потом.

Дон Хуан спросил, нет ли у меня перед глазами черноты или черных пятен. Я ответил, что вижу все красным.

Я стучал зубами от приступов накатывавшей волнами неконтролируемой нервной дрожи, исходившей откуда-то из центра груди.

Потом он спросил, не страшно ли мне. Его вопросы показались мне бессмысленными. Я сказал, что конечно страшно. Но он опять спросил, боюсь ли я «травы дьявола». Я не понял, о чем он говорит, и ответил «да». Он засмеялся и сказал, что ничего я не боюсь. Он спросил, все ли еще я вижу красное. Я только и видел стоявшее перед глазами громадное красное пятно.

Немного погодя мне стало лучше. Нервные судороги постепенно прошли, оставив лишь чувство приятной разбитости и невероятную сонливость. Глаза слипались, хотя издали все еще доносился голос дон Хуана. Я заснул, но всю ночь чувствовал себя погруженным в глубокий красный цвет. Даже сны были красные.

Проснулся я в субботу около трех пополудни. Я проспал почти двое суток. Все было как при обычном пробуждении, если не считать того, что слегка болела

голова, был расстроен желудок и я чувствовал острые мигрирующие боли в кишечнике. Дон Хуан дремал на веранде, и я его разбудил. Он мне улыбнулся.

— Все в порядке, — сказал он. — Единственное, что имеет значение, это то, что ты видел все в красном.

— А если бы не в красном?

— Тогда ты бы видел черное, а это плохой знак.

— Почему плохой?

— Когда человек видит черное, это значит, что он не создан для «травы дьявола». Его будет рвать зеленым и черным, пока не вывернет наизнанку.

— Он умрет?

— Не обязательно, но болеть будет долго.

— А что с теми, кто видит красное?

— Их не рвет, и корень дает им ощущение удовольствия, а это означает, что они сильны и вообще их натура склонна к насилию — как раз то, что любит «трава дьявола». Именно этим она соблазняет и увлекает. Плохо только то, что под конец, в обмен на силу, которую она дает, они становятся ее рабами. Но это уже не в нашей власти. Человек живет только затем, чтобы учиться, а уж учится ли он хорошему или плохому — зависит лишь от природы его судьбы.

— А теперь что я должен делать, дон Хуан?

— Ты должен посадить саженец (brote) из второй половины первой порции корня. Половину ты принял в прошлый раз, и теперь вторую нужно посадить в землю, чтобы она выросла и созрела прежде, чем ты всерьез возьмешься приручать «траву дьявола».

— Как именно?

— Ее приручают через корень. Тебе нужно будет шаг за шагом изучить все тайны корня, каждой его порции. Эти порции ты и будешь принимать, чтобы изучить тайны «травы дьявола» и завоевать ее силу.

— Что, каждая порция готовится так же, как ты готовил первую?

— Нет, каждая по-своему.

— Как действуют порции?

Я уже говорил, каждая учит особому виду силы. То, что ты принял позавчера, еще ничего не значит. Это может каждый. Но только брюхо готов к порциям более серьезным. Я не могу сказать тебе, как они действуют и что при этом происходит, потому что еще не знаю, примет ли она тебя. Нужно подождать.

— А когда я об этом узнаю?

— Как только вырастет и созреет твое растение.

— Если первую порцию может принимать кто угодно, то для чего же она используется?

— В разбавленном виде она годится для всяких человеческих дел: для стариков, которые совсем обессилели, для молодых людей, которые ищут приключений, или, скажем, для женщин, которые хотят страсти.

— Ты ведь говорил, что корень используется только для обретения силы, а выходит, что и для других целей. Или как?

Он пристально посмотрел на меня, и под этим взглядом мне стало неуютно. Ясно было, что он рассердился, но я не понимал почему.

— «Трава дьявола» используется только для обретения силы, — сухо сказал он наконец. — Старик, который хочет вернуть себе молодость, человек, который хочет убить другого человека, молодежь, которая ищет испытаний, голода и усталости, женщина, которая хочет разгореться страстью, — все они мечтают о силе. И эту силу им даст «трава дьявола». Ну как, нравится она тебе? — спросил он после паузы.

— У меня странный прилив сил, — сказал я. Я заметил это еще при пробуждении, и до сих пор ничего не изменилось. Это было очень необычное ощущение неудобства, какой-то неусидчивости: все тело двигалось и вытягивалось с необычной легкостью и силой. Руки и ноги чесались, плечи вроде раздались, мышцы спины и шеи распирало, хотелось потереться или потолкаться о деревья. Я чувствовал, что если ударю в стену, она обвалится.

Мы больше ни о чем не говорили, просто сидели на веранде. Я заметил, что дон Хуан засыпает. Он пару раз клюнул носом, затем просто вытянул ноги, лег на пол, подложил руки под голову и заснул. Я встал и пошел за дом, где сжег избыток энергии, очистив двор от мусора. Когда-то дон Хуан вскользь заметил, что неплохо бы убрать мусор за домом.

Позже, когда он проснулся и пришел на задний двор, я был уже в сравнительной норме.

Мы сели ужинать, и за столом он раза три спросил меня, как я себя чувствую. Поскольку это было редкостью, я наконец не выдержал:

— С чего это тебя так волнует мое самочувствие, дон Хуан? Может быть, ты ждешь, когда же я от твоего питья наконец подохну?

Он засмеялся и стал еще больше похож на зловредного мальчишку, который подстроил какой-то подвох и про себя ждет не дождется, когда он сработает. Со смехом он сказал:

— Да нет, не очень-то ты похож на больного. Ты вон мне даже хамишь.

— Ничего подобного, — возмутился я. — Я вообще не помню случая, чтобы я с тобой говорил грубо.

Я возмутился совершенно искренне, потому что в самом деле и в мыслях себе никогда такого не мог позволить.

— Ну вот, ты уже ее защищаешь, — сказал он.

— Кого это?

— «Траву дьявола», кого же еще. Ты говоришь как влюбленный.

Я хотел вообще встать из-за стола, но тут опомнился.

— Смотри-ка, я и не заметил, что в самом деле ее защищал.

— Ясное дело. Ты даже не помнишь того, что говорил, верно?

— Д-да, признаться...

— Вот такая она и есть — «траву дьявола». Она подкрадывается к тебе как женщина, а ты ничего не замечаешь. Ты весь поглощен только тем, что благодаря ей чувствуешь себя прекрасно и полон сил: мышцы налиты энергией, кулаки чешутся, подошвы горят желанием кого-нибудь растоптать. Когда человек становится с нею близок, его действительно переполняют неистовые желания. Мой бенефактор говорил, что «траву дьявола» опутывает тех, которые ищут силы, и губит тех, кто не умеет совладать с нею. Однако в те времена сила была всем известна; ее искали куда упорней. Мой бенефактор был могущественным человеком, а его бенефактор был, по его словам, еще более одержим поиском и накоплением силы. Но в те дни это имело смысл.

— А сегодня, по-твоему, смысла нет?

— Сила — это как раз то, что тебе сейчас нужно. Ты молод; ты не индеец: стало быть, «траву дьявола», возможно, попадет в хорошие руки. Да и тебе самому она как будто по вкусу. Ты буквально чувствуешь, как она наполняет тебя силой. Все это я испытал на себе. И все же она прилась мне не по нутру.

— Можно узнать почему, дон Хуан?

— Не нравится мне ее сила! От нее мало проку. Раньше, положим, как мне рассказывал бенефактор, в самом деле имело смысл ее искать. Люди совершали неслыханные дела, их почитали за их силу, боялись и уважали за их знание. От бенефактора я слышал о делах поистине невероятных, которые случались в старину. Но теперь мы, индейцы, больше ее не ищем. В наше время индейцы используют «траву дьявола» разве что для притираний. Листья и цветы идут вообще неизвестно на что. Говорят, к примеру, прекрасное средство от нарывов. Самой же силы больше не ищут — той самой силы, которая действует как магнит, тем более мощный и опасный в обращении, чем глубже ее корень уходит в землю. Когда доходишь до глубины в четыре ярда — а говорят, такое случалось, — то находишь основание и источник силы неисчерпаемой, бесконечной. Очень немногим это удавалось в прошлом, сегодня — никому. Видишь ли, сила «травы дьявола» больше не нужна нам, индейцам. Незаметно мы потеряли к ней интерес, и теперь сила больше не имеет значения. Я и сам не ищу ее, но когда-то, когда я был молод как ты, я тоже чувствовал, как меня от нее просто распирает. Я чувствовал себя как ты сегодня, только в пятьсот раз сильнее. Ударом руки я убил человека. Я мог швырять валуны, огромные валуны, которые двадцать человек не могли сдвинуть с места. Однажды я подпрыгнул так высоко, что сорвал верхние листья с верхушек самых высоких деревьев. Но все это было ни к чему. Разве что на индейцев страх наводить. Остальные, которые ничего про это не знали, отказывались верить. Они видели только сумасшедшего индейца или как что-то скачет по верхушкам деревьев.

Мы долго молчали. Нужно было что-то ему сказать.

— Было совсем иначе, когда в мире еще были люди, — заговорил он, — люди, для которых не было ничего удивительного в том, что человек может превратиться в горного льва или птицу, или просто летать. Так что я больше не пользуюсь «травой дьявола». Зачем? Чтобы пугать индейцев?

И я увидел его печаль, и почувствовал глубокое сострадание. Мне хотелось что-нибудь сказать ему, пусть даже банальность.

— Может быть, дон Хуан, это участь всех, кто ищет знание.

— Может быть, — спокойно сказал он.

Четверг, 23 ноября 1961

Подъехав к дому дона Хуана, я не увидел его на веранде. Это было странно. Я громко кликнул его, и из дому вышла его невестка.

— Заходи, — сказала он.

Оказалось, что две-три недели назад он вывихнул лодыжку. Он сам сделал себе гипсовую повязку, пропитав полосы из тряпок в кашице, изготовленной из кактусов и толченой кости. Материя, туго обернутая вокруг щиколотки,

высохнув, превратилась в легкий и гладкий панцирь. Повязка получилась твердой как гипсовая, но гораздо удобнее и не такая громоздкая.

— Как это произошло? — спросил я.

Ответила его невестка, мексиканка из Юкатана, которая за ним ухаживала:

— Да просто случайность. Он упал и чуть не сломал себе ногу.

Дон Хуан засмеялся, затем подождал, пока она ушла, и сказал:

— Случайность, как бы не так! У меня есть враг поблизости. Женщина, зовут Ла Каталина. Она улучила мгновение и меня толкнула. Я и упал.

— Зачем это ей понадобилось?

— Убить меня хотела, вот и все.

— Она была у тебя в доме?

— Ага.

— Как же ты ей позволил войти?

— Ничего я ей не позволял. Она сама влетела.

— Как это?

— Она — черный дрозд. И надо признать, у нее это здорово получается.

Я опешил.

— Она уже давно и не раз пыталась со мной покончить. И на этот раз едва не получилось.

— Ты сказал, она — черный дрозд? То есть она что птица?

— Опять ты со своими вопросами. Она — черный дрозд. Точно так же, как я — ворона. Кто я — человек или птица? Я — человек, который знает, как становиться птицей. Касательно же Ла Каталины, так это просто исчадие ада. До того ей не терпится меня убить, что все труднее от нее отбиваться. Птица ворвалась прямо в дом, и я ничего не мог поделать.

— Ты можешь становиться птицей, дон Хуан?

— Могу. Но об этом как-нибудь в другой раз.

— Почему она хочет тебя убить?

— Это старая история. Теперь она подошла к развязке, и похоже, придется с нею покончить, пока она меня не прикончила.

— Ты собираешься прибегнуть к колдовству? — спросил я с надеждой.

— Тьфу, дурень. Какое тут колдовство поможет? У меня другие планы. Когда-нибудь, может, я ими с тобой поделюсь.

— А что, твой союзник не может тебя от нее защитить?

— Нет, дымок только говорит мне, что делать. Защищать себя я должен сам.

— Ну, а Мескалито? Может быть, прибегнуть к его защите?

— Нет. Мескалито — учитель, а не сила, которую можно использовать как заблагорассудится.

— А «трава дьявола»?

— Говорю тебе, я должен защищать себя сам, следуя при этом лишь указаниям дымка, моего союзника. И в этом смысле, насколько мне известно, дымок может многое. Какие бы проблемы ни возникли, дымок тебе все расскажет, и при этом укажет не только что делать, но и как. Из всех доступных человеку это самый замечательный союзник.

Лучший союзник для каждого?

— С каждым у него по-своему. Многие его боятся и ни за что не станут к нему прикасаться, и вообще предпочитают не связываться. Дымок не для всех, как и все остальное.

— Что же он такое?

Дымок — это дым предсказателей!

В его голосе явственно прозвучало благоговение, чего я до сих пор за ним не замечал.

— Для начала приведу слова моего бенефактора, когда он начал учить меня этим вещам, — хотя в то время я, так же как ты сейчас, не мог его понять по-настоящему. «Трава дьявола» — для тех, кто жаждет обладания силой. Дымок — для тех, кто стремится прежде всего наблюдать и видеть. И я считаю, что в этом дымок не знает себе равных. Как только человек вошел в его владения, ему подвластна любая другая сила. Это великолепно! Разумеется, за это нужно по-настоящему платить. Годы потребуются только на то, чтобы узнать как следует две его главные части: трубку и курительную смесь. Трубку я получил от моего бенефактора, и за долгие годы общения с трубкой я с нею сросся. Она выросла в мои руки. Вручить ее, например, тебе, будет серьезной задачей для меня и

большим достижением для тебя — если, конечно, у нас что-то получится. Трубка будет в напряжении от того, что ее держит кто-то другой; и если один из нас сделает ошибку, то она с роковой неизбежностью сама расколется, или, скажем, случайно выскользнет из рук и разобьется, даже если упадет на кучу соломы. Если это когда-нибудь случится, то, значит, конец нам обоим, о себе не говорю. Непостижимым образом дымок обратится против меня.

— Как он может обратиться против тебя, если он твой союзник?

Мой вопрос, видимо, прервал поток его мыслей. Он долго молчал.

— Благодаря сложности состава курительная смесь — опаснейшее вещество из всех, которые мне известны. Без нужной подготовки ее не может сделать никто. Она смертельно опасна для всякого, кроме того, кому покровительствует дымок. Трубка и смесь требуют любовнейшего отношения, и тот, кто намерен с ними учиться, должен подготовить себя, ведя строгую и скромную жизнь. Действие дымка столь устрашающе, что лишь очень сильный человек способен устоять даже против слабой затяжки. Вначале все представляется пугающим и запутанным, зато каждая следующая затяжка проясняет все вокруг и вносит все большую ясность. И внезапно мир открывается заново. Это поразительно! Когда это происходит, дымок становится союзником этого человека и открывает путь в незримые чудесные миры. Это главное в дымке, его величайший подарок. И делает он это, не принося ни малейшего вреда. Вот это — настоящий союзник.

Мы, как обычно, сидели на веранде, на хорошо утрамбованном и тщательно подметенном земляном полу. Вдруг он встал и направился в дом. Вскоре он вернулся с узким свертком и вновь уселся.

— Это моя трубка, — сказал он. Он наклонился ко мне и показал трубку, которую вытащил из чехла зеленой парусины. Длинной она была дюймов девяносто. Черенок был из красноватого дерева, гладкий, без резьбы. Чубук был тоже из дерева, но в сравнении с черенком выглядел значительно более массивным — отполированный до блеска, темно-серого цвета, почти как кусок угля.

Он поднес трубку к моим глазам. Я подумал, что он протягивает ее мне, и хотел было ее взять, но он мгновенно отдернул руку.

— Эту трубку дал мне мой бенефактор, — сказал он. — В свою очередь я передам ее тебе. Но сначала ты должен сойтись с нею поближе. Каждый раз, как ты будешь сюда приезжать, я буду давать ее тебе. Начнешь с прикосновения к ней. Держать ее будешь вначале очень недолго, пока вы не привыкнете друг к другу. Затем ты положишь ее к себе в карман или, скажем, за пазуху, и только со временем можно будет поднести ее ко рту. Все это нужно делать постепенно, очень медленно и осторожно. Когда между вами установится более прочная связь, ты начнешь ее курить. Если ты последуешь моему совету и не будешь торопиться, то дымок, возможно, станет и твоим любимым союзником.

Он подал мне трубку, не выпуская из рук. Я протянул к ней правую руку.

— Обеими, — сказал он.

Я обеими руками на очень короткое мгновение коснулся трубки. Он ее не выпускал, так что я не мог ее ухватить, а мог лишь коснуться трубки. Затем он сунул трубку в чехол.

— Первый шаг — полюбить трубку. На это нужно время.

— А она — может меня невзлюбить?

— Нет, трубка не может тебя невзлюбить, но ты должен научиться любить ее, чтобы к тому времени, когда начнешь курить, трубка вселяла в тебя бесстрашие.

— Что ты куришь, дон Хуан?

— Вот это.

Он расстегнул воротник и показал скрытый за пазухой небольшой мешочек, висевший на шее на манер медальона. Он вынул кисет, развязал и очень осторожно отсыпал себе на ладонь немного содержимого.

Смесь по виду напоминала мелко истертые чайные листья разной окраски — от темно-коричневой до светло-зеленой, с несколькими крупными ярко-желтого цвета.

Он всыпал смесь в кисет, завязал его, затянул ремешком и спрятал за пазуху.

— Что это за смесь?

— Там много всякого. Добыть все составляющие — предприятие очень нелегкое. Приходится отправляться очень далеко. Грибочки (los honguitos), необходимые для приготовления смеси, растут только в определенное время года и только в определенных местах.

— Эти смеси разные в зависимости от того, какая нужна помощь?

— Нет, существует только один дымок, и нет никакого другого.

Он ткнул пальцем в мешочек за пазухой и поднял трубку, которая была зажата у него между колен:

— Эти двое — одно. Одного нет без другого. Трубку и секрет смеси я получил от моего бенефактора. Они были переданы ему точно так же, как он передал их мне. Смесь трудно приготовить, но легко восполнить. Ее секрет — в ее составляющих, в способе их сбора, обработки и самого смешивания. Трубка же — на всю жизнь. Она требует самого тщательного ухода. Она прочная и

крепкая, но ее следует всегда беречь от малейшего удара и сотрясения. Держать трубку надо только в сухих руках и никогда не братья потными, а курить лишь в совершенном одиночестве. И никто, ни один человек на свете никогда не должен ее видеть, разве что ты сам намерен ему ее передать. Вот чему учил меня мой бенефактор. И именно так, сколько себя помню, я обращаюсь с трубкой.

— А что случилось бы, если бы ты ее потерял или сломал?

Он очень медленно покачал головой и взглянул на меня:

— Я бы умер.

— У всех магов такие трубки?

— Не у всех такие, как у меня, но я знаю некоторых, у кого не хуже.

— А ты сам можешь сделать такую же, дон Хуан? — допытывался я. — Предположим, у тебя бы ее не было. Как бы тогда ты передал мне трубку, если бы в этом возникла необходимость?

— Если бы у меня не было трубки, то я не мог бы ее тебе передать, даже если, положим, захотел бы. Я дал бы тебе что-нибудь другое.

Видно было, что он чем-то недоволен. Он очень осторожно положил трубку в чехол, внутри которого, вероятно, был вкладыш из мягкой материи, потому что трубка, едва его коснувшись, мгновенно скользнула внутрь. Он направился в дом ее спрятать.

— Ты на меня не сердишься, а, дон Хуан? — спросил я, когда он вернулся. Он, казалось, удивился.

— Нет. Я никогда ни на кого не сержусь. Ни один человек не может сделать ничего, что этого бы заслуживало. На людей сердишься, когда чувствуешь, что их поступки важны. Ничего подобного я давно не чувствую.

Вторник, 26 декабря 1961

Пересадка «саженца», как называл корень дон Хуан, не требовала специальной даты, хотя предполагалось, что в освоении «травы дьявола» это будет следующий этап.

Я прибыл к дону Хуану в субботу, 23 декабря, сразу после обеда. Как обычно, мы некоторое время сидели в молчании. День был теплый и пасмурный. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как он дал мне первую порцию.

— Время вернуть «траву дьявола» земле, — вдруг сказал он. — Но сначала нужно установить для тебя защиту. Ты будешь хранить и защищать ее. И никто, кроме тебя, не должен ее видеть. Поскольку устанавливая защиту буду я, я тоже

буду видеть твою «траву дьявола». Хорошего в этом мало, поскольку, я уже говорил, я не поклонник «травы дьявола». Не получается у нас идиллии. Но моя память проживет недолго, я слишком стар. А вот ты должен беречь ее от чужих глаз, поскольку до тех пор, пока кто-то будет помнить об увиденном, сила защиты сомнительна.

Он пошел к себе в комнату и вытащил из-под старой циновки три узла из дерюги. Потом вернулся и сел на веранде.

После долгого молчания он развязал один узел. Это была женская особь *datura* из тех, которые он тогда выкопал. Все сложенные им листья, цветы и семенные коробочки высохли. Он взял длинный кусок корня в виде буквы игрек и завязал узел.

Корень высох и сморщился, резко обозначились складки коры. Он положил его на колени, открыл свою кожаную сумку, вытащил нож и поднес корень к своим глазам.

— Эта часть — для головы, — сказал он и сделал первый надрез на нижнем конце «играка», который в перевернутом виде напоминал человечка с расставленными ногами.

— Эта — для сердца, — Сказал он и сделал надрез в развилке. Затем он обрезал концы корня, оставив примерно по три дюйма на каждом. Потом медленно и кропотливо он вырезал фигурку человека.

Корень был сухой и волокнистый. Прежде чем приступить к самой резьбе, дон Хуан сделал два предварительных надреза, для чего ему пришлось растеребить и вдавить волокна вглубь канавок. Однако когда он перешел к деталям, то орудовал ножом прямо по дереву, как при отделке рук и ног. Под конец получилась фигурка человека со сложенными на груди руками и сплетенными в замок кистями рук.

Дон Хуан встал и направился к синей агаве, росшей рядом с верандой. Ухватившись за твердый шип одного из самых мясистых листьев, он нагнул его и несколько раз повернул вокруг оси. Шип почти отделился от листа и повис; дон Хуан ухватился за него зубами и выдернул. Шип вышел из мякоти листа, за ним тащился хвост белых нитевидных волокон длиной в два фута. Все еще держа шип в зубах, дон Хуан скрутил из волокон шнур, которым обвил ноги фигурки, словно для того, чтобы свести их вместе. Он обмотал всю нижнюю часть фигурки; на это ушел весь шнур. Затем он искусно приделал шип в виде копья к передней части фигурки, под сложенными руками, так что оно торчало острием из-под сцепленных ладоней. Он вновь ухватился за шип зубами и, осторожно потянув, вытащил почти до конца. Теперь шип выглядел как длинное копье, выступающее из груди человечка. Закончив с фигуркой, дон Хуан сунул ее в кожаную сумку. Я видел, что он сильно устал. Он лег на пол веранды и уснул.

Когда он проснулся, было уже темно. Мы поели из тех консервов, которые я ему привез, и еще немного посидели на веранде. Затем дон Хуан взял три узла и пошел за дом. Там он нарубил веток и сухих сучьев и развел костер. Мы уселись у костра поудобнее, и он развязал все три узла. В первом были сухие части женского растения, во втором все, что осталось от мужского, а из третьего, самого внушительного, он вытащил зеленые свежесрезанные части *datura*.

Дон Хуан пошел к корыту и вернулся с каменной ступкой, очень глубокой, напоминавшей скорее горшок с закругленным дном. Он сделал в земле ямку и в ней прочно установил ступку. Он подбросил сучьев в костер, затем взял два узла с сухими частями мужской и женской особи и все это высыпал в ступку, напоследок встряхнув дерюгу, чтобы убедиться, что там ничего не осталось. Из третьего узла он вытащил два свежих куска корня.

— Я буду готовить их специально для тебя, — сказал он.

— Как именно готовить, дон Хуан?

— Этот кусок — от женской особи, этот — от мужской. Сейчас тот редкий случай, когда кавалер и дама кладутся вместе. Оба куска с глубины в один ярд.

Он принялся толочь их в ступке равномерными ударами пестика, тихо напевая при этом что-то, звучавшее как лишенный ритма монотонный гул. Слов я не мог разобрать. Он весь ушел в работу.

Когда корни были истерты в порошок, он вынул из свертка несколько листьев, чистых и свежесрезанных, без единой червоточины или следа гусеницы, и неторопливо по одному бросил их в ступку. Потом взял горсть цветов и по одному бросил туда же. Всего я их насчитал четырнадцать. Затем он достал зеленые семенные коробочки, усеянные шипами и еще не раскрывшиеся. Их я сосчитать не мог — он бросил в ступку всю горсть, — но кажется, их тоже было четырнадцать. Он добавил три стебля без листьев — темно-красного цвета, тоже без червоточин. Судя по многочисленным на них срезам, это были стебли больших растений.

Положив в ступку, он мерными ударами растолок все это в кашу, наконец опрокинул ступку на ладонь и переложил смесь в старый горшок. Он протянул мне руку, и я подумал, что ее нужно вытереть. Но он, схватив мою левую руку и молниеносным движением растопырив средний и безымянный пальцы, воткнул, не успел я опомниться, между ними острие ножа и разрезал кожу вниз по безымянному пальцу. Действовал он с такой быстротой и ловкостью, что когда я отдернул руку, кровь уже лилась ручьем из глубокого пореза. Он опять схватил мою руку, поднес к горшку и выжал в него побольше крови.

Рука онемела. Я был в состоянии шока, в странном холодном жестком напряжении, с ощущением давления в груди и в ушах. Я чувствовал, что куда-то соскальзываю. Я был близок к обмороку. Он отпустил мою руку и помешал в

горшке. Когда я очнулся, то был здорово на него сердит. Понадобилось довольно много времени, чтобы я полностью пришел в себя.

Он разложил вокруг костра три камня и поставил на них горшок. Ко всей смеси в горшке он добавил еще что-то вроде большого куска столярного клея, влил большой ковш воды и оставил все это кипеть. Дурман сам по себе пахнет весьма специфически, в соединении же со столярным клеем, который, угодив в закипавшую смесь, тотчас дал о себе знать, получилась такая вонь, что я с трудом удерживался от рвоты.

Смесь долго кипела, а мы все это время неподвижно сидели у костра. Время от времени, когда ветер гнал испарения в мою сторону, меня обволакивало вонью, и я старался не дышать.

Открыв кожаную сумку, дон Хуан вытащил человечка, бережно передал фигурку мне и велел сунуть в горшок, только осторожно, чтобы не обжечься. Фигурка беззвучно скользнула в кипящее варево. Он вынул нож, и у меня мелькнула мысль, что сейчас он опять будет меня резать, но он просто подтолкнул острием фигурку и утопил ее окончательно.

Он еще немного понаблюдал, как кипит варево, а затем принялся чистить ступку. Я помогал. Когда мы закончили, он сложил ступку и пестик у забора. Мы вошли в дом, а горшок оставался на камнях всю ночь.

На рассвете дон Хуан велел мне вытащить фигурку из клея и повесить к кровле, лицом на восток, сохнуть на солнце. К полудню она стала твердой как проволока. Клей затвердел и стал зеленым от брошенных в варево листьев. Фигурка отливала сверхъестественным гляncем.

Дон Хуан велел снять фигурку и дал мне сумку из старой замшевой куртки, которую я ему когда-то привез. Выглядела сумка точно так же, как его собственная, разве что та была из мягкой желтой кожи.

— Положи свой «портрет» в сумку и закрой ее, — сказал он.

Он демонстративно отвернулся и на меня не смотрел. Когда я спрятал фигурку, он дал мне сетку и велел положить в нее глиняный горшок.

Он подошел к моей машине, взял у меня из рук сетку и прицепил ее к открытой дверце бардачка.

— Ступай-ка за мной, — приказал он.

Он обошел вокруг дома, сделав полный оборот по часовой стрелке. Постояв на веранде, он еще раз обошел вокруг дома, на этот раз против часовой стрелки, и опять вернулся на веранду. Какое-то время он стоял неподвижно, потом сел.

Я уже привык считать, что во всем, что бы он ни делал, есть какой-то особый смысл. Я гадал о том, что бы означали эти эволюции вокруг дома, когда он воскликнул:

— Вот те на! Куда ж я его девал?

Я спросил, что он ищет. Оказалось — саженец, который я должен пересадить. Мы еще раз обошли вокруг дома, пока он наконец вспомнил.

Он подвел меня к полочке под крышей; на полочке стояла небольшая стеклянная банка, в ней была вторая половина первой порции корня. Сверху уже пробилась ростки. На дне оставалось немного воды, но земли не было.

— А почему там нет земли? — спросил я.

— Каждая почва своеобразна, а «трава дьявола» должна знать только ту землю, на которой будет расти. Сейчас самое время вернуть ее земле, пока не завелись черви.

— Мы посадим ее здесь, возле дома? — спросил я.

— Ни в коем случае! Вернуть земле ее нужно только в том месте, которое тебе нравится.

— А где же оно, это место, которое мне нравится?

— Нужна тебе сила — придется попотеть. Другого выхода нет.

— Может, ты за ней присмотришь, пока я буду отсутствовать, а, дон Хуан?

— Ты издеваешься! Каждый должен сам растить свой саженец. У меня есть свой. Теперь ты должен иметь свой. И считать себя готовым к учению можешь не ранее, чем получишь семена от своего саженца.

— А ты мне не подскажешь, где его сажать?

— Это уж ты сам решай. Но место это не открывай никому, даже мне. Только так сажают «траву дьявола». Никто, ни одна душа не должна знать твое место. Если за тобой шел и видел тебя незнакомец, хватай саженец и беги в другое место. Тот, кто тебя видел, может нанести тебе невообразимый вред, манипулируя твоим растением. Он может искалечить или убить тебя. Вот почему даже я не должен знать, где оно находится.

Он протянул мне банку с куском корня:

— Теперь возьми его.

Я взял банку, и он почти потащил меня к машине.

— Теперь уезжай. Ступай и подбери место, где ты его посадишь. Вырой яму в мягкой почве, недалеко от воды. Помни — чтобы вырасти как следует, вода должна быть где-нибудь рядом. Яму копай только руками, пусть хоть поранишь их до крови. Корень посадишь в центре ямы, и сделай вокруг него насыпь. Затем польешь водой. Когда вода впитается, засыпь яму мягкой землей. Потом выберешь место в двух шагах на юго-восток от саженца. Там выкопаешь еще одну яму поглубже, тоже собственными руками, и выльешь в нее все, что осталось в горшке. Затем разбей горшок и черепки закопай поглубже где-нибудь подальше от саженца. Когда закопаешь черепки, вернешься к своему саженцу и еще раз его польешь. Затем достань свой «портрет», сунь его между пальцами там, где порез, и, стоя на том месте, где ты закопал вареву, слегка дотронься до саженца иглой. Обойди его четырежды, при обходе останавливаясь всякий раз на том же месте, чтобы коснуться саженца.

— В каком направлении двигаться, обходя саженец?

— В каком хочешь. Но ты должен постоянно помнить, где закопал месиво из горшка и в каком направлении ты двигался вокруг саженца. При обходе всякий раз касайся его острием лишь слегка, и только напоследок уколешь поглубже. Делай это осторожно: стань на колени, чтобы рука случайно не дрогнула, потому что ни в коем случае нельзя сломать острие, чтобы оно не осталось в растении. Сломаешь острие — все пропало; корень тебе больше не понадобится.

— Нужно ли при обходе что-нибудь говорить?

— Нет. Я сделаю это вместо тебя.

Суббота. 27 января 1962

Сегодня утром, как только я приехал, дон Хуан сказал, что покажет приготовление курительной смеси. Мы отправились в горы, далеко в глубь одного из каньонов. Дон Хуан остановился у высокого стройного куста, который по цвету заметно выделялся на фоне прочей растительности. Заросли вокруг куста были желтоватыми, тогда как сам куст — ярко-зеленым.

— Ты должен собрать с него листья и цветы, — сказал он. — Сегодня как раз подходящее время: День Всех Душ (El Dia De Las Animas).

Он вынул нож и срезал конец тонкой ветки, выбрал другую такую же и тоже срезал у нее верхушку, — и так до тех пор, пока в руках у него не оказалась горсть срезанных верхушек тонких веточек. Затем он сел на землю.

— Смотри сюда, — сказал он, — все эти ветки я срезал выше развилки между стеблем и двумя или более листьями. Видишь? Они все одинаковы. От каждой ветки я взял только верхушку, где листья свежие и нежные. Теперь нужно найти тенистое место.

Шли мы довольно долго, пока он нашел то, что искал. Он вытащил из кармана длинный шнурок и привязал его одним концом к стволу, другим — к нижним ветвям двух кустов, протянув между ними таким образом что-то вроде бельевой веревки, на которой развесил вверх ногами срезанные веточки. Он равномерно расположил их вдоль шнурка; подвешенные за развилки, они напоминали кавалькаду всадников в зеленых плащах.

— Нужно следить, чтобы листья сохли в тени, — сказал он. — Место должно быть укромным и труднодоступным. Это для них защита. Сушить нужно в таком месте, где их почти невозможно найти. Когда листья высохнут, их нужно сложить в пакет и запечатать.

Он снял веточки со шнурка и забросил в кустарник. Очевидно, он хотел только показать мне процедуру.

По пути он сорвал три разных цветка, сказав, что они также входят в смесь и собирать их следует в то же время, но складывать в отдельные глиняные горшки и сушить в темноте. Каждый горшок должен быть запечатан и плотно закрыт, чтобы цветы покрылись плесенью. Листья и цветы добавляют в смесь, чтобы ее смягчить.

Из каньона мы вышли по руслу реки и, сделав большой крюк, вернулись к его дому. Поздно вечером мы уселись в его комнате, что было редкостью, и он рассказал о последней составляющей — грибах.

— В грибах — подлинная тайна смеси, — сказал он. — Их труднее всего раздобыть. Путешествие к местам, где они растут, трудное и небезопасное, а собрать именно те грибы, которые годятся, еще более рискованно. Помимо прочего, их можно спутать с другими, которые там растут и от которых больше вреда, чем пользы. Они только испортят хорошие грибы, если будут сушиться вместе. Чтобы не натворить ошибок и как научиться разбираться в грибах, требуется время. Использование не тех грибов может нанести серьезный вред — и человеку, и трубке. Я знал людей, которые умерли на месте от того лишь, что были небрежны со смесью.

Когда грибы собраны, их укладывают в бутылку из тыквы, поэтому их после нельзя перебрать. Дело в том, что грибы приходится вначале искрошить, чтобы протолкнуть через узкое горлышко бутылки.

— Сколько им там находиться?

— Год. Все остальные составляющие также запечатываются на год. Затем их отмеряют в нужной пропорции и по очереди размалывают в мелкий порошок. Грибочки размалывать нет нужды, потому что за год они сами превратятся в пыль; достаточно лишь раздавить комья. К четырем частям грибов добавляют одну часть смеси из прочих составляющих. Все это хорошенько перемешивают и сыпают в мешочек вроде моего.

Он ткнул пальцем в кисет под рубашкой.

— Потом все составляющие опять собираются вместе, и только после того, как они убраны сушиться, смесь, которую ты приготовил, можно курить. В твоем случае это будет в следующем году. А еще через год смесь будет в твоем полном распоряжении, потому что будет собрана тобой. Когда будешь курить в первый раз, я сам зажгу для тебя трубку. Ты выкуришь всю трубку и будешь ждать. Дымок придет, ты его почувствуешь. Он даст тебе свободу видеть все, что ты захочешь. Это в самом деле непревзойденный союзник. Но всякий, кто его ищет, должен обладать непреклонной волей и устремленностью, во-первых, потому, что он должен рассчитывать вернуться и желать возвращения, иначе дымок его не отпустит; во-вторых, он должен рассчитывать и стремиться запомнить все, что даст ему увидеть дымок, иначе в голове останутся просто обрывки тумана.

Суббота, 8 апреля 1962

В беседах дон Хуан периодически использовал выражение «человек знания», но ни разу не объяснил, что это значит. Я попросил его объяснить.

— Человек знания — это тот, кто добросовестно и с верой переносит лишения и тяготы обучения, — сказал он. — Тот, кто без спешки, но и без промедления отправился в полный опасностей путь, чтобы разгадать, насколько это ему удастся, тайны знания и силы.

— Может ли быть человеком знания каждый?

— Нет, далеко не каждый.

— Что же тогда для этого нужно?

— Человек должен бросить вызов своим четырем извечным врагам и сразить их.

— И после победы над ними он будет человеком знания?

— Да, человек имеет право назвать себя человеком знания лишь если победит всех четырех.

— Тогда может ли любой, кто победит этих врагов, быть человеком знания?

— Любой, кто победит их, становится человеком знания.

— Но существуют ли какие-то особые требования, которым должен соответствовать человек прежде, чем начать битву со своими врагами?

— Нет. Стать человеком знания может пытаться любой, хотя очень немногие преуспевают в этом; но это естественно. Враги, которых встречает человек на

пути к знанию, — в самом деле грозные враги. Большинство людей перед ними отступают и сдаются.

— Что же это за враги, дон Хуан?

На этот вопрос он отвечать оказался, сказав лишь, что должно пройти много времени прежде, чем эта тема будет иметь для меня какой-то смысл. Я все же попытался ее удерживать и спросил, могу ли стать человеком знания, например, я. Он ответил, что этого, пожалуй, никто не может сказать наверняка. Но мне хотелось точно знать, нет ли какого-нибудь способа определить, есть ли у меня шанс. Он сказал, что это решит моя битва против четырех врагов: я выйду либо победителем, либо побежденным, но исход битвы предсказать невозможно.

Я спросил, не может ли он прибегнуть к колдовству или гаданию, чтобы увидеть исход. Он ответил совершенно безапелляционно, что результат битвы нельзя предвидеть никоим образом, поскольку быть человеком знания — вещь преходящая. Когда я попросил это растолковать, он ответил:

— Быть человеком знания — не навсегда: это непостоянно. Никто в действительности не является безусловно человеком знания. Скорее, человеком знания становятся лишь на краткое время после победы.

— Скажи мне, что это за враги.

Он не ответил. Я пытался настаивать, но он оборвал эту тему и заговорил о другом.

Воскресенье, 15 апреля 1962

Готовясь к отъезду, я решил еще раз спросить его насчет врагов человека знания. Я всячески отстаивал свои доводы, убеждая его, что меня здесь долго не будет, и потому неплохо бы записать все, что он мне скажет, чтобы потом на досуге над этим поразмыслить.

Поколебавшись, он все же заговорил.

— Когда человек начинает учиться, он никогда не имеет четкого представления о препятствиях. Его цель расплывчата и иллюзорна; его устремленность неустойчива. Он ожидает вознаграждения, которого никогда не получит, потому что еще не подозревает о предстоящих испытаниях.

Постепенно он начинает учиться — сначала понемногу, затем все успешней. И вскоре он приходит в смятение. То, что он узнает, никогда не совпадает с тем, что он себе рисовал, и его охватывает страх. Учение оказывается всегда не тем, что от него ожидают. Каждый шаг — это новая задача, и страх, который человек испытывает, растет безжалостно и неуклонно. Его цель оказывается полем битвы.

И таким образом перед ним появляется его первый извечный враг: Страх! Ужасный враг, коварный и неумолимый. Он таится за каждым поворотом, подкрадываясь и выжидая. И если человек, дрогнув перед его лицом, обратится в бегство, его враг положит конец его поискам.

— Что же с этим человеком происходит?

— Ничего особенного, кроме разве того, что он никогда не научится. Он никогда не станет человеком знания. Он может стать пустомелей или безвредным напуганным человечком: но во всяком случае он будет побежденным. Первый враг поставил его на место.

— А что нужно делать, чтобы одолеть страх?

— Ответ очень прост: не убегать. Человек должен победить свой страх и вопреки ему сделать следующий шаг в обучении, и еще шаг, и еще. Он должен быть полностью устрешенным, и однако не должен останавливаться. Таков закон. И наступит день, когда его первый враг отступит. Человек почувствует уверенность в себе. Его устремленность крепнет. Обучение больше не будет пугающей задачей. Когда придет этот счастливый день, человек может сказать не колеблясь, что победил своего первого извечного врага.

— Это происходит сразу или постепенно?

— Постепенно, и все же страх исчезает внезапно и тотчас.

— А может человек вновь испытать его, если с ним случится что-нибудь непредвиденное?

— Нет. Тот, кто однажды преодолел страх, свободен от него до конца своих дней, потому что вместо страха приходит ясность, которая рассеивает страх. К этому времени человек знает все свои желания и знает, что с ними делать; он может открывать для себя или предпринимать новые шаги в обучении, и все пронизывает острая ясность. Человек чувствует что для него не существует тайн.

И так он встречает второго врага: Ясность! Эта ясность, столь труднодостижимая, рассеивает страх, но она же и ослепляет.

Она заставляет человека никогда не сомневаться в себе. Она дает уверенность, что он ясно видит все насквозь. Да он и мужествен благодаря ясности и не остановится ни перед чем. Но все это — заблуждение: здесь что-то не то... Если человек поддастся своему мнимому могуществу, значит, он побежден вторым врагом и будет в обучении топтаться на месте. Он будет бросаться вперед, когда надо выжидать, или он будет выжидать, когда нельзя медлить. И так он будет топтаться, пока не выдохнется и потеряет способность еще чему-либо научиться.

— Что случается с ним после такого поражения? Он что, в результате умрет?

— Нет, не умрет. Просто второй враг перекрыл ему путь; и вместо человека знания он может стать веселым и отважным воином или, скажем, скоморохом. Однако ясность, за которую он так дорого заплатил, никогда не сменится вновь тьмой и страхом. Все будет навсегда для него ясным, только он никогда больше ничему не научится и ни к чему не будет стремиться.

— Что же ему делать, чтобы избежать поражения?

— То же, что со страхом: победить ясность и пользоваться ею лишь для того, чтобы видеть, и терпеливо ждать, и перед каждым новым шагом тщательно все взвешивать; а прежде всего — знать, что его ясность в сущности иллюзорна. И однажды он увидит, что ясность была лишь точкой перед глазами. Только так он сможет одолеть своего второго извечного врага и достичь такого положения, в котором ему уже ничего не сможет повредить. И это не будет заблуждением, всего лишь точкой перед глазами. Это будет подлинная сила.

На этом этапе ему станет ясно, что сила, за которой он так долго гонялся, наконец принадлежит ему. Он может делать с нею все что захочет. Его союзник в его распоряжении. Его желание — закон. Он видит насквозь все вокруг. Это и значит, что перед ним третий враг: Сила!

Это — самый грозный враг. И конечно, легче всего — просто сдаться: ведь в конце концов ее обладатель действительно непобедим. Он хозяин, который вначале идет на обдуманный риск, а кончает тем, что устанавливает закон, потому что он — хозяин.

Здесь человек редко замечает третьего врага, который уже навис над ним. И он не подозревает, что битва уже проиграна. Он превращен своим врагом в жестокого, капризного человека.

— Он потеряет свою силу?

— Нет; ни ясности, ни силы он не потеряет никогда.

— Чем же он тогда будет отличаться от человека знания?

— Человек, побежденный собственной силой, умирает, так и не узнав в действительности, что с нею делать. Сила — лишь бремя в его судьбе. Такой человек не властен над самим собой и не может сказать, когда и как использовать свою силу.

— Является ли поражение от какого-нибудь из этих врагов окончательным?

— Разумеется. Раз уж человек однажды побежден, он ничего не может поделать.

— А может ли, например, тот, кто побежден силой, увидеть свою ошибку и ее исправить?

— Нет. Если человек сдался, с ним покончено.

— Но что если он лишь временно был ослеплен силой, а тут от нее откажется?

— Ну, значит не все потеряно; значит он все еще пытается стать человеком знания. Человек побежден лишь тогда, когда он оставил всякие попытки и отрекся от самого себя.

— Но в таком случае получается, что человек может отречься от себя и испытывать страх целые годы, но в конце концов победит его.

— Нет, это не так. Если он поддался страху, то никогда его не победит, потому что будет избегать учения и никогда не отважится на новую попытку. Но если в течение многих лет он даже в центре своего страха не оставит попыток учиться, тогда он рано или поздно победит страх, потому что фактически никогда ему не поддавался.

— Как победить третьего врага, дон Хуан?

— Попросту победить, во что бы то ни стало. Человек должен прийти к пониманию того, что сила, которую он якобы покорил, в действительности ему не принадлежит и принадлежать никогда не может. Он должен утвердиться в неизменном самообладании, трезво и бескорыстно пользуясь всем, что узнал. Если он способен увидеть, что без самообладания ясность и сила хуже иллюзии, он достигнет такой точки, где все будет в его подчинении. Тогда он узнает, когда и как использовать свою силу. Это и будет означать, что он победил третьего врага и пришел к концу своего странствия в обучении.

И вот тут без всякого предупреждения его настигает последний враг: Старость! Это самый жестокий враг, которого нельзя победить, можно лишь оттянуть свое поражение.

Это пора, когда человек избавился от страхов, от безудержной и ненасытной ясности, пора, когда вся его сила в его распоряжении, но и пора, когда им овладевает неодолимое желание отдохнуть, лечь, забыться. Если он даст ему волю, если он убаюкает себя усталостью, то упустит свою последнюю схватку, и подкравшийся враг сразит его, превратив в старое ничтожное существо. Желание отступить затмит его ясность, перечеркнет всю его силу и все его знание.

Но если человек стряхнет усталость и проживет свою судьбу до конца, тогда его в самом деле можно назвать человеком знания, пусть ненадолго, пусть лишь на тот краткий миг, когда ему удастся отогнать последнего и непобедимого врага. Одного лишь этого мгновения ясности, силы и знания уже достаточно.

Глава 4

В разговорах о Мескалито дон Хуан редко пускался в откровенность. Всякий раз, как я затрагивал эту тему, я спрашивал, почему он ее избегает. Отвечать он отказывался, но всегда говорил о Мескалито как раз достаточно, чтобы укрепить во мне впечатление его антропоморфности. В передаче дона Хуана Мескалито был мужского рода не только благодаря соответствующему окончанию, которое свойственно словам мужского рода в испанском языке, но и благодаря его неизменному статусу «защитника и учителя». Такие характеристики лишь подтверждались при всяком новом разговоре.

Воскресенье, 24 декабря 1961

— «Трава дьявола» никогда никого не защищала. Ее назначение — давать силу, и не более того. Мескалито, напротив, великодушен как дитя.

— Но ты же говорил, что он бывает устрашающ.

— Конечно, устрашающ; но с тем, кто ему доверяется, он благороден и добр.

— Из чего это видно, что он добр?

— Он — защитник и учитель.

— Каким же образом он защищает?

— Его можно держать при себе, а он будет следить, чтобы с тобой ничего не случилось плохого.

— Как это — держать при себе?

— В мешочке под рукой или на шее.

— Ты носишь его с собой?

— Нет, потому что у меня есть союзник. Но другие обычно носят.

— Чему же он учит?

— Правильно жить.

— А как он учит?

— Он показывает разные вещи и говорит что есть что (ensenena las cosas y te dice lo que son).

— Как?

— Сам увидишь.

Вторник, 30 января 1962

— Что ты видишь, когда Мескалито берет тебя с собой, дон Хуан?

— Такие вещи так просто не рассказывают. Этого я не могу тебе рассказать.

— Если ты расскажешь, с тобой что-нибудь приключится?

— Мескалито — защитник: добрый, благородный защитник; но это не значит, что с ним можно шутить. Именно потому, что он добрый защитник, он может быть воплощением ужаса для тех, кто ему не нравится.

— Я и не думаю шутить. Я просто хотел бы знать, что он показывает другим и что с ними делает. Я ведь описал тебе все, что со мной было.

— С тобой другое дело, возможно потому, что тебе не известны его пути. Приходится учить тебя этому совершенно так же, как учат ходить ребенка.

— Сколько еще мне предстоит учиться?

— Пока он сам по себе не начнет приобретать для тебя смысл.

— А потом?

— Потом сам все поймешь. Тебе больше не понадобится ничего мне рассказывать.

— Можешь ли ты мне внятно растолковать, куда тебя берет Мескалито?

— Тебе я этого не могу сказать.

— Я хочу только знать, существует ли какой-то другой мир, куда он берет людей.

— Существует.

— Это рай? («Рай» по-испански cielo, но это также «небо».)

— Он берет тебя сквозь небо (cielo).

— То есть, я хочу сказать, это то небо (cielo), где Бог?

— Ты говоришь чушь. Я не знаю, где Бог.

— Мескалито — это Бог, единый Бог? Или один из богов?

— Он просто защитник и учитель. Он — сила.

— Он что, сила внутри нас?

— Нет, Мескалито не имеет с нами ничего общего. Он вне нас.

— Но тогда каждый, кто принимает Мескалито, должен видеть его так же, как остальные.

— Ничего подобного. Для каждого он другой.

Четверг, 12 апреля 1962

— Почему ты не расскажешь мне побольше о Мескалито, дон Хуан?

— Нечего рассказывать.

— Но существует же, наверное, тысяча вещей, которые не мешало бы узнать прежде, чем я снова с ним встречу.

— Нет. Я думаю, что в твоём случае нет ничего такого, что тебе следовало бы знать. Я говорил уже — он с каждым другой.

— Я понял. Но все же хотелось бы знать, что обычно при встрече с ним испытывают.

— Суждения тех, кто о нём болтает, не многого стоят. Сам увидишь. Может статься, какое-то время и ты будешь молотить о нём языком, но вскоре тебе это опротивеет.

— А ты не мог бы все-таки рассказать мне о своем первом опыте?

— Зачем?

— Тогда я знал бы, как себя вести с Мескалито.

— Ты уже знаешь больше меня. Ты в самом деле играл с ним, как ни трудно в это поверить. Когда-нибудь ты убедишься, сколь добр был к тебе защитник. В тот первый раз, не сомневаюсь, он сказал тебе великое множество вещей, но ты был глух и слеп.

Суббота, 14 апреля 1962

— Когда Мескалито показывает себя, он может принимать любую форму?

— Да, любую.

— В таком случае, какие, по-твоему, наиболее обычны?

— Обычных нет.

— Ты хочешь сказать, что он является в любой форме даже тем, кто хорошо с ним знаком?

— Нет. В любой форме он является тем, которые с ним знакомы лишь недавно, но для тех, кто давно его знает, он всегда постоянен.

— Каким образом постоянен?

— Он является им иногда как человек, вроде нас с тобой, иногда как свет.

— Мескалито когда-нибудь изменяет свою постоянную форму с теми, кто хорошо его знает?

— Это не по моей части.

Пятница, 6 июля 1962

К вечеру 23 июня мы отправились в поход — как сказал дон Хуан, поискать «грибочки» (honguitos) в штате Чиуауа. Он предупредил, что поход будет длительным и нелегким; так оно и вышло.

В десять вечера мы прибыли в небольшой шахтерский городок на севере штата. От улицы, где я поставил машину, мы прошли на окраину, к дому его друзей, индейца племени тараумара и его жены, и там заночевали.

Часов в пять утра нас разбудил хозяин, который принес кашу и бобы. Пока мы ели, он говорил с доном Хуаном, но о нашем путешествии не сказал ни слова.

После завтрака хозяин наполнил водой мою флягу и положил мне в рюкзак пару булок. Дон Хуан флягу сунул мне, рюкзак приладил поудобней у себя на спине, поблагодарил хозяина и, повернувшись ко мне, сказал:

— Ну, пошли.

Около мили мы шли по грунтовой дороге, потом свернули в поле и через два часа были у подножья гор к югу от города. Мы начали подниматься по пологому склону, двигаясь на запад; когда склоны стали круче, дон Хуан сменил направление, и мы пошли по плато на восток. Несмотря на преклонный возраст, дон Хуан шагал с такой скоростью, что к полудню я полностью выдохся. Мы сделали привал, и он достал провизию.

— Если хочешь, можешь все съесть, — сказал он.

— А ты?

— Я не голоден, а позже эта еда не понадобится.

Я очень устал и проголодался, поэтому не спорил. Я решил, что сейчас самое время узнать наконец о цели путешествия, и как бы невзначай спросил:

— Мы как, по твоим расчетам здесь надолго?

— Мы пришли сюда, чтобы собрать немного Мескалито, и будем здесь до завтра.

— Где это Мескалито?

— Да кругом.

Вокруг было полно кактусов разных видов, но пейота я среди них не заметил.

Мы снова отправились в путь и к трем пополудни оказались в длинной узкой долине среди крутых склонов. Мысль о том, что я, может, вот-вот найду пейот, который я никогда не видел в его природной среде, вызвала во мне необычное возбуждение. Мы вошли в долину и прошли около четырехсот футов, когда вдруг я заметил три несомненных пейота — целое семейство слева от тропы, поднимавшееся над землей на несколько дюймов. Выглядели они как круглые мясистые зеленые розы. Я бросился к ним, крикнув дону Хуану.

Он точно не слышал и продолжал шагать, уходя все дальше. Я понял, что допустил оплошность, и весь остаток дня мы шли в молчании, медленно передвигаясь по плоской равнине, усеянной мелкими острыми камнями. Шли среди кактусов, вспугивая полчища ящериц, подчас одинокую птицу. Я без звука миновал дюжину кактусов пейота.

К шести вечера мы были у подножья гор на краю долины. Мы взобрались на скалистый уступ. Дон Хуан сбросил рюкзак и сел.

Я опять проголодался, но еды больше не было. Я предложил собрать Мескалито и вернуться. Он поморщился и неодобрительно щелкнул языком, потом сказал, что здесь мы останемся на ночь.

Мы спокойно сидели. Слева была скала, а справа оставшаяся позади нас долина. Она тянулась довольно далеко, и отсюда видно было, что она шире и не такая плоская, как я думал, а кроме того, оказалось, что в ней полно небольших холмов и впадин.

— Завтра двинемся обратно, — сказал дон Хуан, не глядя на меня и указывая на долину. — На обратном пути и будем его собирать. То есть подбирать его мы будем только когда он окажется прямо на нашем пути. Это он будет находить нас, и никак иначе. Если захочет, он нас найдет.

Дон Хуан прислонился к скале и, отвернувшись, продолжал говорить так, будто кроме нас здесь был еще кто-то.

— Еще одно. Брать его буду только я. Ты будешь нести рюкзак или, может быть, просто идти впереди, пока не знаю. Но только на этот раз ты не будешь вопить и мне на него указывать, как это устроил сегодня.

— Прости, дон Хуан.

— Ладно. Ты не знал.

— Твой бенефактор учил тебя всему этому про Мескалито?

— Нет. Про него никто меня не учил. Меня учил сам защитник.

— Так что, Мескалито — это что-то вроде человека, с которым можно поговорить?

— Нет.

— Как же он тогда учит?

Некоторое время он молчал.

— Помнишь, что было, когда ты с ним играл? Ты ведь понимал его, верно?

— Да, понимал.

— Вот так он и учит. Тогда ты этого не знал, но если бы ты был к нему внимательней, он говорил бы тебе.

— Когда?

— Когда ты впервые его увидел.

Его явно раздражали мои расспросы. Я сказал, что мне приходится расспрашивать, так как я хочу знать по возможности все.

— Спрашивай не *меня*, — мрачно улыбнулся он. — Спрашивай *его*. В следующий раз, как его увидишь, спроси обо всем, о чем пожелаешь.

— Так что, все-таки Мескалито — в самом деле кто-то вроде собеседника...

Но не дав мне закончить, он отвернулся, взял флягу, спустился со скалы и скрылся. Мне не хотелось оставаться здесь одному, и, хотя он меня не звал, я отправился следом. Мы прошли около пятисот футов к небольшому ручью. Он умылся и наполнил флягу, потом прополоскал рот, но не пил. Я зачерпнул воды и хотел напиться, но он меня остановил, сказав, что пить не обязательно.

Он сунул мне флягу и пошел обратно. Вернувшись на место, мы опять уселись лицом к долине, спиной к скале. Я спросил, не развести ли костер. Его реакция была как на вопрос совершенно нелепый; этой ночью, сказал он, мы в гостях у Мескалито, и уж защитник позаботится, чтобы нам было тепло.

Уже совсем стемнело. Дон Хуан достал два тонких хлопчатобумажных одеяла, одно из них бросил мне на колени и сел, скрестив ноги и накинув другое себе на плечи. Долина внизу скрывалась во тьме, и края ее тоже таяли в сумерках.

Дон Хуан сидел неподвижно, лицом к долине. Ровный ветер дул мне в лицо.

— Сумерки — трещина между мирами, — не поворачиваясь ко мне, тихо сказал он.

Я не переспрашивал. У меня устали глаза. Настроение вдруг стало приподнятым; почему-то неудержимо хотелось плакать.

Я лег ничком; лежать на твердом камне было страшно неудобно, и каждые несколько минут приходилось менять положение. Наконец я сел, тоже скрестил ноги и накинул одеяло на плечи. Как ни странно, эта поза оказалась чрезвычайно удобной, и я заснул.

Проснулся я оттого, что дон Хуан мне что-то говорит. Было очень темно, и я едва мог различить его силуэт. Я не разобрал, что он говорит, но последовал за ним, когда он начал спускаться с уступа. В темноте мы (я во всяком случае) двигались очень осторожно, пока не остановились у подножья скалистого склона. Дон Хуан сел и знаком велел сесть слева от него. Он расстегнул рубашку, достал кожаный мешочек и, открыв его, положил перед собой. В мешочке было несколько сушеных бутонов пейота.

После долгой паузы он взял один бутон. Он держал его в правой руке, потирая между большим и указательным пальцами, и тихо пел, когда вдруг, совершенно внезапно, издал оглушительный крик:

— Ай-Й-И-И-И-И-И-И-И!!!...

Это было до того неожиданно и жутко, что я оторопел от страха. В полумраке я видел, как он поднес бутон ко рту и начал его жевать. Через минуту он поднял мешочек, протянул мне и шепотом велел взять Мескалито, затем положить мешочек на прежнее место и делать все в точности как он.

Я взял бутон и потер его так, как это делал дон Хуан. Он тем временем пел, раскачиваясь взад-вперед. Несколько раз я подносил бутон ко рту, но меня как-то останавливала эта необходимость вопить. Затем, словно во сне, из меня вырвался неистовый вопль:

— Ай-Й-И-И-И-И-И-И-И-И-И!!!...

На мгновение мне показалось, что это крикнул кто-то другой. Нервное потрясение опять отозвалось спазмами в желудке. Я падал назад, теряя сознание. Я положил бутон в рот и начал его жевать. Через какое-то время дон Хуан достал из мешочка другой бутон. Я с облегчением увидел, как после короткой песни он отправил его себе в рот. Он передал мешочек мне, и я, взяв следующий бутон, вернул мешочек на место. Это повторилось пять раз, пока я заметил признаки жажды. Я поднял флягу, чтобы напиться, но дон Хуан сказал, чтобы я не пил, а только прополоскал рот, иначе меня вырвет.

Я несколько раз тщательно прополоскал рот. В какое-то мгновение жажда стала ужасным искушением, и я проглотил немного воды. В желудке тотчас начались спазмы. Я ожидал безболезненного и свободного извержения, как при первом опыте с пейотом, но, к моему удивлению, сопровождавшие рвоту ощущения были обычными. Скоро она прекратилась.

Дон Хуан, взяв еще бутон, сунул мешочек мне, и цикл повторился, пока я не сжевал четырнадцать бутонов. К этому времени исчезло всякое ощущение жажды, холода и неудобства. Напротив, я ощущал необычное тепло и возбуждение. Я взял флягу, чтобы прополоскать рот, но она была пустой.

— Может, сходим к ручью, дон Хуан?

Звук голоса не вышел изо рта, а отразился от неба в гортань и эхом катался туда и обратно. Эхо было тихим и музыкальным, казалось, его крылья ласкающими прикосновениями шелестят у меня в горле. Я следил за ними, пока все не стихло.

Я повторил вопрос. Голос был как из погребца.

Дон Хуан не ответил. Я встал и направился к ручью. Я обернулся к дону Хуану, не идет ли он со мной, но он, казалось, к чему-то внимательно прислушивался.

Он сделал рукой повелительный жест — замри.

— *Абутол* (так мне слышалось) здесь! — сказал он.

Раньше я ни разу не слышал этого слова и хотел переспросить, что он сказал, когда заметил звук, похожий на звон в ушах. Звук становился все громче, пока не превратился в рев. На несколько мгновений рев стал нестерпимым, а затем постепенно стих, и наступила полная тишина. Мощь и глубина звука устрешили меня до полусмерти. Я так трясся, что едва держался на ногах, и все же мысли оставались совершенно ясными. Если еще недавно хотелось спать, то теперь весь сон как ветром сдуло, и пришла абсолютная ясность. Звук напомнил мне научно-фантастический фильм, в котором гигантская пчела, издавая гул крыльями, вылетает из зоны атомной радиации. От этой мысли я засмеялся. Я увидел дону Хуана, который вновь откинулся спиной к скале. Тут опять вернулся образ

гигантской пчелы. Образ был более реальным, чем обычные мысли. Он был совершенно самостоятельным и осязаемым. Все остальное исчезло. Это беспрецедентное состояние ясности вызвало новый приступ страха.

Меня прошиб пот. Я наклонился к дону Хуану сказать ему, что мне страшно. Его лицо было от моего в нескольких дюймах. Он смотрел на меня, но его глаза были глазами пчелы — круглыми очками, светящимися во тьме собственным светом, а его вытянутые хоботком губы издавали прерывистый звук: «Пету-пету-пету-пету». Я отпрянул, едва не разбившись о скалу за спиной. Невыносимый ужас, который я испытал, длился, казалось, вечность. Я задыхался и скулил. Пот жестким панцирем замерзал на коже. Затем до меня дошел голос дон Хуана:

— Очнись! Шевелись! Да очнись же!

Все рассеялось, и я вновь видел его знакомое лицо.

— Я принесу воды, — после очередной бесконечной паузы сказал я. Голос сорвался. Я с трудом выговаривал слова. Он кивнул. По пути я поймал себя на том, что страх исчез так же быстро и загадочно, как появился.

Приближаясь к ручью, я заметил, что вижу на пути каждый камешек. До меня дошло, что только что я ведь ясно видел дон Хуана, тогда как совсем недавно с трудом различал его силуэт. Я остановился и посмотрел вдаль, — я мог видеть даже по ту сторону долины. Там совершенно отчетливо виднелись отдельные валуны. Я подумал, что, наверное, уже светает и, стало быть, я выпал из времени. Я взглянул на часы. Десять минут двенадцатого! Я поднес часы к уху — они шли. Сейчас не мог быть полдень; значит, сейчас полночь! Я решил зачерпнуть из ручья воды и вернуться к дону Хуану, но увидел, что он спускается, и подождал его. Я сообщил ему, что вижу в темноте.

Он долго молча смотрел на меня, хотя, может быть, мне просто показалось, что он молчит. Я был поглощен своей чудесной способностью видеть в темноте. Я мог различить мельчайшие песчинки. Временами все было так ясно, что казалось, сейчас утренняя или вечерняя заря. Потом вновь темнело, вновь светлело. Вскоре я понял, что яркость совпадает с расширением сердца, а темнота — с сокращением. В соответствии с каждым ударом сердца мир становился ярче или темнее.

Меня полностью захватило это открытие, когда вновь появился прежний странный звук. Я сразу весь напрягся.

— *Ануктал* (так мне послышалось на этот раз) здесь, — сказал дон Хуан. Звук был таким громopodobным, таким всепоглощающим, что все остальное потеряло значение. Когда он стих; я заметил, что уровень воды в ручье значительно поднялся. Ручей, который минуту назад был шириною в ладонь, превратился в громадное озеро. Откуда-то сверху на его поверхность лился свет, как бы сверкавший сквозь густую листву. Время от времени вода на мгновение

вспыхивала золотыми и черными искрами и вновь погружалась во тьму, но и во тьме ощущалось ее таинственное присутствие.

Не помню, как долго я оставался на берегу черного озера, сидя на корточках и наблюдая. Рев, должно быть, на то время утих, потому что именно он вернул меня к реальности. Я оглянулся в поисках дона Хуана и увидел, как он вскарабкался и исчез за уступом. Однако одиночество меня совсем не испугало; я остался сидеть на корточках, предоставленный самому себе и не испытывая никакой тревоги. Вновь послышался рев — мощный, как гул ураганного ветра. Хорошенько к нему прислушавшись, можно было уловить определенную мелодию. Она состояла из высоких звуков, напоминавших человеческие голоса в сопровождении басового барабана. Я весь ушел в мелодию, и вновь заметил, что ритм барабана и рисунок мелодии совпадают с сокращениями сердца.

Я встал, и музыка прекратилась. Я попытался различить удары сердца, но ничего не услышал. Я снова сел на корточки, думая, что, может быть, именно поэтому возникали звуки. Но ничего не случилось. Ни звука! Даже звука сердца! Я решил, что хватит, но когда поднялся уходить, то почувствовал толчки под ногами. Земля тряслась. Я терял равновесие. Я упал на спину и лежал навзничь, пока земля уходила в тартарары. Я попытался ухватиться за какой-нибудь куст, но подо мной все скользило. Я вскочил, секунду стоял и опять свалился. Земля подо мной двигалась, съезжая в воду, как плот. Я оставался без движения, парализованный абсолютным ужасом, столь же беспрецедентным, как все происходившее.

Я двигался через воды черного озера, вцепившись в клочок почвы, похожий на земляное бревно. Я смутно чувствовал, что течение увлекает меня на юг. Я видел, как вокруг струятся и взвихриваются потоки обтекавшей островок воды. На ощупь вода была холодной и странно тяжелой. Казалось, она живая.

Не было даже признаков берега или чего-нибудь в этом роде, и я не помню, что думал и испытывал во время этого путешествия. Прошли, казалось, долгие часы, когда плот подо мной сделал под прямым углом поворот налево. Скольжение длилось очень недолго, и неожиданно плот на что-то наткнулся. Инерция швырнула меня вперед. Я закрыл глаза и почувствовал от удара об землю острую боль в коленях и вытянутых руках. Через секунду я открыл глаза. Я лежал на земле. Похоже было, что мое земляное бревно врезалось в берег и слилось с землей. Я сел и оглянулся. Вода отступала! Она двигалась назад, как откатывающаяся волна, пока не исчезла.

Я долго сидел, пытаюсь собраться с мыслями и как-то сообразить, что же произошло. Все тело ныло; горло стало открытой раной: когда я «приземлялся», то прокусил себе губы. Я встал. Ветер напомнил, что я замерз. Одежда была мокрой насквозь. Руки, челюсти и колени так тряслись, что пришлось снова лечь. Капли пота затекли в глаза и жгли их, пока я не взвыл от боли.

Со временем я как-то восстановил внутреннее равновесие и поднялся. В густых сумерках был ясно виден пейзаж. Я сделал пару шагов. До меня донесся отчетливый звук множества человеческих голосов. Казалось, они о чем-то громко спорят. Я пошел на звук. Я прошел примерно 50 ярдов и вдруг остановился. Впереди был тупик. Место, где я оказался напоминало загон для скота, образованный из огромных валунов. За ними виднелся еще ряд валунов, затем еще и еще и так вплоть до отвесного склона. Это откуда-то оттуда доносилась удивительная музыка — непрерывный жуткий поток сверхъестественных звуков.

Под одним из валунов я увидел в профиль человека, сидевшего на земле. Я приблизился к нему до расстояния в десять футов; туг он повернул голову и взглянул на меня. Я замер: его глаза были водой, которую я только что видел! Они были так же необъятны и сверкали теми же золотыми и черными искрами. Его голова была заостренной, как ягода клубники, кожа зеленой, усеянной множеством бородавок. За исключением заостренной формы, голова была в точности как поверхность пейота. Я стоял перед ним, не в силах отвести глаза. Было такое чувство, будто он умышленно давит мне на грудь своим взглядом. Я задыхался. Я потерял равновесие и упал. Его глаза отвернулись. Я услышал, что он говорит со мной. Сначала голос был как тихий шелест ветра. Затем он превратился в музыку — в мелодию голосов, и я «знал», что сама мелодия говорит: «Чего ты хочешь?»

Я упал перед ним на колени и стал рассказывать о своей жизни, потом заплакал. Он вновь взглянул на меня. Я почувствовал, что его глаза меня отталкивают, и подумал, что пришла смерть. Он сделал знак подойти поближе. Заколебавшись на мгновение, я сделал шаг вперед. Когда я приблизился, он отвел взгляд и показал тыльную сторону ладони. Мелодия сказала: «Смотри!» Посреди ладони было круглое отверстие. «Смотри!» — вновь сказала мелодия. Я посмотрел в отверстие и увидел самого себя. Я был очень старым и слабым и бежал от настигавшей меня погони, а вокруг носились яркие искры. Затем три попали в меня, две — в голову и одна — в левое плечо. Фигурка в круглом отверстии секунду стояла, потом выпрямилась совершенно вертикально и исчезла вместе с отверстием.

— Мескалито вновь обратил на меня свой взгляд. Его глаза были так близко, что я «услышал», как они тихо гремят тем самым непонятным звуком, которого я слышал за эту ночь. Постепенно глаза стали спокойными, пока не превратились в озерную гладь, мерцающую золотыми и черными искрами.

Он опять отвел глаза и вдруг отпрыгнул легко как сверчок на добрых пятьдесят ярдов. Он прыгнул еще раз и еще раз и исчез.

Потом, помню, я пошел. Напрягая сознание, я пытался распознать ориентиры, — к примеру, горы вдаль. Все, что я пережил, совершенно исчерпало мои умственные силы, но я смутно соображал, что север должен быть где-то слева. Я долго шел, пока спохватился, что уже день и что я уже не использую свое «ночное видение». Я вспомнил, что у меня есть часы, и посмотрел на

циферблат — часы показывали восемь утра. Было около десяти, когда я добрался до уступа с нашей стоянкой. Дон Хуан лежал на земле и спал.

— Ты где был? — спросил он.

Я сел перевести дыхание. После долгого молчания он спросил:

— Видел его?

Я начал рассказывать ему все с самого начала, но он меня прервал и сказал: важно лишь одно — видел ли я его. Он спросил, как близко от меня был Мескалито. Я сказал, что почти его касался. Дон Хуан сразу оживился и на этот раз внимательно выслушал все в деталях, уточняя мой рассказ лишь вопросами насчет формы существа, которое я видел, его характера и прочего.

Было уже около полудня, когда он, видимо, узнал наконец от меня все что нужно. Он поднялся и привязал мне на грудь холщовый мешок. Он велел идти за ним и сказал, что будет срезать Мескалито и передавать мне, а я должен буду осторожно укладывать их в сумку.

Мы попили немного воды и двинулись в путь. Когда мы достигли края долины, он, похоже, секунду раздумывал, в каком направлении идти, а затем мы уже шли все время по прямой.

Каждый раз, как мы подходили к побегам пейота, он склонялся перед ним и с крайней осторожностью срезал верхушку своим коротким ножом с зубчатым лезвием. Срез он делал вровень с землей и затем посыпал «рану», как он ее называл, очищенной серой, которую нес в кожаном мешке. Бутон кактуса он держал в левой руке, а срез посыпал правой. Потом поднимался и передавал мне бутон, который я, по его указанию, брал обеими руками и клал в мешок.

— Стой прямо и следи, чтобы мешок не коснулся земли или кустов, или еще чего-нибудь, — то и дело повторял он, словно опасаясь, что я забуду.

Мы собрали шестьдесят пять бутонов. Когда мешок был полон, дон Хуан закинул его мне на спину, а на грудь повесил другой. Под конец, когда мы пересекли долину, у нас было уже два полных мешка, а в них сто десять бутонов пейота. Мешки были такие тяжелые и громоздкие, что я едва плелся. Дон Хуан прошептал мне на ухо — мешки потому такие тяжелые, что Мескалито хочет вернуться к земле. Мескалито такой тяжелый от печали при расставании со своей родиной; моя задача — чтобы мешки ни в коем случае не коснулись земли, иначе Мескалито уже никогда мне не дастся в руки.

В какое-то мгновение давление лямок на плечи стало невыносимым. Что-то с чудовищной силой гнуло меня к земле. Меня охватило страшное предчувствие. Я заметил, что ускоряю шаг, почти бегу: можно сказать, я трусцой несся за доном Хуаном.

Вдруг тяжесть на спине и груди исчезла, ноша стала легкой, точно в мешках была губка. Я едва не налетел на дона Хуана и сказал ему, что больше не чувствую тяжести. Ясное дело, обронил он, мы ведь вышли из владений Мескалито.

Вторник, 3 июля 1962

— Ну, кажется, Мескалито тебя почти принял, — сказал дон Хуан.

— Почему «почти»?

— Он тебя не убил и не нанес тебе никакого вреда. Положим, он тебя порядком напугал, так ведь в этом ничего плохого. Если бы он вообще тебя не принял, то явился бы тебе полным ярости чудовищем. Некоторым довелось испытать всю глубину ужаса при встрече с ним, когда он их отверг.

— Если он так устрашающ, то почему ты мне ничего об этом не сказал прежде, чем повести туда к нему?

— У тебя нет мужества для намеренной встречи с ним. Я решил, что тебе лучше не знать.

— Но я же мог умереть!

— Мог. Но я был уверен, что все обойдется. Он ведь уже играл с тобой — и не сделал тебе ничего плохого. Я решил, что и на этот раз он будет к тебе расположен.

Я спросил его, почему он так уверен в том, что Мескалито ко мне расположен. Мой опыт был устрашающим; не понимаю, как я не умер от страха.

Дон Хуан ответил, что Мескалито был со мною сама доброта: он показал мне картинку, которая была ответом на вопрос. Мескалито, сказал дон Хуан, дал тебе урок. Я спросил, что это за урок и что он означает. На такой вопрос, сказал дон Хуан, ответить невозможно, потому что ты был слишком испуган, чтобы точно знать, о чем спрашиваешь у Мескалито.

Дон Хуан велел мне вспомнить хорошенько, что я сказал Мескалито перед тем, как он показал мне картинку в ладони. Но я не мог вспомнить. Я помнил только, как упал на колени и начал ему исповедоваться.

Дону Хуану, похоже, этот разговор надоел. Я спросил:

— Можешь ты меня научить словам песни, которую пел?

— Нет, не могу. Это мои собственные слова, им меня обучил сам защитник. Песни — мои песни. Я не могу рассказать тебе, что они такое.

— Почему не можешь?

— Потому что эти песни — связь между мной и защитником. Я уверен, когда-нибудь он научит тебя твоим собственным песням. Подожди до тех пор; и никогда не копируй песни, которые принадлежат другому, и не спрашивай о них.

— А что это за имя, которое ты называл? Хотя это ты можешь мне сказать?

— Нет. Его имя никогда не должно упоминаться, его произносят только когда зовут его. — А если я сам захочу позвать его?

— Если когда-нибудь он примет тебя, то скажет тебе свое имя. Это имя будет только для тебя одного — чтобы громко звать его или спокойно произносить про себя. Как знать, может, он скажет, что его зовут Хосе?

— Почему нельзя упоминать его имени?

— Ты что, не видел его глаза? С защитником шутки плохи. А я тебе никак не втолкую, что это значит — что он с тобой играл!

— Какой же он защитник, если может кому-то причинить вред?

— Ответ очень прост. Мескалито — защитник, потому что доступен каждому, кто его ищет.

— Но ведь все в мире доступно каждому, кто ищет, разве не так?

— Нет, не так. Союзные силы доступны только брухо, а к Мескалито может приобщиться каждый.

— Но почему же тогда он некоторым приносит вред?

— Те, кому он приносит вред, не любят Мескалито, и однако ищут его в надежде что-нибудь получить без особых трудов. Естественно, что для таких людей встреча всегда ужасна.

— Что происходит, когда он полностью принимает человека?

— Он является ему как человек или как свет. Когда человек наконец заслужит это, Мескалито становится постоянным. Он больше не меняется. Может быть, когда ты вновь встретишься с ним, он будет светом, и однажды даже возьмет тебя в полет и откроет тебе все свои тайны.

— Что мне нужно делать, чтобы достичь этого, дон Хуан?

— Тебе надо быть сильным человеком, и твоя жизнь должна быть правдивой.

— Что такое «правдивая жизнь»?

— Жизнь, прожитая в полном сознании и с полной ответственностью,
хорошая, сильная жизнь.

Глава 5

Время от времени дон Хуан словно мимоходом спрашивал, как там посаженный мной дурман. За прошедший год саженец вырос в большой куст, принес семена, и семенные коробочки высохли. Наконец дон Хуан, вероятно, решил, что пришло для меня время узнать о «траве дьявола» побольше.

Воскресенье, 27 января 1963

Сегодня я получил от дон Хуана предварительную информацию насчет «второй порции», которая составляет следующий этап в традиционном обучении. По его словам, только с этой порции начинается настоящее обучение; в сравнении с ней первая порция — для детей. Вторая порция должна быть освоена в совершенстве, ее надлежит принять, сказал дон Хуан, по крайней мере раз двадцать, прежде чем приступать к третьей. Я спросил:

— Что дает вторая порция?

— Ее используют для виденья. С ее помощью человек может переноситься по воздуху и увидеть все, что пожелает.

— Что, в самом деле можно летать по воздуху, дон Хуан?

— Почему же нет? Я уже говорил тебе, «трава дьявола» для тех, кто ищет силы. Освоивший вторую порцию может с помощью «травы дьявола» делать невообразимые вещи, чтобы получить еще больше силы.

— Ну а например, какие вещи, дон Хуан?

— Этого я не могу сказать. У каждого по-разному.

Понедельник, 28 января 1963

Дон Хуан сказал:

— Если у тебя на втором этапе все пройдет успешно, мне останется только показать следующий. Лично я в процессе обучения понял, что «трава дьявола» не для меня, и решил оставить ее путь.

— Что привело тебя к этому решению?

— Несколько раз она меня чуть не убила. Однажды было так плохо, что под конец я думал — от боли мне крышка. Но все же выкарабкался.

— Что, был какой-то особый способ этого избежать?

— Да, есть один способ.

— Это что, заклинание, процедура или еще что-нибудь?

— Это способ схватывания вещей. Например, когда я учился «траве дьявола», я был слишком жаден и нетерпелив.

Я хватался за вещи, как дети хватаются за сладости. «Трава дьявола» — это лишь один из миллиона путей. Да и все что угодно — лишь один путь из миллиона (*un camino centre cantidades de aminos*). Поэтому ты всегда должен помнить, что путь — это только путь; если ты чувствуешь, что он не по тебе, то должен оставить его любой ценой. Чтобы обладать такой ясностью, ты должен вести дисциплинированную жизнь. Только при этом условии ты будешь знать, что любой путь — это всего лишь путь, и ничто не мешает ни тебе самому, ни кому угодно оставить его, если это велит тебе твое сердце. Но предупреждаю: твое решение должно быть свободно от страха или честолюбия. Смотри на любой путь прямо и без колебаний. Испытай его столько раз, сколько найдешь нужным. Затем задай себе, и только себе самому, один вопрос. Этот вопрос задают лишь очень старые люди. Мой бенефактор задал мне его однажды, когда я был молод, но понять его мне тогда помешала слишком горячая кровь. Теперь я его понимаю. Я задам этот вопрос тебе: имеет ли твой путь сердце? Все пути одинаковы: они ведут никуда. Они ведут через кусты или в кусты. Я могу сказать, что в своей жизни прошел длинные-длинные пути, но я не нахожусь нигде. Таков смысл вопроса, который задал мой бенефактор.

Есть ли у этого пути сердце? Если есть, то это хороший путь: если нет, то от него никакого толку. Оба пути ведут никуда, но у одного есть сердце, а у другого — нет. Один путь делает путешествие по нему радостным: сколько ни странствовать, ты и твой путь нераздельны. Другой путь заставит тебя проклинать свою жизнь. Один путь дает тебе силы, другой — уничтожает тебя.

Воскресенье, 21 апреля 1963

Пополудни во вторник 16 апреля я отправился с доном Хуаном в горы, туда, где рос его дурман. Он велел подождать в машине. Вернулся дон Хуан почти через три часа с завернутым в красную тряпку свертком.

Когда мы поехали назад, он сказал, указывая на сверток, что это его последний мне подарок.

Я спросил, не значит ли это, что он больше не будет меня учить. Он объяснил, что имел в виду тот факт, что у меня теперь есть свое созревшее растение, и в его растениях я больше не нуждаюсь.

Вечером мы уселись в его комнате. Он вытащил хорошо обработанную каменную ступку и пестик. Чаша ступки была примерно шесть дюймов в диаметре. Развернув большой сверток, полный мешочков поменьше, он отобрал из них два и положил рядом со мной на циновку: затем добавил к ним еще четыре такого же размера из свертка, который мы привезли. Он сказал, что это семена и

что я должен растереть их в мелкий порошок. Дон Хуан сам развернул первый мешочек и часть его содержимого отсыпал в ступку. Семена были сухие и круглые, по цвету напоминающие желтую карамель.

Я начал работать пестиком; спустя несколько минут он меня поправил, сказав, что нужно не толочь по дну, а орудовать пестиком от одного края к другому, по всему диаметру. Я спросил, что он собирается делать с тем, что получится, но он не ответил.

Семена первой порции оказались ужасно твердыми. Чтобы их размолоть, мне понадобилось часа четыре. От позы, в которой я сидел, болела спина. Я лег и хотел тут же уснуть, но дон Хуан открыл следующий мешочек и отсыпал из него в ступку. Эти семена были темнее и точно слиплись между собой. То, что осталось в пакете, напоминало порошок из крохотных круглых темных зерен.

Я хотел перекусить, но дон Хуан сказал, что если я хочу учиться, то должен следовать правилу. А правило таково, что, узнавая секреты второй порции, я могу лишь выпить немного воды.

В третьем мешочке была горсть живых черных зернистых жучков. Содержимое последнего мешочка составляли свежие белые семена, мягкие как каша, но волокнистые и трудно поддающиеся растиранию в тонкую пасту, как он от меня требовал.

После того, как я кончил растирать содержимое четырех мешочков, дон Хуан отмерил две чашки зеленоватой воды, вылил ее в глиняный горшок и поставил горшок на огонь. В закипевшую воду он добавил первую порцию растертых семян. Дон Хуан помешивал в горшке длинной острой щепкой или костью, которую вытащил из своей кожаной сумки. Как только вода вновь закипела, он добавил одну за другой остальные субстанции, следуя той же процедуре. Затем он добавил еще одну чашку зеленоватой воды и оставил смесь на малом огне.

— Теперь очередь за корнем, — сказал дон Хуан и осторожно извлек из свертка, который мы привезли, длинный кусок корня дурмана. Корень был примерно шестнадцать дюймов длиной и толщиной около полутора дюймов. Это и есть вторая порция, сказал дон Хуан и снова отмерил ее сам, поскольку это был пока что *его* корень. Он сказал, что для следующего моего опыта с «травой дьявола» я сам буду отмерять корень.

Он подтолкнул ко мне ступку, и я принялся толочь корень совершенно так же, как толоч первую порцию дон Хуан. Под его руководством я выполнил всю последовательность в том же порядке, и истолченный корень мы оставили на ночь вымачиваться под открытым небом. К тому времени кипевшая в глиняном горшке смесь загустела. Дон Хуан снял горшок с огня, положил его в сетку и подвесил к потолочной балке посреди комнаты.

Утром 17 апреля, часов примерно в восемь, мы принялись выщелачивать экстракт корня отваром. Вновь был ясный солнечный день, и дон Хуан вновь сказал — это признак того, что «трава дьявола» ко мне благосклонна. По контрасту с тобой, сказал дон Хуан, я только вспоминаю, до чего все было скверно у меня самого.

Процедура выщелачивания экстракта была в точности такой же, какую я наблюдал при изготовлении первой порции. К вечеру, когда мы слили воду в восьмой раз, на дне чашки осталась ложка желтоватой субстанции.

Мы вернулись к нему в комнату, где еще оставались два мешочка, которые дон Хуан пока не трогал.

Он открыл один из них, сунул в него руку, а другой рукой обернул края мешочка вокруг запястья. Он, похоже, ухватил что-то, судя по тому, как двигалась его рука в мешке. Внезапно он быстрым движением стянул мешок с руки, вывернув его как перчатку, и поднес руку к самым моим глазам. В руке была ящерица. Ее голова была от моих глаз всего в нескольких дюймах. С пастью ящерицы было что-то странное. Секунду я глядел, и тут же невольно отпрянул. Пасть была зашита грубыми стежками. Дон Хуан приказал мне взять ящерицу левой рукой и держать покрепче. Я сжал се; хвост обвился вокруг ладоней. Я почувствовал тошноту. Ладони сразу вспотели.

Он взял последний мешочек и, повторив те же движения, извлек другую ящерицу. У этой были сшиты веки. Ее он велел мне держать в правой руке.

Когда обе ящерицы оказались у меня в руках, я был близок к обмороку. Я чувствовал непреодолимое желание бросить ящериц и бежать отсюда.

— Смотри не задави, — приказал он, и его голос вернул меня к действительности.

Он спросил, что со мной такое. Хотя лицо его оставалось серьезным, видно было, что он с трудом удерживается от смеха. Я хотел было облегчить хватку, но ладони так вспотели, что ящерицы начали выскользывать. Их острые коготки царапали кожу, вызывая омерзение и тошноту. Я зажмурился и стиснул зубы. Одна из ящериц уже почти выползла мне на запястье; чтобы удрать, ей оставалось только протиснуть голову сквозь пальцы. Я чувствовал непередаваемое физическое отвращение, близкое к отчаянию. Я прорычал сквозь зубы, чтобы он убрал от меня мерзких тварей. У меня начала трястись голова. Он посмотрел на меня с невинным любопытством. Я рычал и топтался как медведь. Наконец он выхватил ящериц, сунул их обратно и принялся хохотать. Я хотел было тоже засмеяться, но желудок у меня свело, и я лег.

Я начал оправдываться, что, мол, все это из-за острых коготков ящериц, царапавших ладони. Он сказал, что существует множество вещей, способных свести с ума, в особенности если у тебя нет решимости, нет устремленности,

необходимой для обучения; но если у человека непоколебимая устремленность, никакие эмоции не могут быть препятствием, потому что он способен держать их в узде.

Дон Хуан переждал, а затем в той же последовательности вновь вручил мне ящериц. Он приказал держать их головами вверх и мягко поглаживать ими виски, точно спрашивая у них все, что я хотел бы узнать.

Сначала я не понял, чего он от меня хочет. Он вновь велел задать ящерицам любой вопрос, на который сам я не могу ответить. Он привел целый ряд примеров: узнать что нужно о людях, которых я обычно не вижу, или о пропавших вещах, или о местах, где я не бывал. Тут я понял, что он говорит о ясновидении. Меня охватило сильное возбуждение, сердце заколотилось. Я почувствовал, что у меня перехватывает дыхание.

Он предупредил, что на первый раз нельзя спрашивать ни о чем личном: лучше думать о чем-нибудь, что не имеет ко мне отношения. Думать нужно быстро и отчетливо, потому что эти мысли потом не будет возможности исправить.

Я стал лихорадочно придумывать, что бы такое узнать. Дон Хуан торопил меня, и я в растерянности обнаружил, что в голову не приходит ничего стоящего.

После мучительно долгого поиска я все же нашел один вопрос. Когда-то из читального зала кто-то украл кучу книг. Это не был личный вопрос, но он меня интересовал. У меня не было никаких догадок или предположений относительно того или тех, кто взял книги. Я погладил ящерицами виски, спрашивая, кто был вором.

Немного погодя дон Хуан убрал ящериц в мешки и объяснил, что с корнем и пастой никаких особых секретов нет. Паста изготавливается, чтобы дать направление; корень приносит ясность. Настоящая тайна — это ящерицы. Они и есть самое главное во всем колдовстве со второй порцией. Я спросил — они что, какие-то особенные? Да, ответил он, они должны быть из той местности, где растет твое собственное растение; они должны быть твоими друзьями, а чтобы подружиться, нужно сначала долго за ними ухаживать, приносить им пищу и говорить добрые слова.

Я спросил, почему так важна их дружба. Ящерицы позволяют себя поймать только тому, кого они знают, и любой, кто всерьез воспринимает траву дьявола, ящериц тоже должен воспринимать всерьез. Ловить их, как правило, следует только тогда, когда паста и корень уже готовы, и обязательно в конце дня. Если ты не очень дружен с ящерицами, сказал он, то на попытки поймать их, причем безуспешные, может уйти несколько дней, а паста хранится только один день. Затем он дал мне подробные инструкции относительно того, что делать с пойманными ящерицами.

— Когда поймаешь ящериц, посади их в отдельные мешочки. Потом возьми первую и поговори с ней. Попроси прощения, что причиняешь ей боль, и попроси тебе помочь. И деревянной иглой зашей ей пасть. Для этого используй шип растения чойа и волокно агавы. Стежки стягивай туго. Потом то же самое скажи второй ящерице и зашей ей веки. К ночи все должно быть готово. Возьми ящерицу с зашитой пастью и объясни ей, что ты хочешь узнать. Попроси ее пойти и посмотреть за тебя; скажи ей, что ты был вынужден зашить ей пасть, чтобы она спешила назад к тебе и по дороге ничего никому не рассказала. Окунь ее в пасту после того, как помажешь ей голову, и опусти на землю. Если она побежит в сторону твоей удачи, то колдовство будет успешным и легким. Если она побежит в противоположную сторону, то колдовство не получится. Если ящерица пойдет к тебе (на юг), то можно ожидать особой удачи; но если будет убегать от тебя (на север), то колдовство будет ужасно трудным. Ты можешь даже погибнуть. Поэтому если ящерица бежит прочь от тебя, это удобный момент, чтобы отступить. В этот момент можешь принять именно такое решение. В этом случае ты потеряешь возможность командовать ящерицами, но это лучше, чем потерять жизнь. Однако ты можешь решиться все же продолжать колдовство вопреки моему предупреждению. Тогда следующий шаг — взять вторую ящерицу и попросить ее выслушать рассказ сестры и пересказать его тебе.

— Но как может ящерица с зашитой пастью рассказать мне, что она видела? Разве ее пасть зашита не для того, чтобы она молчала?

— Пасть ей зашивают для того, чтобы она не болтала первому встречному. Говорят, что ящерицы болтливы: они повсюду останавливаются поболтать. Как бы там ни было, следующий шаг — смазать ей пастой позади головы, потом потри ее головой свой правый висок, только смотри, чтобы паста не попала на середину твоего лба. В самом начале обучения неплохо привязывать ящерицу за середину туловища к правому плечу. Тогда ты не потеряешь ее и не покалечишь. Но в дальнейшем, когда ты познакомишься с силой «травы дьявола» поближе, ящерицы научатся повиноваться тебе и сами будут крепко держаться у тебя на плече. После того, как ты ящерицей нанес себе пасту на правый висок, опусти пальцы обеих рук в горшок и разотри пасту сначала на обоих висках, а затем смажь ею голову с обеих сторон. Паста быстро высыхает, и ее можно накладывать столько раз, сколько понадобится. При нанесении пасты каждый раз сначала используй голову ящерицы, а затем уже свои пальцы. Рано или поздно та ящерица, что убежала смотреть, вернется и расскажет все о путешествии своей сестре, а слепая ящерица все это передаст тебе, как будто вы одной крови. Когда колдовство будет закончено, отпусти ящерицу, но не смотри, куда она побежит. Выкопай глубокую яму голыми руками и зарой туда все, чем пользовался.

Около шести вечера дон Хуан выскреб из горшка экстракт корня на плоскую сланцевую плиту. Получилось меньше чайной ложки желтоватого крахмала. Половину его он положил в чашку и долил немного желтоватой воды. Взболтав чашку, чтобы растворить смесь, он вручил ее мне и велел выпить. Смесь была безвкусной, но оставила во рту горьковатый привкус. Вода оказалась слишком горячей, и пить было неприятно. Сердце стало колотиться, но скоро все прошло.

Дон Хуан взял другую чашку с пастой. У пасты была глянцевитая поверхность, она казалась застывшей. Я попробовал проткнуть корку пальцем, но дон Хуан мгновенно ко мне подскочил и отшвырнул мою руку. Он был в ярости; он процедил, что такая попытка с моей стороны — чистейшее безумие, и что если я его ученик, то это еще не значит, что я могу вести себя как идиот и делать что в голову взбредет. Это — сила, отчеканил он, указав на пасту, и никто не может сказать, что она такое в действительности. Уже в том, что мы ею манипулируем в собственных интересах, мало хорошего, но тут ничего не поделаешь, мы — люди: однако мы по крайней мере обязаны обращаться с нею с должным почтением.

Смесь выглядела как овсянка — вероятно, благодаря содержащемуся в ней крахмалу. Дон Хуан велел мне достать мешочки с ящерицами. Он вынул ящерицу с зашитой пастью и осторожно передал мне, приказав взять левой рукой, зачерпнуть немного пасты на палец и растереть у ящерицы на лбу, затем опустить ящерицу в горшок и держать там, пока паста всю ее не покроет.

Затем он велел вынуть ящерицу из горшка. Взяв горшок, он повел меня к скалам неподалеку от дома. Дон Хуан указал на большую скалу и велел сесть перед ней, как если бы это было мое растение дурмана. Держа ящерицу перед глазами, я должен был вновь объяснить ей, что я хочу узнать, и попросить ее пойти и найти для меня ответ.

Он посоветовал извиниться перед ящерицей за то, что я причиняю ей неудобство, и пообещать ей, что взамен я буду добрым ко всем ящерицам. Потом он велел взять ящерицу между средним и безымянным пальцами левой руки — там, где он когда-то сделал порез, — и танцевать вокруг скалы точно так же, как я делал, когда пересаживал корень травы дьявола; он спросил, помню ли я все, что делал в тот раз. Я сказал, что помню. Он подчеркнул, что делать все нужно в точности так же, и если я что-то забыл, необходимо подождать, пока все станет на место. Он особенно предупредил меня, что если я буду спешить и действовать необдуманно, то могу здорово себе навредить. Напоследок я должен был положить ящерицу с зашитой пастью на землю и следить, куда она побежит, чтобы предугадать исход колдовства. Он сказал, что я ни на секунду не должен отрывать глаз от ящерицы, потому что у ящериц обычный трюк — усыпить внимание и юркнуть неизвестно куда.

Еще не совсем стемнело. Дон Хуан взглянул на небо.

— Ну, оставайся, — сказал он и ушел.

Я выполнил все его указания, а затем положил ящерицу на землю. Ящерица неподвижно стояла там, где я ее оставил, затем посмотрела на меня, побежала к скалам на востоке и скрылась.

Я сел на землю перед скалой, как перед своим растением дурмана. Меня охватила глубокая печаль. Я думал о ящерице с зашитой пастью, о ее странном

путешествии и о том, как она взглянула на меня перед тем, как убежать. Это была болезненная и неотвязная проекция. В определенном смысле я тоже был ящерицей, совершающей странное путешествие. Может быть, моя судьба состояла единственно в том, чтобы видеть, и о том, что я вижу, мне, возможно, никогда никому не удастся рассказать.

Уже совсем стемнело. Я с трудом различал скалы перед собой. Мне вспомнились слова дона Хуана: «Сумерки — это трещина между мирами».

После долгих колебаний я приступил к выполнению предписаний. Паста, хоть и выглядела как овсянка, на ощупь была очень скользкой и холодной, с необычным острым запахом. Она быстро высыхала на холодеющей коже. Я натер виски одиннадцать раз, не заметив никакого эффекта. Я тщательнейшим образом старался не пропустить ни малейшего изменения в восприятии или, скажем, в своем настроении, потому что даже не знал, чего ждать. К слову сказать, я до сих пор не понимал, в чем суть этого опыта.

Паста высохла и стянула виски. Я собирался нанести на них еще пасты и вдруг обнаружил, что сижу на пятках, по-японски. До этого я сидел скрестив ноги и, хорошо помню, не менял положения. Прошло какое-то время, прежде чем я сообразил, что сижу на полу под чем-то вроде свода с высокими арками. Мне показалось, что арки кирпичные, но присмотревшись, я увидел, что они из камня.

Этот переход был очень трудным, и произошел он так внезапно, что застал меня врасплох. Восприятие элементов видения было рассеянным, как во сне, однако компоненты не изменялись, они оставались постоянными. Я мог остановиться взглядом на любом из них и буквально его обследовать. В отличие от пейотного виденья не было слишком ясным и реальным. Оно было как бы затуманенным, благодаря чрезвычайно приятным пастельным тонам.

Я попытался встать и тут же обнаружил, что уже куда-то перенесся. Это была лестница. На самом ее верху стоял я, а внизу — одна моя знакомая. Ее глаза лихорадочно блестели. В них светилось безумие. Она так громко смеялась, что, казалось, сама была этим испугана. Она начала подниматься по лестнице. Мне хотелось убежать, скрыться, потому что, я знал, недавно она разбилась на мотоцикле. Я укрылся за колонной, и моя знакомая, не заметив меня, прошла мимо. «Сейчас она отправляется в далекое путешествие», — подумал я. Последней мыслью, которую я запомнил, было: «Она смеется всякий раз, когда должна разбиться».

Внезапно картина стала очень ясной и совершенно не похожей на сон. Это была как бы обычная сцена из жизни, но я видел ее словно через оконное стекло. Я попробовал коснуться колонны, однако ощутил только то, что не могу пошевелиться. В тот миг я точно знал, что могу оставаться здесь и наблюдать за происходящим сколько захочу. Я был внутри этой картины, и все же не был ее частью.

На меня нахлынул поток противоречивых мыслей и логических доводов. Насколько я мог судить, я был в обычном трезвом сознании, каждый элемент восприятия был на своем месте. И все же я знал, что это не обычное состояние.

Картина резко изменилась. Ночь. Я в холле какого-то здания. Темнота внутри здания дала мне понять, что предыдущая сцена была залита ярким солнечным светом. Однако ранее солнечное освещение было так естественно, что я его не заметил. Всмотревшись, я увидел молодого человека, который выходил из комнаты, неся на плечах большой рюкзак. Я не знал, кто он такой, хотя где-то его видел. Он прошел мимо и стал спускаться по лестнице. К этому времени я забыл о своем первоначальном намерении и логическом тупике. «Кто этот парень? — подумал я. — Почему я его вижу?»

Картина вновь изменилась, и я увидел, как молодой человек выкладывает книги. Он склеивал некоторые страницы, стирал надписи и т.п. Затем я увидел, как он аккуратно расставляет книги в шкафу. В комнате было много полок и шкафов. Происходило это, видимо, в хранилище. Другие картины приходили мне в голову, но не такие ясные. Сцена затуманилась. Я ощутил вращение и очнулся.

Дон Хуан тряс меня за плечи. Потом он помог мне встать, и мы пошли к его дому.

С того момента, как я начал растирать пасту на висках, прошло три с половиной часа, но видения могли длиться не более десяти минут. Я не испытывал никаких неприятных ощущений, просто был голоден и хотел спать.

Четверг 18 апреля 1963

Вчера ночью дон Хуан потребовал, чтобы я рассказал ему все, что видел. Но я слишком хотел спать и не мог сосредоточиться. Сегодня, как только я проснулся, он вновь приступил к расспросам.

— Кто тебе сказал, что эта твоя знакомая разбилась на мотоцикле? — спросил он, когда я закончил свой рассказ.

— Да никто, просто эта мысль почему-то пришла мне в голову.

— Ты полагаешь, это были твои мысли?

— Конечно, мои, — сказал я, хотя у меня не было оснований для предчувствия, что с моей знакомой несчастье. Мысли вообще были странные. Казалось, они возникали ниоткуда. Он пытливо смотрел на меня. Я спросил его — может, он мне не верит; он рассмеялся и сказал, что рассеянность и беспечность — мое обычное уязвимое место.

— Я что-то делал не так, дон Хуан?

— Ты должен был слушать ящериц.

— Как именно?

— Ящерка у тебя на плече описывала тебе все, что видела ее сестра. Она говорила с тобой и все тебе рассказывала, а ты не слушал, полагая, что слова ящерицы — твои собственные мысли.

Но это и были мои собственные мысли!

— Ничего подобного. В этом суть колдовства. Собственно говоря, видение следует скорее слушать, чем смотреть. Со мною было то же самое. Я хотел предупредить тебя, но вспомнил, что меня мой бенефактор не предупреждал.

— Был твой опыт похож на мой, дон Хуан?

— Нет. Я пережил адское путешествие. Я едва не умер.

— Почему адское?

— Наверное, потому, что «траве дьявола» я был не по нраву, а может потому, что я сам не знал толком, о чем хочу спросить, вот как ты вчера. Ты, должно быть, когда спрашивал о книгах, на самом деле думал о той девушке.

— Что-то я такого не припоминаю.

— Ящерицы никогда не ошибаются; каждую мысль они воспринимают как вопрос. Ящерица вернулась и рассказала тебе о твоей знакомой то, чего никто никогда не поймет, потому что даже ты не знаешь, каковы были твои мысли.

— Ну, а второе видение?

— Должно быть, когда ты задавал этот вопрос, твои мысли были устойчивы. Именно так следует совершать это колдовство: все должно быть предельно ясным.

— Ты хочешь сказать, что видение с девушкой не следует воспринимать всерьез?

— Как можно воспринимать его всерьез, если ты не знаешь, на какой именно вопрос отвечали ящерики?

— Наверное, ящерица лучше поймет, если задавать только один вопрос?

— Да, так для нее будет яснее, но только если ты сможешь твердо удержать одну мысль.

— Но что будет, если этот вопрос окажется сложным?

— Пока твоя мысль устойчива и не отвлекается на посторонние предметы, она ясна ящеркам, а значит, и тебе будет ясен их ответ.

— Можно ли задавать ящерицам другие вопросы по ходу видения?

— Нет. Виденье состоит в том, чтобы смотреть на то, что тебе рассказывают ящерицы. Вот почему я сказал, что его следует скорее слушать, чем смотреть. Вот почему я велел не задавать лишних вопросов. Как правило, когда ты спрашиваешь о близких людях, искушение дотронуться до них или заговорить с ними слишком велико. Тогда ящерицы прекратят свой рассказ, и колдовство рассеется. Чтобы увидеть вещи, которые касаются лично тебя, ты должен знать много больше, чем сейчас. В следующий раз слушай внимательно. Я уверен, ящерицы рассказали тебе множество вещей, но ты не слушал.

Пятница, 19 апреля 1963

— Что я перетирал для пасты, дон Хуан?

— Семена «травы дьявола» и жучков, которые заводятся в семенных коробочках. Мерка — по одной горсти того и другого. — Он сложил ладонь лодочкой, показывая сколько.

Я спросил, что получится, если один из компонентов будет отсутствовать. Дон Хуан ответил, что такой эксперимент только оттолкнет «траву дьявола» и ящериц.

— С ящерицами нельзя ссориться, — сказал он, — поэтому на следующий день, к вечеру, ты должен вернуться к тому месту, где растет твое растение. Говори со всеми ящерицами и проси тех двух, что помогли тебе в колдовстве, выйти снова. Ищи до самой ночи. Если ничего не получится, значит нужно постараться найти их на следующий день. Если ты сильный, то найдешь обеих; как только нашел — съешь их на месте, и ты навсегда получишь способность видеть неизвестное. Тебе больше не понадобится вновь ловить ящериц, чтобы повторить это колдовство. С этих пор они будут жить внутри тебя.

— А как быть, если я найду только одну из них?

— Если ты найдешь только одну из них, то должен в конце концов ее отпустить. Если ты поймаешь ее в первый день, то не держи ее в надежде, что завтра поймаешь другую. Это только испортит вашу дружбу.

— А что будет, если я не найду ни одной?

— Так для тебя, я думаю, будет лучше всего. Это будет означать, что тебе придется ловить их заново всякий раз, когда понадобится их помощь, а кроме того, это означает, что ты свободен.

— Что значит — свободен?

— Свободен от рабства у «травы дьявола». Если ящерицы будут жить внутри тебя, «трава дьявола» уже никогда тебя не отпустит.

— Это плохо?

— Конечно, плохо. Она отрежет тебя от всего остального, и тебе придется всю жизнь ее улаживать, как своего союзника. «Трава дьявола» — собственница. Как только она завоюет тебя и станет твоей госпожой, тебе останется лишь один путь — ее путь.

— А что если я найду ящериц мертвыми?

— Если ты найдешь одну из ящериц или обеих мертвыми, то должен надолго оставить это колдовство. Пусть себе подождет. Вот, кажется, все, что я должен был тебе сказать; то, что я тебе рассказал, — это правило. Когда бы ты сам ни взялся за это колдовство, ты должен исполнять его строжайшим образом в той последовательности, которую я тебе изложил, когда ты сидел перед своим растением. Еще одно. Пока колдовство не закончено, нельзя ни есть, ни пить.

Глава 6

В учении дона Хуана следующий этап был связан с новым аспектом освоения второй порции корня *datura*. В период между двумя этапами в обучении дон Хуан интересовался только состоянием моего саженца.

Четверг, 27 июня 1963

— Прежде чем отправиться по пути «травы дьявола», неплохо ее вначале проверить, — сказал дон Хуан.

— Как проверить?

— Прodelай еще одно колдовство с ящерицами. У тебя есть все необходимое, чтобы задать ящерицам еще один вопрос, на этот раз без моей помощи.

— А нельзя обойтись без этого колдовства?

— Это самый верный способ узнать, что она чувствует по отношению к тебе. Она непрерывно тебя испытывает, поэтому будет вполне справедливо испытать и ее, и если где-нибудь на ее пути ты почувствуешь, что по какой-либо причине дальше идти не следует, то должен будешь просто остановиться.

Суббота, 29 июня 1963

Я вновь заговорил о «траве дьявола». Мне хотелось узнать о ней побольше, хотя не очень хотелось с нею связываться.

— Вторую порцию используют только для ясновидения или еще для чего, а, дон Хуан?

— Нет, не только. Помимо того, что с ее помощью учатся колдовству с ящерицами и заодно проверяют «траву дьявола», в действительности вторая порция используется для других целей. Колдовство с ящерицами — только начало.

— Тогда для чего же она используется? Вместо ответа он спросил, какой величины теперь побеги дурмана вокруг того, который я посадил. Я рукой показал размеры.

Дон Хуан сказал:

— Я учил тебя, как отличать мужскую особь дурмана, от женской. Теперь ступай к тому, что посадил, и принеси мне то и другое. Сначала пойдешь к тому, что посадил, и тщательно проследишь на земле следы дождевых потоков. К настоящему времени дождь, должно быть, далеко разнес семена. Проследи промоинки (*zanjitas*) от дождя и по ним определи направление потока. Затем

разыщи тот дурман, который пророс дальше всех от твоего саженца. Все побеги дурмана, выросшие между ними, твои. Позже, когда осыплются семена, ты сможешь расширить свою территорию, следуя дождевым промоинкам от одного растения к другому.

Он дал мне подробные указания, как изготовить нож для этой работы. Сам корень срезают следующим образом; во-первых, нужно выбрать растение и расчистить землю вокруг того места, где корень соединяется со стеблем. Во-вторых, я должен повторить в точности тот танец, который исполнял, когда пересаживал корень. В-третьих, я должен отрезать стебель, а корень оставить в земле. После этого следует выкопать шестнадцать дюймов корня. Он предостерег, чтобы на протяжении всего этого времени я не проронил ни слова и ничем не выдал свои чувства.

— Возьми с собой два куска материи, — сказал он, — расстели на земле и положи на них растения. Затем разрежь растения на части и сложи их. Последовательность — на твое усмотрение, но только хорошенько ее запомни, потому что должен будешь ее соблюдать и в дальнейшем. Как только все закончишь, принеси мне.

Суббота, 6 июля 1963

В понедельник 1 июля я срезал растения *datura*, о которых говорил дон Хуан. Я подождал до полных сумерек, прежде чем вокруг них танцевать, поскольку не хотел, чтобы меня кто-нибудь увидел. Мне было здорово не по себе. Я был уверен, что кто-нибудь наверняка за мной подсматривает. Я заранее выбрал мужскую и женскую особь дурмана. От каждого растения нужно было отрезать по шестнадцать дюймов корня. Копать так глубоко палкой было нелегкой работой. Закончил я в полной темноте, потому, чтобы срезать корень, пришлось вытащить фонарик. Первоначальное опасение, что за мной будут подсматривать, было ничтожным против страха, что кто-нибудь заметит свет фонарика в кустах.

Во вторник 2 июля я принес растения дону Хуану. Он развязал узлы и, рассмотрев то, что я принес, сказал, что покамест все же даст мне семена от своих растений. Он поставил передо мной ступку и высыпал в нее из стеклянной банки сбившиеся в ком сухие семена.

Я спросил, что это такое. Он ответил, что это семена, подпорченные жучками. В семенах я действительно заметил нескольких жучков. Он сказал, что это — особые жучки, их надо выбрать и положить в отдельную банку. Он дал мне другую банку, на треть полную таких же жучков. Банка была заткнута бумагой, чтобы они не расплозились.

— В следующий раз будешь использовать жучков со своих собственных растений, — сказал дон Хуан; — Срезать надо семенные коробочки, в которых маленькие дырочки, — они полны жучков. Откроешь коробочку и выскребешь из нее все содержимое в кружку. Соберешь горсть жучков и положишь их в

другую посудину. С ними не церемонься. Отмеришь горсть семян, прогрызенных жучками, и горсть жучков, все остальное закопаешь на юго-восток от своего растения. Таких семян можешь собрать сколько захочешь: они всегда пригодятся. Неплохо семена из коробочек выбрать там же, чтобы на месте закопать все остатки.

Он велел мне растолочь вначале ком семян, потом личинки, потом жучков, и под конец хорошие сухие семена.

Когда все это было по очереди растерто в мелкий порошок, дон Хуан взял нарезанные мной куски *datura*. Он отделил мужской корень и осторожно завернул его в тряпицу. Остальное он вручил мне, велел все это мелко нарезать и хорошенько раздробить, а весь сок собрать в горшок до капли. Он сказал, что размалывать кусочки нарезанного корня нужно в том же порядке, в каком я их складывал.

Когда я все это закончил, он велел отмерить одну чашку кипящей воды, смешать ее с содержимым горшка и добавить еще две кружки кипятку. Он вручил мне отшлифованную костяную палочку. Я помешал ею в горшке и поставил его на огонь. Затем он сказал, что надо приготовить корень, а для этого нужна ступка побольше, потому что мужской корень вообще не разрезают. Мы пошли на задний двор. Ступка была у него наготове, и я начал толочь корень так же, как делал это раньше. Мы замочили корень в воде, оставив его на ночь под открытым небом, и пошли в дом.

Когда я проснулся, дон Хуан уже встал. В чистом небе сияло солнце. Был сухой жаркий день. Дон Хуан вновь не преминул заметить, что у «травы дьявола» я определенно любимчик.

Мы взялись за обработку корня и к концу дня получили желтоватый осадок на дне миски. Дон Хуан осторожно слил воду. Я думал, что это конец процедуры, но он вновь наполнил миску кипящей водой.

Он снял из-под крыши горшок со вчерашним варевом. Оно, похоже, совсем загустело. Дон Хуан занес горшок в дом, осторожно поставил на пол и сел. Потом заговорил.

— Мой бенефактор учил меня, что неплохо смешивать растение с нутряным жиром. Вот этим ты сейчас и займешься. Такую смесь для меня делал мой бенефактор, но, как я уже говорил, «трава дьявола» мне всегда не очень-то нравилась, и я не слишком стремился слиться с нею воедино. Мой бенефактор говорил мне, что для тех, кто хочет стать господином силы, лучше всего смешивать растение с салом кабана. Больше всего подходит сало с кишок. Но это уже на твой вкус. Может быть, все повернется так, что именно «траву дьявола» ты решишь взять себе в союзники: в таком случае советую тебе, как мне советовал мой бенефактор, поймать дикого кабана и снять у него сало с кишок (*sebo de tripa*). В старые времена, когда «трава дьявола» была в почете и стоила

того, брухо, бывало, отправлялись в специальные охотничьи экспедиции за салом диких кабанов. Они искали самых крупных и самых свирепых. Против диких кабанов применялось специальное колдовство; брухо получали от них особую силу. Но теперь она утеряна. Я ничего не знаю об этой силе. И не знаю никого, кто бы знал. Может быть, сама «трава дьявола» тебя научит.

Дон Хуан отмерил горсть жира, бросил в горшок с загустевшей и высохшей смесью, и оставшийся на ладони жир соскоблил о край горшка. Он велел мне растирать содержимое, пока оно не превратится в однородную воздушную массу.

Я взбивал смесь почти три часа. Время от времени дон Хуан подходил взглянуть. Наконец он сказал, что хватит. От воздуха, с которым смешалась взбитая паста, она стала светлосерой и напоминала желе. Он повесил горшок под крышей, рядом с другим, сказав, что оставит его здесь до завтра, потому что эта вторая порция готовится в течение двух дней. Все это время я не должен ничего есть. Можно пить воду, но никакой пищи.

На следующий день, в четверг 4 июля, я по его указанию четырежды выщелачивал корень горячей водой. Под конец, когда я сливал воду в четвертый раз, было уже почти темно. Мы сели на веранде. Он поставил перед собой оба горшка. Экстракта корня получилось с чайную ложку. Он напоминал беловатый крахмал. Дон Хуан положил его в чашку и добавил воды. Он осторожно взболтал чашку, чтобы экстракт лучше растворился, а затем сунул ее мне и приказал выпить до дна. Я выпил залпом, поставил чашку на пол и откинулся назад. Сердце начало колотиться. Я почувствовал, что у меня спирает дыхание. Дон Хуан приказал, как само собой разумеющееся, чтобы я снял с себя всю одежду. Я спросил зачем, и он нетерпеливо объяснил, что надо натереться пастой. Я колебался, раздеваться было как-то странно. Дон Хуан со сдержанной яростью сказал, что нет времени валять дурака. Я снял с себя всю одежду.

Взяв свою костяную палочку, он начертил на поверхности пасты две горизонтальные линии, разделив таким образом содержимое сосуда на три равные части, затем от центра верхней линии провел вертикальную линию вниз, разделив содержимое уже на пять частей. Он указал на нижнюю правую и сказал, что это для левой стопы. Сектор над ней — для левой ноги. Верхняя, самая большая часть — для гениталий. Сектор под нею слева — для правой ноги, а нижний левый — для правой стопы. Он велел наложить пасту, предназначенную для левой стопы, на подошву и хорошенько ее втереть. Затем нужно в указанной последовательности наложить пасту на всю внутреннюю сторону левой ноги, на гениталии, вниз по внутренней стороне правой ноги и, наконец, на правую подошву.

Я сделал как он говорил. Паста была холодная и обладала исключительно сильным запахом. Кончив ее накладывать, я выпрямился. Запах мази ударил мне в нос. Он был удушающим, напоминавшим какой-то газ. От острого запаха мутилось сознание. Я попытался дышать ртом и хотел заговорить с доном Хуаном, но не мог.

Дон Хуан неотрывно смотрел на меня. Я сделал к нему шаг. Ноги были резиновые и длинные, ужасно длинные. Я сделал еще шаг. Колени пружинили, как ходули; они эластично сжимались, вздрагивали и вибрировали. Я двинулся вперед.

Движение тела было медленным и трясущимся, это больше походило на толчки по направлению вперед и вверх. Я взглянул под ноги и бесконечно далеко внизу увидел дома Хуана. Инерция пронесла меня вперед еще на один шаг, еще эластичней и длинней предыдущего. И тут я взлетел.

Я помню, что один раз опустился, затем, оттолкнувшись обеими ногами, прыгнул назад и заскользил на спине. Я увидел над собой темное небо и несущиеся облака. Я извернулся телом так, чтобы можно было смотреть вниз. Я увидел темную массу гор. Скорость, с которой я двигался, была поразительной. Руки были прижаты к туловищу. Голова служила чем-то вроде руля. Откидывая голову назад, я описывал вертикальные круги: поворачивая ее в сторону, я изменял направление. Я наслаждался совершенно мне прежде неизвестными скоростью и свободой. Сказочная темнота внушала чувство непонятной печали, или, может быть, страстного стремления, как если бы я нашел свою родину — ночную тьму. Я пытался осмотреться как следует, но ощущал лишь покой безмолвной ночи, в которой таилось столько могущества.

Наконец я спохватился, что пора спускаться: я словно получил откуда-то приказ, которому обязан повиноваться. И я начал спускаться, парящим перышком качаясь как маятник. От этих движений меня замутило. Я качался и дергался, словно кто-то внизу дергал меня за веревочку. Мне стало совсем плохо. Голова раскалывалась от боли. Меня окутала какая-то чернота. Я ясно чувствовал, как в нее погружаюсь.

Следующее, что я помню, — это ощущение пробуждения. Я был в своей постели, у себя в комнате. Я сел. Комната исчезла. Я встал. Я был голый. От того, что я встал, меня опять замутило.

Понемногу я начал распознавать, где нахожусь. Я был примерно в полумиле от дома донна Хуана, возле того участка, где рос его дурман. Внезапно все стало на свои места, и до меня дошло, что всю дорогу до дома донна Хуана придется идти голым. Без одежды я чувствовал себя чрезвычайно неудобно и понятия не имел, как выйти из положения. Я подумал, не соорудить ли себе из веток что-нибудь вроде юбки, но это было бы нелепо; да и близился восход солнца, потому что сумерки уже рассеялись. Я забыл о своем неудобстве и физическом расстройстве и направился по дороге к дому донна Хуана. Я был охвачен страхом, что меня заметят. Я высматривал, нет ли впереди людей или собак. Я попробовал бежать, но сразу поранил ноги об острые камешки. Пришлось идти медленно. Было уже совсем светло. Затем я увидел, что кто-то идет по дороге навстречу, и прыгнул в кусты. Положение было совершенно идиотским. Совсем недавно я испытывал невероятную радость полета — и вот уже приходится красться и прятаться, изнывая от собственной наготы. Я прикидывал, не выскочить ли опять

на дорогу и изо всех сил промчатся мимо подходившего человека. Он ведь будет так поражен, рассчитывал я, что к тому времени, когда поймет, что это был голый мужчина, я уже оставлю его далеко позади. Все это проносилось у меня в голове, но я не смел пошевелиться.

Человек, который шел по дороге, поравнялся с кустами и остановился. Я услышал, что он зовет меня по имени. Это был дон Хуан с моей одеждой в руках. Пока я одевался, он смотрел на меня и хохотал. Он так хохотал, что мне вновь стало не до смеха.

К вечеру того же дня, в пятницу 5 июля, дон Хуан велел подробно рассказать, что со мной было. Я по возможности тщательно все ему описал.

— Вторая порция «травы дьявола» используется для полета, — сказал он, когда я закончил. — Сама по себе мазь — дело второстепенное. Мой бенефактор говорил, что направление и мудрость дает сам корень, именно благодаря корню происходит полет. Когда ты научишься большему и полет станет для тебя обычным делом, ты начнешь видеть все очень ясно. Ты сможешь летать по воздуху за сотни миль, чтобы увидеть, что там происходит, или, скажем, чтобы нанести сокрушительный удар врагу, который от тебя очень далеко. Всему этому тебя научит «травя дьявола», когда ты сойдешься с нею поближе. К примеру, она уже научила тебя, как менять направление. Точно так же она обучит тебя невообразимым вещам.

— Например?

— Этого я не могу сказать. У каждого по-разному. Мои бенефактор никогда не говорил мне, чему он научился. Он говорил, что делать и как поступать, но никогда не посвящал меня в то, что он видел. Это личное дело каждого.

— Но я ведь тебе рассказываю все, что вижу, дон Хуан.

— Это покамест. Со временем ничего не потребуется рассказывать. В следующий раз, когда будешь брать «траву дьявола», то будешь делать это сам, совсем один, вблизи растений, которые вырастил, потому что именно там ты приземлишься, возле своих растений. Запомни это. Вот почему я пошел искать тебя к своим растениям.

Больше он ничего не говорил, и я заснул. Проснувшись поздно вечером, я чувствовал себя обновленным. Почему-то меня наполняло чувство физического удовлетворения. Я был доволен и счастлив.

Дон Хуан спросил:

— Понравилось тебе ночью? Или было страшно?

Я сказал, что было восхитительно.

— А как голова? Сильно болела?

— Головная боль была такая же, как все остальные ощущения. В жизни такой не было.

— Так, может, ты не захочешь больше пробовать силу «травы дьявола»?

— Не знаю. Сейчас не хочется; может быть, позже. В самом деле не знаю, дон Хуан.

Был у меня к нему один вопрос, от ответа на который, я знал, он уйдет, поэтому я ждал, когда он сам коснется этой темы; ждал до вечера. Наконец, перед самым отъездом, я все же не утерпел:

— Неужели я в самом деле летал, дон Хуан?

— Так ты мне сам сказал. Разве нет?

— Да нет, сказать-то сказал. Но я имею в виду, летало ли мое тело? Я что, взлетел как птица?

— Ты не можешь без своих вопросов, на которые я не знаю как ответить. Ты — летал. Для того и существует вторая порция «травы дьявола». Будешь принимать ее больше — научишься летать в совершенстве. Дело это не простое. С помощью второй порции человек летает. Вот все, что я могу тебе сказать. А то, что ты хочешь узнать, лишено смысла. Птицы летают как птицы, а человек, который принял «траву дьявола», летает как человек, который принял «траву дьявола» (*el enyerbado vuela así*).

— Так же, как птицы? (*así como los pajaros?*)

— Нет, так же, как человек, который принял «траву дьявола» (*no, así como los enyerbados*).

— Значит, ничего я на самом деле не летал. Все это было только в моем воображении, только у меня в голове. Где было мое тело?

— В кустах, — отрезал он, но тут же вновь разразился смехом. — Беда с тобой в том, что ты понимаешь все только с одной стороны. Ты не можешь представить, что человек летает: и однако брюхо способен в одну секунду перенестись за тысячу миль, чтобы посмотреть, что там происходит. Он может нанести удар своему врагу, который за тридевять земель. Так летает он или нет?

— Понимаешь, дон Хуан, у нас с тобой разный подход. Предположим, ради спора, что когда я принял «траву дьявола», здесь был бы кто-нибудь из моих друзей по университету. Увидел бы он меня летящим?

— Ну вот, опять ты со своими вопросами, что было бы, если бы да кабы... Все это бессмысленная болтовня. Если твой друг или еще кто бы там ни был примет вторую порцию «травы дьявола», то все, что ему останется, — это летать. Ну, а если он будет просто наблюдать за тобой, то может увидеть тебя летящим, а может и не увидеть. Это зависит от человека.

— Но я хочу сказать, дон Хуан, что если мы с тобой смотрим на птицу и видим ее летящей, то мы согласимся, что она летит, а вот если бы двое моих друзей видели меня летящим прошлой ночью, то согласились ли бы они с тем, что я летал?

— Ну, а почему бы им не согласиться. Ты ведь согласен с тем, что птицы летают, потому что видишь, как они летают. Для птиц полет — дело обычное. Но ты не согласишься с тем, что птицы делают еще и другие вещи, потому что ты никогда не видел, как они их делают. Если бы твои друзья знали, что есть люди, которые летают с помощью «травы дьявола», тогда они согласились бы.

— Хорошо, я скажу иначе. Я имею в виду, если я тяжелой цепью привяжу себя к скале, то все равно буду точно так же летать, потому что мое тело не имеет с этим полетом ничего общего?

Дон Хуан скептически взглянул на меня.

— Если ты привяжешь себя к скале, — сказал он, — то боюсь, что тебе придется летать вместе со скалой с ее тяжелой цепью.

Глава 7

Сбор и подготовка ингредиентов для курительной смеси составили годичный цикл. В первый год дон Хуан учил меня всей процедуре. На второй год, когда с декабря 1962 начался новый цикл, он просто руководил мной; я сам собрал ингредиенты, приготовил их и отложил до следующего года.

В декабре 1963 начался новый, третий цикл. Дон Хуан сказал мне, как делать самому смесь из высушенных составных частей, собранных и приготовленных мною годом раньше. То, что я собрал, он положил в небольшой кожаный мешочек. Мы опять принялись собирать разные ингредиенты на следующий год.

В течение года, который на это ушел, дон Хуан редко упоминал о «дымке». Однако всякий раз, как я к нему приезжал, он давал мне подержать свою трубку, и вся процедура знакомства с трубкой развивалась неукоснительно по его сценарию. Давал он мне трубку в руки очень постепенно, требуя при этом тщательнейшей и предельной концентрации и сопровождая мои действия по возможности точными указаниями. Любая оплошность с трубкой, говорил он, неизбежно повлечет за собой его или мою смерть.

Только по окончании третьего цикла сбора и приготовления смеси дон Хуан впервые заговорил о дымке как о союзнике.

Понедельник, 23 декабря 1963

Мы возвращались на машине к нему домой после сбора одного из необходимых составляющих смеси — желтых цветов. Я заметил вслух, что в этом году мы не следуем тому порядку в сборе составных частей, которого придерживались ранее. Он засмеялся и сказал, что дымок не такой капризный и обидчивый, как «трава дьявола». Для дымка неважен порядок сбора составляющих: от того, кто готовит смесь, требуется только аккуратность и точность.

Я спросил, что мы будем делать с той смесью, которую он приготовил и передал мне на хранение. Дон Хуан ответил, что она моя, и добавил, чтобы я с нею не тянул. Я спросил, какова обычная доза. В мешочке, который он мне дал, было примерно втрое больше, чем в обычной пачке табаку. Он сказал, что содержимое мешочка рассчитано на год, а сколько понадобится каждый раз для трубки — мое личное дело.

Мне хотелось узнать, что будет, если я использую не весь запас. Дон Хуан сказал, что ничего не случится, дымок ничего не требует. Ему самому больше нет нужды курить, и все же каждый год он вновь готовит смесь, — точнее, поправился он, ему редко приходится курить. Я спросил, что он делает с неиспользованной смесью, но он мне не ответил, а сказал, что если смесь в течение года не использована, то уже не годится.

Здесь мы ввязались в долгий спор. Я, очевидно, неточно сформулировал вопрос, и его ответы казались неясными. Как я понял, смесь по истечении года теряет галлюциногенные свойства, и в таком случае необходим новый годовой цикл: но он твердил, что смесь никогда не теряет своих свойств. Происходит только то, сказал он, что человеку она больше не нужна, поскольку он сделал новый запас, и следует распорядиться неиспользованной старой смесью особым образом. Каким именно — я не мог дознаться.

Вторник, 24 декабря 1963

— Ты говорил, дон Хуан, что тебе больше нет надобности курить.

— Да, мне больше не нужно курить, потому что дымок — мой союзник. Я могу его вызвать когда и где захочу.

— Ты хочешь сказать, что он приходит к тебе, даже если ты не куришь?

— Я хочу сказать, что я прихожу к нему свободно.

— А у меня тоже так получится?

— Да, если тебе удастся сделать его своим союзником.

Вторник, 31 декабря 1963

Во вторник 24 декабря у меня был первый опыт встречи с союзником дона Хуана — дымком. Весь день я мыкался вокруг дона Хуана и делал, что прикажет. К вечеру мы вернулись к нему домой. Я напомнил, что мы весь день ничего не ели, но он точно не слышал и заговорил о назревшей для меня необходимости наконец познакомиться с дымком. По его словам, я сам должен был его испытать, чтобы понять, насколько это важный союзник.

Не дав мне опомниться, дон Хуан заявил, что раскурит для меня свою трубку прямо сейчас. Я начал отнекиваться, возражая, что еще не готов и слишком давно не держал трубку в руках. Но он сказал, что больше некогда учиться, пора к ней приступать. Он вынул трубку из чехла и любовно ее погладил. Я сел на пол рядом с ним и лихорадочно искал какой-нибудь предлог, чтобы отвертеться.

В комнате было почти темно. Дон Хуан зажег керосиновую лампу и поставил ее в угол. Обычно желтоватый свет лампы создавал в комнате успокаивающий полумрак. На этот раз, однако, свет казался тусклым и необычно красным; он действовал на нервы. Дон Хуан развязал, не снимая со шнурка на шее, свой мешочек со смесью. Он поднес трубку к распахнутому воротнику и зачерпнул чашечкой немного смеси. Он велел, чтобы я следил за его движениями, сказав, что если часть смеси просыплется, то она все равно попадет к нему за пазуху.

Дон Хуан наполнил трубку на три четверти, затем, держа трубку в одной руке, другой завязал мешочек. Он поднял с полу небольшую глиняную миску, дал ее

мне и велел принести со двора несколько угольков. Я пошел за дом и, взяв несколько углей из печки, сложенной из кирпича-сырца, вернулся назад. Мне было здорово не по себе.

Подав миску дону Хуану, я сел рядом. Он бросил на нее взгляд и спокойно заметил, что угли слишком большие. Нужны помельче, чтобы вошли внутрь чашечки. Я вновь сходил к печке и принес что требовалось. Он взял блюдо с углями и поставил перед собой. Сидел он по-турецки. Взглянув на меня краем глаза, он наклонился вперед, так что почти коснулся углей подбородком, и, держа трубку в левой руке, неуловимым движением правой схватил пылающий уголек, положил его в чашечку трубки и выпрямился. Держа трубку обеими руками, поднес ее к губам и трижды пыхнул. Он обеими руками протянул мне трубку и шепотом приказал, чтобы я таким же образом взял ее и курил.

У меня мелькнула отчаянная мысль — отказаться и удрать. Но дон Хуан вновь шепотом приказал взять трубку и курить. Я взглянул на него. Его глаза не отрывались от моих, но взгляд был дружеским, понимающим. Я с обреченностью вспомнил, что выбор ведь сделан давным-давно, и сейчас, стало быть, остается лишь одно — делать все, что он прикажет.

Я взял трубку и едва не выронил — она была раскаленной! Я поднес ее к губам с крайней осторожностью, поскольку опасался обжечься. Но жара я почему-то совсем не почувствовал.

Дон Хуан велел затянуться. Струя дыма наполнила рот, и казалось, что он там циркулирует. Дым был тяжелым! Чувство было такое, будто рот забит сырым тестом. Именно это сравнение пришло мне на ум, хотя я никогда не держал теста во рту. Дым напоминал также ментол, во рту вдруг стало холодно. Я почувствовал свежесть. «Еще! Еще!» — слышал я шепот дона Хуана. Дым свободно просачивался внутрь меня. Дон Хуан мог меня больше не подстегивать — я затягивался уже механически.

Наконец дон Хуан наклонился и взял у меня из рук трубку. Он осторожно вытряс золу в миску с углями, затем поспешил палец и покрутил им в чашечке, чтобы очистить внутреннюю поверхность. Несколько раз он продул мундштук. Я с любопытством следил, как он прячет трубку в чехол.

Закончив чистить и убрав трубку, он пристально взглянул на меня. И тут я спохватился, что все мое тело онемело. Оно словно стало сплошь ментоловым. Лицо отяжелело, болели челюсти. Я не мог удержать рот закрытым, но слюны не было. Во рту было так сухо, что он горел, и однако я не чувствовал жажды. В голове разлилось странное тепло. Холодный жар! При каждом выдохе дыхание, казалось, резало ноздри и верхнюю губу, но оно не обжигало огнем, а жгло как кусок льда.

Дон Хуан сидел справа от меня и, словно окаменев, прижимал чехол с трубкой к полу, как бы удерживая его силой. Мои ладони отяжелели, руки ломило. Они

оттягивали плечи. Из носу текло. Я вытер нос тыльной стороной ладони — и стер верхнюю губу! Я вытер ладонью лицо — и стер его! Я таял! Чувство было такое, словно тает все тело. Я вскочил и попытался ухватиться за что-нибудь, за что угодно — лишь бы опереться. Меня охватил нестерпимый ужас. Я схватился за вкопанный в центре комнаты столб. Стоя у столба, я повернулся взглянуть на дона Хуана. Он сидел по-прежнему неподвижно, прижимая к полу трубку и глядя на меня.

Дыхание было болезненно горячим (или холодным?). Оно душило меня. Я наклонил голову, чтобы опереться ею о столб, но, видимо, промахнулся, потому что голова продолжала наклоняться, миновав то место, где был столб. Я остановился, когда уже чуть не упал на пол, и выпрямился. Столб был на месте, у меня перед глазами. Я снова попробовал прислониться к нему головой. Я старался контролировать себя и не отвлекаться. Держа глаза открытыми, я наклонялся вперед, чтобы лбом коснуться столба. Он был в нескольких дюймах от моих глаз, но когда я его коснулся, у меня было совершенно дикое ощущение, что голова прошла прямо сквозь столб.

В отчаянных поисках разумного объяснения я решил, что это глаза искажают расстояние, и что столб, должно быть, от меня где-нибудь в 10 футах, хотя я и вижу его прямо перед собой. Тогда я решил определить местонахождение столба с помощью логического, рационального метода. Шаг за шагом я начал обходить его вокруг. Логически я рассчитывал, двигаясь таким образом вокруг столба, сделать круг футов 5 в диаметре; если столб был действительно в 10 футах от меня, то есть дальше вытянутой руки, то в конечном итоге я окажусь к нему спиной. Я предполагал, что в этот момент столб должен исчезнуть, поскольку в действительности оказался бы позади меня.

Я начал обходить столб по кругу, но он по-прежнему оставался у меня перед глазами. В приступе отчаяния и замешательства я схватился за него обеими руками, но руки прошли насквозь; я схватил воздух. Я тщательно рассчитал расстояние до столба. Получалось приблизительно три фута. Некоторое время я играл с восприятием пространственной глубины, поворачивая голову так и этак, поочередно фокусируя глаза то на столбе, то на заднем плане. Согласно моему пространственному восприятию, столб, несомненно, был передо мною примерно в трех футах. Вытянув перед собой руки, чтобы не удариться головой, я ринулся на него. Ощущение было неизменным: я прошел сквозь столб. На этот раз я грохнулся на пол. Я опять поднялся, и этот подъем был, пожалуй, наиболее необычным из всех моих действий этой ночью. Я поднял себя мыслью! В моем движении не участвовали ни мышцы, ни скелет. Я больше не имел над ними контроля, — это я понял в тот момент, когда упал на пол. Но незадача со столбом вызвала во мне такое любопытство, что я чем-то вроде рефлексивного действия «мыслью поднял себя». И прежде, чем до меня дошло, что я ведь не могу двигаться, я уже стоял.

Я позвал дона Хуана на помощь. Голос сорвался в крик, но дон Хуан не пошевелился. Он по-прежнему искоса на меня смотрел, как если бы ему лень

было повернуть голову, чтобы взглянуть на меня прямо. Я сделал к нему шаг, но вместо того, чтобы двинуться вперед, меня бросило назад, и я налетел на стену. Я знал, что столкнулся с нею спиной, но не почувствовал удара; я был полностью погружен в мягкую губкообразную субстанцию, — это и была стена. Руки были разбросаны в стороны, и казалось, что все мое тело медленно тонет в стене. Я мог только смотреть вперед, в комнату. Дон Хуан все так же смотрел на меня, но не делал никаких попыток мне помочь. Я сделал отчаянное усилие вырваться из стены, но тело лишь тонуло все глубже и глубже. В неопишемом ужасе я чувствовал, что губкообразная стена смыкается на моем лице. Я попытался закрыть глаза, но они не закрывались.

Не помню, что было дальше, но вот передо мною совсем близко оказался дон Хуан. Мы были в соседней комнате. Я видел стол и огонь в очаге. Краем глаза я различал в окне изгородь возле дома. Видел я все очень ясно. Дон Хуан принес керосиновую лампу и подвесил ее к потолочной балке. Я попробовал взглянуть в другую сторону, но глаза были устремлены только вперед. Отсутствовало всякое различие или ощущение хоть какой-либо части тела. Своего дыхания я не чувствовал, но мысли были исключительно ясными, и я ясно сознавал все, что со мной происходит. Дон Хуан подошел ко мне, и из головы все исчезло. Казалось, что-то остановилось во мне, мыслей больше не было. Я видел, как ко мне подходит дон Хуан, и ненавидел его. Я хотел разодрать его в клочья. Я убил бы его, если бы мог пошевелиться. Появилось неясное давление на голову, но оно также исчезло. Осталось лишь одно — безудержный гнев на дону Хуана.

Он был от меня всего в нескольких дюймах. Я хотел разорвать его. Я слышал свое рычание. Что-то во мне начало содрогаться. Я услышал, что дон Хуан говорит со мной. Голос был тихим и успокаивающим, и удивительно приятным. Он подошел почти вплотную и стал напевать испанскую колыбельную:

— *Senora Santa Ana, porque llora el niño? Por una manzana que se la ha perdido. Yo le dare una. Yo le dare dos. Una para el niño ó otra para vos.*

Меня охватило тепло. Это была сердечная теплота, теплота чувств. Слова дона Хуана звучали как далекое эхо. Они будили далекие воспоминания детства.

Ярость, которую я только что чувствовал, исчезла. Ненависть и обиду сменила тоска — меня охватила глубокая любовь к дону Хуану. Он сказал, чтобы я не спал, что у меня больше нет тела и я могу превратиться во что пожелаю. Он сделал шаг назад. Глаза дона Хуана находились на обычном уровне, как если бы я стоял рядом с ним. Он протянул ко мне руки и велел войти в них.

То ли я двигался вперед, то ли он подошел ко мне ближе. Его руки были почти у меня на лице — на глазах, хотя я их не чувствовал. «Войди мне в грудь», — услышал я его голос. Я почувствовал, что он растворяется во мне. Ощущение было такое же, как со стеной из губки.

Его я уже не различал. Глаза были, очевидно, открыты, потому что я видел вспышки света на красном фоне, точно я смотрел на свет сквозь сомкнутые веки. Затем опять включились мысли. Они вернулись бурным потоком картин: лица, пейзажи. Картины хаотически появлялись и исчезали. Это было похоже на стремительный сон, где картины с сумасшедшей скоростью перебивают друг друга. Затем поток мыслей начал убывать и вскоре исчез совсем. Осталось лишь чувство любви и счастья. Я не мог различить никаких очертаний или градаций в освещении. Внезапно я был точно вытолкнут. Это было отчетливое ощущение, будто меня откуда-то подняли. И я был свободен, я двигался с невероятной легкостью и скоростью то ли в воде, то ли в воздухе. Я плывал как угорь. Я извивался и крутился, и взмывал, и опускался, как пожелаю. Я почувствовал, что подхвачен мощным холодным ветром, и начал скользить как перышко, качаясь вперед-назад, как маятник, вниз, и вниз, и вниз.

Суббота, 28 декабря, 1963

Я проснулся вчера к вечеру. По словам дон Хуана, я беспробудно проспал почти двое суток. Голова была тяжелая. Я выпил воды, и мне стало нехорошо. Навалилась усталость, невероятная усталость, и после ужина я снова лег спать.

Сегодня я уже чувствовал себя полностью отдохнувшим и принялся обсуждать с доном Хуаном свой опыт. Полагая, что ему вновь требуется подробный пересказ, я начал описывать свои впечатления, но он меня остановил и сказал, что в этом нет нужды. Он сказал, что в действительности я ничего такого не совершил и почти сразу заснул, потому и говорить не о чем.

— А как же с тем, что я пережил? Разве это совсем не важно?

— Нет. Если с дымком, то не важно. Со временем, когда ты научишься путешествовать, тогда и поговорим. Сначала ты должен научиться проникать внутрь вещей.

— Как это — «проникать внутрь вещей»?

— Ты что, забыл? Ты вошел в стену и прошел сквозь нее.

— А по-моему, в действительности я сошел с ума.

— Нет, ты не сошел с ума.

— А когда ты курил впервые, дон Хуан, с тобой происходило то же самое?

— Нет, у меня было по-другому. Мы с тобой разные.

— А что с тобой было?

Дон Хуан не ответил. Я задал этот вопрос в другой формулировке. Но он сказал, что не помнит, что испытывал и что при этом делал: это все равно что

спрашивать у старого рыбака, что он чувствовал, когда в первый раз был на рыбной ловле. Он сказал, что дымок это несравненный союзник, и тут я ему напомнил, что то же самое он говорил о Мескалито. Он возразил, что и тот и другой — несравненный союзник, но каждый по-своему.

— Мескалито — это защитник, потому что он говорит с тобой и показывает, что делать, — сказал он. — Мескалито учит, как правильно жить, его можно видеть, потому что он вне тебя. Напротив, дымок — это союзник. Он преобразует тебя и дает тебе силу, ничем при этом себя не обнаруживая. С ним не говорят. Но у тебя не остается сомнений, что он существует, потому что он убирает твое тело и делает тебя легким как воздух. Однако ты никогда не увидишь его. И все же он присутствует и дает тебе силу для осуществления казалось бы невозможных вещей, например, убирая твое тело.

— Я в самом деле чувствовал, что тела больше нет.

— Так оно и было.

— Ты имеешь в виду, что у меня действительно не было тела?

— А ты сам что думаешь?

— Да откуда я знаю. Я могу сказать тебе только то, что я чувствовал.

— Вот так оно и есть в действительности: то, что ты чувствовал.

— Но каким видел меня ты, дон Хуан? В каком я был виде?

— Каким я тебя видел — это неважно. Это похоже на то, как ты ловил столб. Ты чувствовал, что столб не здесь, но все же ходил вокруг него, чтобы убедиться, что столб здесь. Но когда ты прыгнул на него, то вновь почувствовал, что в действительности его здесь нет.

— Но ты меня видел таким как сейчас, или как?

— Нет, не таким как сейчас.

— Ладно! Допустим. Но у меня ведь было мое тело, пусть я — лично я — его и не чувствовал, а?

— Нет! Проклятье! Не было у тебя такого тела, как сейчас! — А что же тогда с ним было?

— Неужели не ясно! Его взял дымок.

— Но куда же оно девалось?

— Откуда же, по-твоему, мне это знать, черт побери?

Бесполезны были все мои упорные попытки получить рациональное объяснение. Я сказал, что вовсе не желаю спорить и задавать дурацкие вопросы, но если я соглашусь с мыслью, что можно терять свое тело, то я попросту потеряю рассудок.

Он сказал, что я как всегда преувеличиваю и что от дымка я не теряю и не потеряю ничего.

Вторник, 28 января 1964

Я спросил, что будет, если дать дымок кому-нибудь, кто захочет его попробовать. Он безапелляционно сказал, что дать дымок кому угодно — все равно что убить его, потому что у него не будет руководителя. Я попросил объяснить, что он имеет в виду. Он обронил, что я нахожусь здесь, живой и здоровый, только потому, что он меня вытащил, восстановив мое тело. Иначе мне бы никогда не вернуться.

— Как же ты все-таки восстановил мое тело?

— Об этом как-нибудь потом, когда ты научишься все это делать самостоятельно. Вот почему я хочу, чтобы ты научился как можно большому, пока я рядом с тобой. Ты потерял достаточно много времени на свои дурацкие вопросы о всякой чепухе. Хотя, может быть, это в самом деле не твоя судьба — научиться всему, что дает дымок.

— Ну, и что же я тогда буду делать?

— Пусть дымок даст тебе столько знания, сколько ты сможешь взять.

— Выходит, дымок тоже учит?

— А что же еще!

— Учит так же, как Мескалито?

— Нет, дымок не такой учитель, как Мескалито. Он показывает другое.

— Что именно?

— Он показывает, как управлять его силой и как научиться принимать его столько, сколько понадобится.

— Твой союзник, дон Хуан, уж очень устрашающий. То, что я испытал, уж вовсе из ряду вон.

Почему-то я не мог отвязаться от этой мысли, от мучительного воспоминания. Сравнивая дымок с предыдущими галлюциногенными опытами, я вновь и вновь приходил к выводу, что дымок просто сводит с ума.

Дон Хуан раскритиковал мое сравнение, сказав, что то, что я испытал, было его невообразимой силой. И для того, чтобы ею управлять, сказал он, нужно жить сильной жизнью. Такая жизнь предполагает не только подготовительный период, но и общую позицию человека по отношению ко всем вещам после того, как он удостоверился в ее реальности и необходимости. Сила дымка, сказал он, такова, что человек может сравняться с ним только своей стойкостью, иначе его жизнь будет разбита вдребезги.

Я спросил, одинаково ли действие дымка на каждого. Он сказал, что дымок преобразует, но не каждого.

— Тогда с какой стати он сделал это со мной?

— Это, я думаю, совершенно дурацкий вопрос. Ты послушно исполнял в должной последовательности все, что нужно, и в том, что дымок тебя преобразовал, нет никакого такого чуда.

Я еще раз попросил рассказать, как я выглядел. Мне хотелось это знать потому, что мысль о бестелесном существе, для него совершенно естественная, была для меня, разумеется, невыносимой. Он сказал, что, по правде говоря, смотреть на меня боялся: он чувствовал то же самое, что чувствовал, должно быть, его бенефактор, когда впервые курил сам дон Хуан.

— Почему ты боялся? Я был таким страшным? — спросил я.

— Мне никогда раньше не приходилось видеть кого-нибудь курящим.

— Ты не видел, как курил твой бенефактор?

— Нет.

— — Ты никогда не видел даже себя самого?

— Как это, интересно знать?

— Ну, скажем, если бы курил перед зеркалом.

Он молча на меня вытаращился и замотал головой. Я опять спросил, можно ли смотреть при этом в зеркало. Если бы это и было возможно, сказал он, то совершенно бесполезно, потому что попросту, наверно, умрешь от страха, если не еще от чего-нибудь. Я сказал:

— Значит, тогда в самом деле выглядишь устрашающе.

— Я сам всю жизнь гадал об этом, — сказал он, — и все же ничего такого не спрашивал и в зеркало не глядел. Мне это и в голову не приходило.

— Но как же мне тогда узнать?

— Надо ждать, вот как ждал я, пока не передашь кому-нибудь дымок, — конечно, если когда-нибудь его освоишь.

Тогда и увидишь, как при этом выглядит человек. Таково правило.

— А если я, скажем, буду курить перед фотоаппаратом и сам себя сфотографирую?

— Не знаю. Но думаю, дымок обратится против тебя. А ты, похоже, считаешь его столь безобидным, что полагаешь, будто с ним можно играть.

Я сказал, что не собираюсь играть, но ведь, помнится, он сам говорил, что дымок не слишком строгий, вот я и подумал, что не будет большого греха поинтересоваться, как от него выглядишь. Он возразил, что имел в виду отсутствие необходимости соблюдать, в отличие от «травы дьявола», определенный порядок действий: однако дымок, разумеется, требует должного к себе отношения. В этом смысле правило не знает исключений. Например, не имеет значения, какой ингредиент собран в первую очередь, если вся смесь составлена правильно.

Я спросил, не будет ли вреда, если я расскажу кому-нибудь то, что пережил. Он ответил, что разглашению не подлежит следующее: как готовить и использовать курительную смесь, как себя вести и как возвращаться; все остальное неважно.

Глава 8

Моя последняя встреча с Мескалито длилась четыре дня и состояла соответственно из четырех сессий. На языке дона Хуана это называлось «митота». В пейотной церемонии принимали участие ученики и *peyoteros* (т.е. люди, имеющие опыт в обращении с пейотом) — двое мужчин в возрасте примерно дона Хуана, один из которых был ведущим. Кроме меня, было еще четверо молодых людей.

Церемония происходила в мексиканском штате Чиуауа, вблизи тexasской границы. Это было угощение пейотом и песнопения ночи напролет. Днем приходили женщины и приносили воду: ежедневно мы съедали в качестве ритуала лишь чисто символическое количество специальной пищи.

Суббота. 12 сентября 1964

В первую ночь церемонии, в четверг 3 сентября, я сжевал восемь бутонов пейота. Результата я не заметил — возможно, он был очень слабым. Всю ночь я сидел с открытыми глазами — так было легче. Я не спал и не чувствовал усталости. К самому концу сессии пение стало совершенно необычным. На какое-то мгновение я ощутил такой подъем, что захотелось плакать. Но песня закончилась, и все прошло.

Мы все встали, вышли во двор. Женщины дали нам воды. Одни прополоскали горло, другие пили. Мужчины не говорили ни слова, зато женщины без умолку болтали и хихикали. В полдень нам приготовили ритуальную пищу — вареный маис.

На закате солнца четвертого сентября началась вторая сессия. Ведущий запел пейотную песню, и вновь начался цикл пения и принятия пейота. К утру, под конец цикла, все песни слились в унисон.

Я вышел во двор; женщин на этот раз было меньше. Кто-то дал мне воды, но я этого не заметил. Я опять сжевал 8 бутонов и снова безрезультатно. Должно быть, шло уже к концу сессии, когда пение стало гораздо быстрее, и все пели хором. Я почувствовал, что кто-то или что-то снаружи дома хочет войти, причем нельзя было понять, имеет ли пение целью помешать или помочь ему ворваться.

Я единственный не пел, потому что только у меня не было собственной песни. Все, казалось, поглядывали на меня с недоумением, особенно молодежь. Это меня смущало, и я закрыл глаза. Тут я обнаружил, что с закрытыми глазами могу гораздо лучше воспринимать все происходящее. Меня полностью захватило это открытие. Я закрыл глаза — и увидел людей перед собой, открыл глаза — картина не изменилась. Сидел ли я с открытыми или с закрытыми глазами — на зрительное восприятие это несколько не влияло.

Внезапно все исчезло, словно распалось, и перед глазами возникла та самая в виде человека фигура Мескалито, с которой я встретился два года назад. Он сидел немного поодаль, ко мне в профиль. Я смотрел на него не отрываясь, но он на меня ни разу не взглянул и ни разу ко мне не повернулся.

Я подумал, что делаю что-то неправильно, оттого он и держится в стороне. Я встал и сделал к нему шаг, чтобы у него самого об этом узнать. Но от моего движения картина

рассеялась, она начала таять, а из нее выплыли фигуры людей, с которыми я находился. Я вновь услышал громкое иступленное пение.

Я направился к кустарнику возле дома и немного прошелся. Все вокруг было совершенно отчетливым. Я заметил, что опять вижу в темноте, но на этот раз это почти не имело значения. Я хотел знать только одно — почему Мескалито меня избегает?

Повернув назад, чтобы присоединиться к группе, я у самого дома вдруг услышал сильный грохот и почувствовал, как подо мной содрогается земля. Звук был совершенно таким, как два года тому назад в пейотной долине.

Я побежал назад, в кусты. Я знал, что Мескалито здесь и я должен его найти. Но в кустах его не было. Я ждал до утра и вернулся под самый конец сессии.

На третий день «митоты» повторилась та же процедура. После обеда я поспал, хотя не чувствовал усталости.

Вечером в субботу, 5 сентября, ведущий затянул свою песню — цикл начался заново. За эту сессию я разжевал только один бутон, не прислушиваясь к песням и не интересуясь ничем вокруг. С самого начала я полностью сосредоточился лишь на одном. Я знал, что не хватает чего-то страшно важного для того, чтобы все было хорошо. Под нескончаемое пение я во весь голос попросил Мескалито научить меня песне. Моя просьба утонула в громком пении. Тотчас в ушах зазвенела песня. Я повернулся, пересел спиной к остальным и начал слушать. Я вновь и вновь слышал слова и мотив, и повторял их, пока не выучил всю песню. Это была длинная песня на испанском. Затем я несколько раз пропел ее остальным, а вскоре в ушах послышалась новая песня. К утру я бесчисленное множество раз пропел их обе. Я чувствовал себя обновленным и окрепшим.

После того, как нам принесли воду, дон Хуан дал мне сумку, и мы все вместе отправились в горы. Это был долгий и трудный путь на низкое плоскогорье. Там я увидел несколько растений пейота, но почему-то не хотелось на них смотреть. Когда мы пересекли плоскогорье, группа разделилась. Мы с доном Хуаном пошли назад, собирая по пути бутончики пейота, как в прошлый раз, когда я ему помогал.

Вернулись мы к концу дня, в субботу шестого сентября. Вечером ведущий вновь начал цикл. Никто не произнес ни слова, но я был совершенно уверен, что это последняя сессия. Песня ведущего была на этот раз новой. По кругу пошел мешок со свежими бутончиками. Впервые я попробовал их свежими. Бутон был сочный, но жевать его было трудно. Он напоминал твердый зеленый плод, но вкус был более острым и горьким, чем у высушенных бутончиков.

Я сжевал четырнадцать бутончиков, старательно их считая. Не успел Я дожевать последний, как послышалось знакомое гроыхание, которое отмечало присутствие Мескалито. Все иступленно запели, и я понял, что грохот услышали дон Хуан и все остальные. Мысль, что это было попросту их реакцией на знак, поданный кем-то, чтобы меня обмануть, я отверг. В то же мгновение я почувствовал, как меня поглощает огромная волна мудрости. Предположения, с которыми я играл три года, уступили место несомненной достоверности. Три года потребовалось мне для того, чтобы понять или, скорее, убедиться, что что бы там ни содержалось в кактусе *Lophophora williamsii*, его существование ничуть от меня не зависит — оно свободно существовать где угодно, везде. Теперь все было ясно.

Я лихорадочно пел до тех пор, пока хватало сил произносить слова. Потом пришло ощущение, что песни находятся внутри моего тела и самопроизвольно его сотрясают. Я должен был выйти и найти Мескалито, иначе взорвусь. Я пошел в сторону пейотного поля, продолжая петь свои песни. Я знал, что они только мои — неоспоримое доказательство моей единственности. Я ощущал каждый свой шаг. Шаги эхом отдавались от земли; это эхо вызывало неопишущую эйфорию оттого, что я человек.

От каждого пейотного кактуса на поле исходил голубоватый мерцающий свет. Один кактус светился особенно ярко. Я сел перед ним и начал петь ему свои песни. Тут из растения вышел Мескалито — та же фигура в виде человека, которую я видел раньше. Он взглянул на меня. С большим чувством (совершенно необычным для человека моего темперамента) я пел ему свои песни. К ним примешивалась уже знакомая мне музыка — звуки флейт или ветра. Как и два года назад, он беззвучно спросил: «Чего ты хочешь»? Я заговорил очень громко. Я сказал — я знаю, что в моей жизни и в моих поступках чего-то не хватает, но не могу обнаружить, чего же именно. Я смиренно просил его сказать мне, что у меня неладно, и еще сказать свое имя, чтобы я мог позвать его, когда буду в нем нуждаться. Он взглянул на меня. Его рот вытянулся, как тромбон, до самого моего уха. И он сказал мне свое имя.

Внезапно я увидел отца. Он стоял посреди пейотного поля, но поле исчезло, и вся сцена переместилась в старый дом, где прошло мое детство. Я стоял с отцом у смоковницы. Я обнял его и стал торопливо говорить ему все, чего никогда не мог ему сказать. Каждая мысль была законченной и исчерпывающей. Было так, словно у нас в самом деле нет времени и нужно сказать все сразу. Я говорил что-то совершенно потрясающее, говорил о чувствах, которые к нему испытывал, — что-то такое, о чем при обычных обстоятельствах никогда бы не посмел заикнуться.

Отец не отвечал. Он просто слушал, а потом исчез. И я снова был один, я плакал от печали и раскаяния.

Я пошел через пейотное поле, выкрикая имя, которому меня научил Мескалито. Что-то появилось из странного, похожего на звездный, света на кактусе. Это был длинный светящийся предмет — что-то вроде палки из света, величиной с человека. На мгновение он осветил все поле ярким светом, желтоватым или янтарным; затем озарил все небо, от чего получилось необычайное, чудесное зрелище. Я подумал, что если буду смотреть, то ослепну. Я зажмурился и спрятал лицо в ладонях.

Я безошибочно знал, что Мескалито велит мне съесть еще один бутон. Но как же это сделать, подумал я, у меня ведь нет ножа, чтобы его срезать. «Съешь прямо с земли», — сказал он мне тем же необычным образом. Я лег на живот и стал жевать верхушку растения. Оно согрело и ободрило меня. Все мое тело, каждая его клетка согрелась и выпрямилась. Все ожило. Все состояло из сложных и тонких деталей, и в то же время все было таким простым. Я был повсюду; я мог видеть все, что вверху, и все, что внизу, и все вокруг одновременно.

Это непередаваемое чувство я испытывал как раз столько времени, чтобы успеть его осознать. Затем его вытеснил гнетущий страх, который пусть не мгновенно, но все же достаточно быстро и неумолимо овладел мной. Сначала в мой чудесный мир безмолвия ворвались острые звуки, но я не обратил на это внимания. Затем звуки стали громче и назойливей, как будто надвигались на меня. И постепенно исчезло недавнее чувство, когда я плавал в мире целостном, безразличном и прекрасном. Звуки выросли в гигантские шаги. Что-то громадное дышало и двигалось вокруг меня. Я понял, что оно за мной охотится. Я

побежал и спрятался под валуном, пытаюсь оттуда определить, что же меня преследует. На мгновение я выглянул из своего убежища, и тут преследователь, кто бы он ни был, на меня бросился. Он был похож на морскую водоросль. Водоросль бросилась на меня. Я думал, что буду раздавлен ее весом, но оказался в какой-то выбоине или впадине. Я видел, что водоросль покрыла не всю поверхность земли вокруг камня. Под валуном остался клочок свободного пространства. Я старался вжаться под камень. Я видел капающие с водоросли огромные капли слизи. Я «знал», что это секреторная жидкость — пищеварительная кислота, чтобы меня растворить. Капля упала мне на руку; я пытался стереть кислоту землей и смачивал ожог слюной, продолжая закапываться. В какое-то мгновение я почти растаял.

Меня вытаскивали на свет. Я решил, что уже растворен водорослью. Я смутно заметил свет, который становился все ярче. Свет шел из-под земли, пока наконец не прорвался в то, в чем я узнал встающее из-за гор солнце.

Ко мне медленно возвращалось обычное восприятие. Я лег на живот, уткнувшись подбородком в согнутый локоть. Кактус передо мной вновь начал светиться, и не успел я глазом моргнуть, как из него снова вырвался длинный сноп света и простерся надо мной. Я сел. Свет спокойной силой коснулся моего тела, а затем откатился и скрылся из виду.

Я бежал, пока не нашел остальных. Вместе мы вернулись в город. Я остался с доном Хуаном еще на один день у Роберто, — так звали ведущего. Весь этот день я проспал. Когда мы стали собираться, ко мне начали подходить участвовавшие в митоте молодые люди. Они по очереди меня обнимали и стыдливо смеялись. Я познакомился с каждым. Я говорил с ними без конца обо всем на свете, кроме митоты.

Дон Хуан сказал, что пора ехать. Я вновь обнялся с каждым. «Возвращайся», — сказал один из них. «Мы уже ждем тебя», — добавил другой. Я отъезжал медленно, стараясь различить где-нибудь стариков, но никого не увидел.

Четверг, 10 сентября 1964

Всякий раз изложение дону Хуану того, что я пережил, невольно понуждало меня к предельной точности. Похоже, это был наилучший способ все как следует вспомнить.

Сегодня я пересказал ему в подробностях свою последнюю встречу с Мескалитом. Он внимательно меня слушал, пока я не добрался до того места, где Мескалит назвал свое имя. Тут он меня остановил.

— Теперь ты сам по себе, — сказал дон Хуан. — Защитник принял тебя. Отныне моя помощь будет крайне незначительной. Тебе не надо больше ничего мне рассказывать о ваших с ним отношениях. Теперь ты знаешь его имя. Ни это имя, ни о ваших с ним делах не должна знать ни одна живая душа.

Я продолжал настаивать на том, что хочу ведь рассказать ему все детали того, что испытал, потому что ничего не понимаю. Я сказал, что мне нужна его помощь, чтобы уяснить и упорядочить то, что я видел. Он сказал, что я и сам могу это сделать, и вообще пора уже думать своей головой. Я возразил, что для меня его мнение много значит, потому что самому мне понадобится слишком много времени, чтобы все понять, да и вообще я не знаю, как подступиться.

Я сказал:

— Вот песни, например. Что они значат?

— Это уж ты сам решай, — сказал он. — Откуда я знаю, что они значат? Сказать тебе это может только защитник, так же как только он один может научить тебя своим песням. Возьмись я объяснять тебе, что они значат, это было бы все равно, как если бы ты выучил чьи-то чужие песни.

— То есть как это?

— Слушая песни защитника, можно узнать, кто притворяется. Только те песни, которые поются с душой, — его песни и получены от него самого. Остальные — в лучшем случае копии. Люди зачастую легко обманываются. Они поют чужие песни, даже не зная, о чем поют.

Я сказал, что собственно хотел узнать, для чего поются эти песни. Он ответил, что те песни, которые я узнал, служат для вызова защитника, и что я всегда должен пользоваться ими в сочетании с его именем, чтобы его вызвать. Со временем, сказал дон Хуан, Мескалито, вероятно, научит тебя другим песням для других целей.

Тогда я спросил, как по его мнению, полностью ли меня принял защитник. Это был, наверное, глупый вопрос, потому что дон Хуан рассмеялся и сказал, что защитник конечно принял меня, а чтобы я это понял, еще и подтвердил это, дважды показавшись как свет. То, что я увидел свет дважды, похоже, произвело на дона Хуана большое впечатление, потому что он это особенно подчеркнул.

Я сказал, что не понимаю, зачем Мескалито так пугает человека, если его принимает.

Он молчал так долго, что я подумал, что этим вопросом привел его в замешательство. Но он наконец сказал.

— Но это же так ясно. То, что он хотел сказать, до того ясно, что я не вижу, что здесь может быть непонятного.

Да мне вообще все до сих пор непонятно, дон Хуан.

— Чтобы по-настоящему увидеть и понять то, что имеет в виду Мескалито, нужно время; вот и думай над его уроками, пока тебе не станет все совершенно ясно.

Пятница, 11 сентября 1964

Я вновь принялся уговаривать дона Хуана растолковать мне то, что я видел. Уговаривать пришлось долго. Наконец он заговорил с таким видом, будто мы все давно уже выяснили.

— Убедился теперь, до чего глупо задаваться вопросом, похож ли он на человека, с которым можно говорить? — сказал дон Хуан. — Он не похож ни на что из когда-либо виденного тобой. Он вроде человек, но в то же время совершенно не похож ни на какого человека. Это трудно объяснить тем, которые о нем ничего не знают, а хотят сразу узнать все. И потом, его уроки так же чудесны, как сам Мескалито. Насколько мне известно, его действия никто не может предсказать. Ты задаешь ему вопрос, и он показывает тебе путь, но не говорит о нем таким же образом, как вот сейчас мы с тобой. Теперь понятно, что именно он делает?

— Ну, это, положим, я еще как-то могу понять. Но мне совершенно непонятно, что же он хотел сказать.

— Ты просил его сказать тебе, что у тебя не в порядке, и он дал тебе полную картину. Здесь не может быть никакой ошибки! Ты же не будешь утверждать, что не понял. Это не был разговор — хотя в собственном смысле это был разговор. Потом ты задал ему другой вопрос, и он ответил тебе точно таким же образом. А насчет того, что он хотел сказать, — этого я не могу знать в точности, поскольку мне ты предпочел не говорить о том, что спрашивал.

Я повторил, насколько помнил, свои вопросы Мескалито по возможности буквально и в том же порядке: «Правильно ли я поступаю? На правильном ли я пути? Что мне делать со своей жизнью?» Дон Хуан сказал, что эти вопросы — только слова. Вопросы не произносят, а задают изнутри. Защитник дал мне урок, а вовсе меня не отпугивал, и в доказательство этому дважды явился как свет.

Я сказал, что все еще не понимаю, зачем Мескалито устрасал меня, если принял. Я напомнил дону Хуану, что, по его собственным словам, быть принятым Мескалито означает, что он принимает постоянную форму, а не превращается из радости в кошмар. Дон Хуан вновь рассмеялся и сказал, что стоит мне разобраться как следует в своем заданном Мескалито вопросе, который был у меня в сердце, — и я сам пойму урок.

Разобраться в вопросе, который «был у меня в сердце», оказалось задачей нелегкой. Я сказал дону Хуану, что во мне тогда было много чего. Когда я задавал вопрос, на правильном ли я пути, то имел в виду — какой мир мне выбрать — этот или тот? Не подвешен ли я между обоими мирами? С которым из них мне связать свою жизнь?

Дон Хуан все это выслушал и заключил, что у меня отсутствует отчетливое видение мира и что защитник дал мне превосходный и совершенно ясный урок. Он сказал:

— Ты думаешь, что для тебя имеется два мира, два пути. Но есть лишь один. Защитник показал тебе это с исключительной ясностью. Единственный доступный тебе мир — это мир людей, и этот мир ты не можешь покинуть по собственной воле. Ты — человек! Защитник показал тебе мир счастья, где между вещами нет различия, потому что там некому спрашивать о различии. Но это не мир людей. Защитник вытряхнул тебя оттуда и показал, как человек думает и борется. Вот это — мир людей! И быть человеком — значит быть обреченным на этот мир. Ты имеешь нахальство полагать, что можешь выбирать между мирами, но это только твоя самонадеянность. Для нас существует лишь один-единственный мир. Мы — люди, и должны безропотно следовать миру людей. Именно в этом, я думаю, состоял урок.

Глава 9

Дон Хуан явно ожидал, что я буду пользоваться «травой дьявола» как можно чаще. Это как-то плохо вязалось с его органической неприязнью к ее силе. Сам он объяснял свое требование тем, что вскоре мне опять придется курить, и к тому времени я должен по возможности ближе познакомиться с силой «травы дьявола».

Он то и дело предлагал мне по крайней мере попробовать еще одно гадание с ящерицами. Я долго колебался. Между тем напоминания дона Хуана становились все настойчивей, так что под конец я просто почувствовал себя обязанным ему уступить, и однажды решился погадать насчет кое-каких пропавших вещей.

Понедельник, 28 декабря 1964

В субботу 19 декабря я срезал корень *datura*. Я подождал, пока стемнеет, и проделал свой танец вокруг растения. За ночь я приготовил экстракт корня. В воскресенье, часам к 6 утра, вернулся туда, где рос мой дурман, и сел перед ним. Я прихватил с собой тщательно записанные указания дона Хуана относительно этой процедуры. Перечитав свои записи, я сообразил, что в данном случае нет необходимости размалывать семена. Почему-то уже одно то, что я просто сижу перед своим растением, давало мне непривычное чувство эмоционального равновесия, ясности мышления, т.е. силы концентрации на том, что делаю, чего я вообще напрочь лишен.

Я в точности исполнил все предписания, так рассчитав время, чтобы к концу дня паста и корень были готовы. В пять часов я занялся ловлей ящериц. За полтора часа я перепробовал все способы, какие только мог придумать, но все впустую.

Я сидел перед растением дурмана, теряясь в догадках, как же выйти из положения, когда вдруг вспомнил указание дона Хуана, что вначале с ящерицами нужно поговорить. Поначалу я испытывал неловкость — все равно как при выступлении перед аудиторией. Вскоре однако это чувство прошло, и я продолжал говорить. Была уже почти ночь, когда я, подняв камень, увидел под ним ящерицу. Она казалась застывшей. Я взял ее в руки, и тут же увидел под соседним камнем другую ящерицу, тоже застывшую. Они даже не пытались вырваться.

Труднее всего оказалось зашить пасть и веки. Я заметил, что благодаря дону Хуану в моих поступках появилась обязательность. Позиция дона Хуана заключалась в том, что если уж взялся за что-либо, то отступать нельзя. Впрочем, если бы я захотел остановиться, то к этому не было никаких препятствий. Возможно, я просто не хотел останавливаться. Я отпустил одну ящерицу, и она побежала на северо-восток — хороший знак, предвещающий, впрочем, что колдовство будет не из легких. Другую ящерицу я привязал к своему плечу и по инструкции смазал себе виски. Ящерица была неподвижна. На мгновение я испугался, что она умерла, а дон Хуан мне ничего не говорил, что делать в таком случае. Но ящерица была живой, только оцепеневшей.

Я выпил снадобье и немного подождал. Не почувствовав ничего необычного, я начал растирать пасту у себя на висках. Пасту я наложил двадцать пять раз. И тут, совершенно механически и бездумно, как во сне, я несколько раз коснулся ею лба. Я с ужасом спохватился и поспешно стер пасту. Лоб покрылся испариной. Меня бросило в дрожь. Я почувствовал отчаяние, потому что дон Хуан всячески от этого предостерегал. Страх сменился чувством абсолютной покинутости и обреченности. Я был оставлен тут на произвол судьбы. Если со мною что-нибудь случится, здесь нет никого, кто бы мне помог.

Хотелось удрать. Я испытывал предельную тревогу и растерянность, потому что не представлял, что же теперь делать. В голову хлынул поток мыслей, сменявшихся с необычайной скоростью. Это были странные мысли, возникавшие непонятно откуда. Мне известен мой способ мышления, определяемый моей индивидуальностью, поэтому я замечу любое отклонение.

Одна из таких чужих мыслей была высказыванием какого-то автора. Это было похоже, как я смутно помню, на чьи-то слова у меня за спиной. Произошло это так быстро, что я испугался. Я замер, чтобы зафиксировать эту неизвестно откуда взявшуюся мысль, но ее сменили обычные мысли. Я был уверен, что где-то прочел это высказывание, только забыл, кто автор. Вдруг я вспомнил: Альфред Кребер. Тут же возникла новая чужая мысль и «сказала», что не Кребер, а Георг Зиммель. Я настаивал на том, что Кребер, когда спохватился, что уже втянут в гущу спора с самим собой, забыв о недавнем чувстве обреченности.

Веки отяжелели, как от снотворного. Именно такое сравнение пришло мне в голову, хотя я никогда никакого снотворного не принимал. Неудержимо клонило в сон. Я хотел добраться до своей машины и там уснуть, но не мог пошевелиться.

Потом, совершенно неожиданно, я проснулся, вернее, ясно почувствовал, что проснулся. Первое, что пришло в голову, — который час. Я огляделся. Растения дурмана передо мной не было. Я с безразличием воспринял, как должное, что прохожу через очередное колдовство. Часы у меня над головой показывали 12:35. Значит, сейчас полдень.

Я увидел молодого человека, несущего пачку бумаг. Я едва его не касался. Я видел прожилки, пульсирующие у него на шее, и слышал ускоренное биение сердца. Меня так увлекло то, что я видел, что я забыл о моих странных мыслях. Затем я услышал у себя в голове сопровождавший сцену «голос», который ее описывал, и понял, что этот «голос» и был источником чужих мыслей.

Меня так захватило вслушивание, что зрительная сторона происшедшего отошла на задний план. Я слышал голос у самого уха, над правым плечом. Голос, собственно, и создавал сцену. Но он подчинялся моей воле. Я чувствовал, что в любой момент могу его остановить и разобрать в подробностях то, о чем он говорит. Я «видел-слышал» действия молодого человека во всей их последовательности. Голос продолжал описывать их в малейших деталях, но в сущности описываемое было само по себе не столь важно. По-настоящему загадочным был источник голоса над ухом. Я трижды пытался повернуться, чтобы увидеть наконец того, кто говорит. Я пытался повернуть голову направо или же просто неожиданно обернуться назад, чтобы наконец увидеть, кто это. Но при каждой такой попытке виденье расплывалось. Я подумал: «Я не могу повернуться потому, что я не нахожусь в сфере обычной реальности». Вот эта мысль была моей собственной.

С этого момента я сосредоточил все внимание на одном лишь голосе. Он, казалось, исходил от моего плеча — совершенно отчетливый, хотя и тоненький голосок, причем не детский голос и не фальцет, а мужской голос в миниатюре.

Это был и не мой голос. Говорил он, надо думать, на английском. При каждой моей попытке исхитриться его поймать он тут же умолкал или удалялся, и сцена мутнела. Удачнее всего было бы сравнение со зрительной формой, создаваемой частичками пыли на ресницах, или же с «мухами» на сетчатке — червеобразной формой, которую видишь до тех пор, пока не смотришь на нее прямо, но как только пытаешься, на нее взглянуть, она с движением глазного яблока моментально ускользает.

Я потерял к происходившему всякий интерес. По мере того, как я слушал, голос становился более сложным. То, что я воспринимал как голос, все более походило на то, как если бы кто-то нашептывал мысли мне в ухо — или, точнее, что-то думало за меня. Мысли были вне меня. Что это так, я не сомневался, потому что мог одновременно фиксировать свои собственные мысли и мысли «другого».

В какое-то мгновение голос создал сцены, автором которых был молодой человек и которые не имели никакого прямого отношения к моему первоначальному вопросу о пропавших вещах. Молодой человек выполнял очень сложные действия. Эти действия вновь приобрели значение, и я больше не обращал внимания на голос. Я начал терять терпение; я хотел остановиться. «Но как это сделать?» — подумал я. Голос в ухе сказал, что нужно вернуться в каньон. Я спросил, как это сделать, и голос ответил — подумать о своем растении.

Я подумал о своем растении. Обычно я сидел перед ним, и делал это так часто, что визуализировать его не составило никакого труда. Увидев растение, я решил, что это очередная галлюцинация, но голос сказал, что я вернулся! Я напряг слух. Была только тишина. Растение *datura* передо мной было не более реальным, чем все, что я только что видел, но я мог его коснуться, мог двигаться вокруг него.

Я поднялся и пошел к машине, но почти сразу выдохся, сел и закрыл глаза. Меня подташнивало, кружилась голова. В ушах звенело. Что-то скользнуло мне на грудь. Это была ящерица. Я вспомнил предостережение дон Хуана, что ее нужно отпустить. Мне было все равно, мертвая она или живая. Я разбил горшок с пастой и набросал на него ногой земли. Потом еле добрался до машины и провалился в беспамятство.

Четверг, 24 декабря 1964

Сегодня я пересказал свое приключение дону Хуану. Внимательно меня выслушав, он сказал:

— Ты сделал опаснейшую ошибку.

— Знаю. Это была страшная глупость. Случайность.

— Никаких случайностей, когда имеешь дело с «травой дьявола». Говорил я тебе, что она все время будет тебя испытывать. Я так понимаю, что ты или очень силен, или же в самом деле у нее любимчик. Центр лба — только для великих брюхо, которые в совершенстве освоили обращение с силой.

— А что обычно происходит, когда человек смажет себе пастой лоб, дон Хуан?

— Если только он не великий брюхо, то попросту никогда не вернется.

— Ты сам когда-нибудь мазал себе пастой лоб, дол Хуан?

— Никогда. Мой бенефактор говорил мне, что из такого путешествия возвращаются лишь очень немногие. Человек может отсутствовать в течение многих месяцев, и другим приходится за ним все это время ухаживать. Мой бенефактор говорил, что ящерицы могут взять человека хоть на край света и показать по его заказу самые немислимые тайны и чудеса.

— А ты знаешь кого-нибудь, с кем такое было?

— Да. С моим бенефактором. Но он никогда не говорил мне, как оттуда возвращаться.

— Неужели возвращение такое трудное?

— Безусловно. Вот почему то, что с тобой было, для меня в самом деле поразительно. Ты делал все совершенно вслепую, а мы обязаны соблюдать строжайшую последовательность, потому что только так приобретают силу. Иначе мы ничто.

Воцарилось долгое молчание. Я видел, что он о чем-то глубоко задумался.

Суббота, 26 декабря 1964

Дон Хуан спросил, искал ли я ящериц. Я сказал, что искал, но не смог найти. Я спросил, что было бы, если бы одна из них умерла у меня в руках. Он сказал, что смерть ящерицы — плохой знак. Если ящерица с зашитой пастью умрет, то нет смысла продолжать колдовство. Кроме того, это будет означать, что ящерицы порвали со мной дружбу, и дальнейшее обучение с «травой дьявола» нужно надолго отложить.

— Как надолго, дон Хуан? — спросил я.

— Года на два или больше.

— А что было бы, если бы и вторая умерла?

— Со смертью второй тебе уже грозит серьезная опасность. Ты остаешься один, без проводника. Ничего еще, если она умерла до начала колдовства, — его еще можно оставить, заодно распрощавшись с «травой дьявола». Но вот если бы ящерица умерла у тебя на плече, когда колдовство уже началось, тогда пришлось бы его продолжать, а это уж действительно безумие.

— Почему безумие?

— Потому что в этом случае все теряет смысл. Ты один, без проводника, и видишь устрашающие и бессмысленные вещи.

— Что значит — бессмысленные?

— То, что мы видим сами по себе. Вещи, которые мы видим, когда лишены направления. Это значит, что «трава дьявола» хочет от тебя отделаться, отшвырнуть наконец прочь.

— А ты знаешь кого-нибудь, с кем было такое?

— Да. Со мной. Без мудрости ящериц я бы сошел с ума.

— Что же ты видел, дон Хуан?

— Кучу чепухи. Что я еще мог видеть без направления?

Понедельник, 28 декабря 1964

— Ты говорил, дон Хуан, что «трава дьявола» испытывает людей. Как это понимать?

— «Трава дьявола» — как женщина, и, совершенно как женщина, она льстит мужчинам. Она ставит ловушки на каждом шагу. Ты, например, попался, когда она заставила тебя помазать пастой лоб. На этом не кончится, и ты, скорее всего, опять попадешься. Смотри в оба. Не увлекайся ею; «трава дьявола» — лишь один из путей к тайнам человека знания. Существуют и другие пути. Главная ее ловушка — заставить тебя поверить, что этот путь — единственный. Запомни: глупо ухлопать жизнь на один-единственный путь, особенно если у него нет сердца.

— А как узнать, дон Хуан, что этот путь не имеет сердца?

— Прежде чем ты решишься на этот путь, спроси себя: имеет ли он сердце? Если ответ будет — нет, значит так оно и есть, и нужно искать другой путь.

— Но как я смогу наверняка узнать, имеет ли этот путь сердце?

— Это может любой. Беда в том, что никто не задает себе этот вопрос; обычно человек слишком поздно понимает, что выбрал путь без сердца, когда уже стоит на краю гибели. В этой точке лишь очень немногие имеют силы оставить свою устремленность и отойти.

— Как правильно задать себе этот вопрос?

— Просто задай его.

— Я имею в виду, существует ли какой-нибудь специальный метод, чтобы я не обманулся и не принял отрицательный ответ за положительный?

— Почему это ты обманешься?

— Ну, скажем, потому, что в этот момент путь будет казаться приятным и радостным.

— Чушь. Путь без сердца никогда не бывает радостным. Уже для того, чтобы на него выйти, приходится тяжело работать. Напротив, путь, у которого есть сердце, всегда легкий: чтобы его полюбить, не нужно особых усилий.

Тут он вдруг заявил, что «трава дьявола» мне очень нравится, и я был вынужден признать, что во всяком случае испытываю к ней предпочтение. А как я отношусь к его союзнику — дымку, спросил он, и мне пришлось сказать наконец, что сама мысль о нем наводит на меня дикий страх.

— Что я говорил: когда выбираешь путь, надо быть свободным от страха и честолюбия; но дымок ослепляет тебя страхом, а «трава дьявола» — честолюбием.

Я возразил, что честолюбие необходимо даже для того, чтобы выйти на какой угодно путь, и что его утверждение, будто следует быть свободным от честолюбия, не имеет смысла. Чтобы учиться, уже необходимо честолюбие.

— Желание учиться — это не честолюбие, — сказал дон Хуан. — Стремление к познанию — наша судьба, потому что мы люди; но искать «траву дьявола» — значит стремиться к силе, а не к познанию. А это и есть честолюбие. Смотри, чтобы «трава дьявола» тебя не ослепила. Она привлекает мужчин и дает им ощущение силы, с нею они

уверены, что могут совершать такие вещи, которые обычному человеку не снились. Но в этом ее ловушка. А потом путь без сердца обернется против человека и его уничтожит. Немногое нужно, чтобы умереть, и искать смерти — значит ничего не искать.

Глава 10

В декабре 1964 года я отправился с доном Хуаном собирать разные растения, необходимые для приготовления курительной смеси. Это был четвертый цикл. Собирал я, а дон Хуан просто следил, как я выполняю его требования, которые заключались в точном выборе времени сбора и полной при этом сосредоточенности. Как только все ингредиенты были собраны и уложены на хранение, он стал требовать, чтобы я вновь встретился с дымком.

Четверг, 31 декабря 1964

— Теперь, когда ты уже кое-что знаешь про дымок и «траву дьявола», ты можешь сказать с большей определенностью, кого из них предпочитаешь.

— Дымок здорово меня пугает, дон Хуан, честное слово. Не знаю, в чем тут дело, но что-то нет у меня к нему особой симпатии.

— Ты любишь лесть, а «траву дьявола» тебя ублажает. Она приносит тебе удовольствие, точно женщина. Дымок — напротив, сила куда более благородная; у него безупречно чистое сердце. Он не завлекает мужчин и не делает их пленниками, точно так же он свободен от любви и от ненависти. Единственное, чего он требует, — это силы. «Трава дьявола» тоже требует силы, но другой — вроде той, которая нужна, чтобы нравиться женщинам и их удовлетворять. Сила же, которую требует дымок, — это сила сердца. У тебя ее нет, как, впрочем, и у очень многих. Вот почему я настоятельно тебе советую сойтись с ним поближе. Дымок оживляет сердце и вливает в него силы. Это тебе не «траву дьявола», полная страстей, ревности и насилия. Дымок постоянен. С ним ты можешь не беспокоиться — а вдруг его чем-то нечаянно обидел.

Среда, 27 января 1965

19 января я вновь курил галлюциногенную смесь. Я говорил дону Хуану, что с дымком мне здорово не по себе и вообще я его боюсь; но дон Хуан сказал — чтобы оценить дымок по достоинству, нужно еще раз попробовать.

Мы вошли к нему в комнату. Было где-то часа два пополудни. Он достал свою трубку. Я принес угли, и мы уселись лицом к лицу. Дон Хуан сказал, что сейчас согреет и разбудит трубку, и если я буду смотреть внимательно, то увижу, как она засветится. Раза три-четыре он поднес трубку к губам и пососал ее, с нежностью потирая. Вдруг он почти неувимым движением кивнул мне на трубку — мол, смотри, пробуждается. Я внимательно смотрел, но ничего такого не заметил.

Он вручил трубку мне. Я наполнил ее своей собственной смесью, потом подхватил горящий уголек чем-то вроде пинцета, который приспособил из деревянной прищепки и припас специально к такому случаю. Дон Хуан взглянул на пинцет и покатился со смеху. Я на секунду зазевался, и уголек пригорел к щипцам. Я побоялся стучать пинцетом о трубку, и пришлось плюнуть на уголек, чтобы его стряхнуть.

Дон Хуан отвернулся и спрятал лицо в ладонях. Он сотрясался всем телом. На мгновение мне показалось, что он плачет, но он беззвучно трясся от смеха.

Процедура оказалась надолго прерванной; наконец он сам взял уголек, положил его в трубку и велел курить. Понадобилось немалое усилие, чтобы раскурить смесь; вероятно,

трубка была слишком плотно набита. При первой же затяжке в рот, кажется, попала пыль из смеси, и он сразу онемел. Я видел, как периодически разгорается трубка, но дыма совсем не чувствовал, как, скажем, чувствуешь дым сигареты. Однако я ощущал, что вдыхаю что-то, что сначала затопило легкие, а затем хлынуло вниз, заполняя все тело.

Я насчитал двадцать затяжек, а потом счет потерял значение. Я начал потеть; дон Хуан пристально на меня смотрел и приговаривал, чтобы я не боялся и делал все, как он меня учил. Я хотел сказать «ладно», но вместо этого вырвался жуткий вой, продолжавший звучать и после того, как я закрыл рот. Дон Хуан опешил, но тут же вновь покатился со смеху. Я хотел утвердительно кивнуть, что ли, но не мог двинуться.

Дон Хуан мягко разжал мои руки и забрал трубку. Он приказал мне лечь на пол, но только не засыпать. Я ждал, что он поможет мне лечь, но он просто неотрывно на меня смотрел. Вдруг комната полетела вверх тормашками, и я уже смотрел на него, лежа на полу. С этой минуты зрительный ряд стал странно расплывчатым, как во сне. Я только смутно помню, что пока лежал колодой, дон Хуан без конца мне что-то говорил.

Я не испытывал ни страха, ни каких-либо неприятных ощущений во время всего этого состояния, и по пробуждении был совершенно здоров. Необычным было разве лишь то, что, проснувшись, я довольно долго не мог собраться с мыслями, но за четыре или пять часов окончательно пришел в себя.

Среда. 20 января 1965

Дон Хуан ничего мне не говорил и не расспрашивал о моих впечатлениях. Он заметил только, что я слишком быстро уснул.

— Единственный способ не заснуть — это стать птицей, или сверчком, или еще чем-нибудь в таком роде, — сказал он.

— Как ты это делаешь, дон Хуан?

— Чему же еще я тебя учу? Ты что, не помнишь, что я говорил вчера, когда ты был без тела?

— Что-то смутно.

— Я — ворона. Я учу тебя, как стать вороной. Когда ты этому научишься, то будешь оставаться при ясном сознании и получишь свободу передвигаться куда угодно; иначе ты всегда будешь приклеен к земле там, где свалился.

Воскресенье, 7 февраля 1965

Следующая встреча с дымком состоялась около полудня 31 января. Я проснулся на следующий день под вечер. Каким-то непонятным, но отчетливейшим образом я помнил все, что в течение опыта говорил мне дон Хуан. Его слова были словно впечатаны мне в память; я слышал их с необычайной ясностью. В течение опыта я разобрался еще с одним явлением: все мое тело онемело вскоре после того, как я начал глотать пыль, попадавшую в рот при каждой затяжке. Получалось, что я не только вдыхал дым, но и поглощал смесь.

Я хотел подробней рассказать обо всем этом дону Хуану, но он бросил, что это ерунда. Мне хотелось обратить его внимание на то, что я могу вспомнить все до мельчайших

деталей, но его это не интересовало. Каждое воспоминание было точным и безошибочным. Сама процедура ничем не отличалась от предыдущего опыта. Казалось, один опыт переходил в другой, и я мог все воспроизвести по памяти с того момента, когда закончился первый. Я отчетливо помнил, что после того, как свалился на пол, исчезли все чувства и мысли, однако голова оставалась ясной. Я помню, что последняя мысль, возникшая, когда комната перевернулась и стала стоймя, была: «Я, наверно, стукнулся головой об пол, а не чувствую никакой боли».

С этого момента я мог только смотреть и слушать. Я помню каждое слово, которое мне сказал дон Хуан. Все его указания я выполнял буквально. Они казались ясными, логичными и вполне осуществимыми. Он сказал, что мое тело исчезает и останется только голова, и потому единственная сейчас возможность не уснуть и быть способным к передвижению это стать вороной. Он скомандовал мне старательно мигать, добавив, что раз уж я могу мигать, то значит готов выполнять дальнейшее. Затем он сказал, что мое тело уже полностью исчезло, осталась одна голова, голова не может исчезнуть потому, что именно голова превращается в ворону.

Он приказал мигать неотступно. Эту команду и прочие он, должно быть, повторял множество раз, потому что я помню каждую с исключительной ясностью. Должно быть, я послушно мигал, потому что он наконец сказал, что я готов, и приказал вытянуть голову и опереться на подбородок. Подбородок, сказал он, это лапы вороны. Он скомандовал почувствовать эти лапы там, где подбородок, и наблюдать за их появлением. Потом он сказал, что я еще не полностью стугулся, и сейчас мне нужно вырастить хвост; хвост появится из затылка. Он приказал распуścić хвост как веер и почувствовать, как он подметает пол.

Потом он заговорил о крыльях: крылья вырастут из скул. Он сказал, что они твердые и жесткие и причиняют боль. Он скомандовал раскрыть крылья. Он сказал, что они должны быть как можно шире, я должен расправить их во всю длину, иначе не смогу летать. Он сказал, что крылья уже появляются — широкие и красивые, и велел ими махать, пока они не станут настоящими крыльями.

Затем он заговорил о темени и сказал, что оно еще очень большое и тяжелое, в полете его вес будет мешать. Он сказал, что его можно уменьшить мигая; с каждым движением век голова будет уменьшаться. Он приказал мигать до тех пор, пока тяжесть совсем не исчезнет и я смогу прыгать легко и свободно. Потом он сказал, что я уменьшил голову до размеров вороньей, и теперь нужно пройти и поскакать, чтобы освоиться.

Теперь, сказал он, для полета осталось еще одно. Это изменение самое трудное, нужно быть особенно внимательным и постараться исполнить в точности все, что он скажет. Осталось научиться видеть как ворона. Твой рот и нос, сказал он, уже вытягиваются между глазами и вот-вот превратятся в сильный клюв. Вороны видят в обе стороны, сказал он и скомандовал повернуть голову и посмотреть на него одним глазом. Чтобы взглянуть другим глазом, нужно просто потряхнуть клювом вниз — это движение позволит уже другим глазом смотреть в том же направлении. Он приказал поупражняться в переключении с одного глаза на другой. Наконец он заявил, что я готов к полету, и для этого осталось единственное — сейчас он подбросит меня в воздух.

Мои ощущения в точности откликались на каждую команду. Я ясно чувствовал, как растут лапы, сначала слабые и шаткие. Я чувствовал, как из затылка появляется хвост, а из скул крылья. Крылья были сложены глубоко внутри: я чувствовал, как постепенно они выпрямляются наружу. Процесс был трудным, но не очень болезненным. Потом я мигая

уменьшил голову до размеров вороньей. Но самое поразительное превращение произошло с глазами. Взгляд стал птичьим!

Когда я по указаниям дона Хуана отращивал клюв, было раздражающее ощущение нехватки воздуха. Затем что-то выпятилось, и передо мной возникло некое приспособление вроде массивной болванки. Но вначале дон Хуан велел мне убедиться, что мои глаза способны схватить в поле зрения все вокруг. Поочередно закрывая глаза, я мог перебрасывать фокус из одного глаза в другой. Необычным стал сам вид комнаты и все то, что в ней находилось, хотя трудно было сказать, в чем именно состояло это изменение. Возможно, сам угол зрения изменился и стал наклонным, а может быть, предметы ушли из фокуса. Дон Хуан стал очень большим и светящимся. От него исходило что-то успокаивающее и надежное. Затем зрительные образы расплылись; они потеряли очертания и превратились в болезненно-отчетливые абстрактные формы, охваченные мимолетным мерцанием.

Воскресенье, 28 марта 1965

Во вторник 18 марта я вновь курил галлюциногенную смесь. На этот раз процедура отличалась в некоторых деталях. Трубку пришлось набивать дважды. Когда я выкурил первую, дон Хуан велел прочистить трубку, но новую порцию положил в нее сам, потому что у меня была расстроена координация движений. Чтобы двигать руками, требовалось невероятное усилие. В моем кисете оставалось достаточно смеси для еще одной трубки. Дон Хуан взглянул на кисет и сказал, что до следующего года это мой последний опыт с дымком, потому что я использовал все свои запасы.

Он вывернул кисет наизнанку и вытряхнул пыль в миску с углями. То, что осталось от смеси, вспыхнуло оранжевым пламенем, как если бы он положил на угли какой-то прозрачный лист. Лист загорелся и рассыпался на линии со сложным контуром. Что-то с огромной скоростью пронеслось внутри этих линий. Дон Хуан приказал следить за движением линий. Я увидел что-то вроде маленького шарика, который перекачивался по вспыхнувшему контуру. Дон Хуан наклонился, выхватил шарик, положил его в трубку и велел мне затянуться. Я был уверен, что он положил мне этот шарик именно для того, чтобы я его вдохнул. Комната моментально встала на дыбы, я почувствовал, что весь онемел и стал точно свинцовый.

Когда я очнулся, я обнаружил, что лежу на дне неглубокой канавы с проточной водой, погруженный в воду до подбородка. Кто-то мне поддерживал голову. Это был дон Хуан. Первое, на что я обратил внимание, это что вода была какой-то необычной — холодной и тяжелой. Она плавно накатывалась на меня, и с каждой волной в голове прояснялось. Вначале у воды был ярко-зеленый отблеск или отсвет, что ли, который вскоре рассеялся, остался лишь поток обычной воды.

Я спросил, который час. Дон Хуан сказал — раннее утро. Немного погодя я полностью очнулся и вылез из воды.

— Ну, давай рассказывай все, что видел, — сказал дон Хуан, когда мы вошли к нему в дом. От него я узнал, что он три дня возился со мной, пытаясь меня вернуть, и пришлось здорово потрудиться. Только к вечеру я почувствовал, что способен наконец говорить нормально, и начал рассказывать ему все, что запомнил прямо с той минуты, как свалился на пол. Но это его не интересовало; он сказал, чтобы я все это пропустил, начав прямо с того, как он метнул меня ввысь и я полетел.

Но я мог вспомнить только серию бессвязных, похожих на сон картин или образов. Впечатление было такое, что каждая из этих картин — как отдельный пузырек, всплывающий в фокус и уплывающий из поля зрения. Однако они не были, скажем, какими-то сценами для созерцания. Я находился внутри них. Я принимал участие в том, что видел. Поначалу, когда я пытался их вспомнить, у меня было ощущение смутных смазанных вспышек; но по мере усилий вспомнить как следует я чувствовал, что каждая из них обладает исключительной ясностью, хотя совершенно несоотносима с обычным видением, — собственно этим объясняется ощущение их смутности. Картин было всего несколько, и они были очень простые.

Как только дон Хуан упомянул вскользь, что бросил меня в воздух, у меня возникло, как вспышка, воспоминание абсолютно ясной сцены, в которой я с определенного расстояния смотрел прямо на него. Я видел только его лицо. Оно поражало монументальностью. Оно было плоским и ярко светилось. Волосы были желтоватыми, и они двигались. Каждая часть лица двигалась сама по себе, излучая своеобразный янтарный свет.

В следующей картине дон Хуан уже подбросил, точнее прямо от себя швырнул меня в воздух. Я помню, что распластал крылья и полетел. Вспарывая воздух в болезненном подъеме, я чувствовал одиночество. Я словно не летел, а шел, с усилием взбираясь ввысь. От трудного подъема болело тело. Ощущения свободного полета, восторга от избытка сил не было.

Затем я вспомнил сцену, в которой неподвижно смотрел на массу острых темных краев, расположенных где-то, откуда исходил смутный, болезненный свет: затем я увидел поле с неисчислимым множеством разных огней. Огни двигались и мерцали, разгораясь и потухая. Они были почти как краски; меня поразила их яркость.

В следующей картине прямо у самых глаз появился какой-то предмет, толстый и заостренный; свечение от него исходило определенно розовое. Я ощутил в своем теле внезапную дрожь и увидел множество таких же розовых форм, которые двигались в мою сторону. Они бросились на меня, и я отпрянул.

Последнее, что я помню, — это трех серебристых птиц. Они сияли металлическим отблеском, почти как нержавеющей сталь, только ярче, интенсивней и подвижней: отблеск был словно живой. Они мне понравились, и я полетел вместе с ними.

В течение всего моего повествования дон Хуан не проронил ни слова.

Вторник, 23 марта 1965

На другой день произошел следующий разговор. Дон Хуан сказал:

— Вороной стать вообще несложно. Ты проделал это, и теперь будешь вороной всегда.

— Что было после того, как я стал вороной, дон Хуан? Неужели я целых три дня летал?

— Нет. Ты вернулся с заходом солнца, как я тебе велел.

— Как же я вернулся?

— Ты очень устал и сразу уснул. Вот и все.

— То есть как я прилетел обратно?

— Я ведь уже сказал. Ты послушался меня и вернулся ко мне домой. Да выбрось это из головы. Это совершенно неважно.

— А что важно?

— Единственное, что по-настоящему ценно в твоём путешествии, — это серебристые птицы.

— Что же в них было такого особенного? Просто птицы.

— Не «просто птицы», а вороны.

— Какие — белые?

— Черные вороны перья в действительности серебристые. Вороны так сверкают, что другие птицы держатся от них подальше.

— Но почему их перья выглядят серебристыми?

— Потому что ты видел так, как видит ворона. Птицу, которая для нас выглядит темной, ворона видит белой. Белые голуби, например, для вороны розовые или голубые; чайки желтые. Теперь попытайся вспомнить, как ты к ним присоединился.

Я попытался, но птицы оставались вырванной из контекста смутной картиной. Я сказал ему, что помню только, точнее чувствую, что с ними летал. Он спросил, где я к ним присоединился — в воздухе или на земле. Но я никак не мог ответить, и это его начало раздражать. Он требовал, чтобы я вспомнил.

— Иначе, — настаивал он, — если ты не вспомнишь хорошенько, все это не будет стоить и гроша, а так и останется скучным бредовым сном.

Я всячески старался вспомнить, но ничего не получалось.

Суббота, 3 апреля 1965

Сегодня мне вспомнилась еще одна картина из моего «сна» с серебристыми птицами. Я вспомнил, что смотрел на темную массу с мириадами булавочных отверстий. Собственно, сама масса была темным скоплением крохотных дырочек. Почему-то мне казалось, что она мягкая. Пока я смотрел на нее появились три птицы, которые летели прямо на меня. Одна из них издала какой-то звук, а потом все трое уже были на земле рядом со мной.

Я описал картину дону Хуану. Он спросил, откуда они прилетели. Я сказал, что, пожалуй, этого не смогу определить. Его охватило сильное нетерпение, и он сказал, что у меня, похоже, вообще деревянная голова, а все оттого, что я боюсь дать себе волю; если я постараюсь, то очень даже могу все вспомнить. Он сказал, что я думаю и как человек и как ворона, но в то время, которое нужно вспомнить, я не был ни тем, ни другим. Он приказал вспомнить, что мне сказали вороны. Я честно пытался вспомнить, но мысли перескакивали с одного на другое. Я не мог сосредоточиться.

Воскресенье, 4 апреля 1965

Сегодня я отправился в далекую прогулку. Когда я возвращался к дому дона Хуана, была уже ночь. Я все думал о воронах, и тут в голове мелькнула очень странная «мысль» — или, точнее, некое впечатление или чувство. Издавшая звук птица, кажется, сказала, что они направляются с севера на юг, и когда мы вновь встретимся, то полетим в том же направлении.

Об этой своей странной фантазии я сообщил дону Хуану. Он сказал:

— Пусть тебя не занимает, выдумал ты это или вспомнил. Так думают только люди. Вороны так не думают, особенно те, которых ты видел, поскольку видел ты посланцев твоей судьбы. Ты уже ворона, и это навсегда. Отныне вороны будут говорить тебе своим полетом о каждом повороте твоей судьбы. В каком направлении вы полетели?

— Да откуда мне знать!

— Если подумаешь как следует, вспомнишь. Сядь на пол и покажи положение, в котором ты находился, когда к тебе прилетели птицы. Закрой глаза и проведи линию на полу.

Я сделал, как он велел, и определил точку.

— Глаз не открывай, — прикрикнул он. — Куда вы полетели относительно этой точки?

Я сделал на полу другую отметку.

Взяв обе за исходную ориентацию, дон Хуан растолковал мне, каким направлением полета какой поворот судьбы мне предвещают вороны. Он установил четыре точки по сторонам света, как оси полета ворон.

Я спросил, всегда ли при предсказании судьбы вороны следуют этим осям. Он сказал, что они касаются меня одного;

абсолютно все, что делали вороны при нашей встрече, было чрезвычайно важным. Он требовал, чтобы я вспомнил все до мельчайших подробностей, поскольку послание или же характер посланцев — дело сугубо индивидуальное, и потому исключительно важное.

В особенности он требовал вспомнить, в какое время суток я с ними расстался. Он велел вспомнить разницу в освещении между началом моего полета и началом полета с воронами. При первом ощущении, которое я помню, — ощущении болезненного подъема, — было темно. Но когда я увидел птиц, все было красноватым, светло-красным или, пожалуй, оранжевым.

Он сказал:

— Это означает, что был конец дня: солнце еще не зашло. Когда наступает ночь, ворона ослеплена белизной, а не тьмой, как люди. Таким образом, это указание на то, что твои посланцы являются на исходе дня. Они позовут тебя, и когда пролетят над твоей головой, то станут серебристо-белыми: ты увидишь, как они сверкают в небе, и это будет означать, что пришла твоя пора. Это будет означать, что ты умираешь, ты умрешь и превратишься в ворону.

— А если я увижу их утром?

— Утром ты их не увидишь.

— Так ведь вороны летают весь день...

— Но не твои посланцы, дурень!

— А что твои посланцы, дон Хуан?

— Мои появятся утром. Их тоже будет трое. Мой бенефактор говорил, что если не хочешь умирать, можно криком отогнать их и превратить в черных. Но теперь я знаю, что этого делать не следует. У моего бенефактора страсть была кричать, здорово получалось, и вообще он любил всякий грохот и неистовство, как это водится у «травы дьявола». Дымок, я считаю, другой именно потому, что бесстрастен. С ним все честно. Когда твои серебряные посланцы придут за тобой, то глупо на них кричать, — просто лети вместе с ними, как ты это уже делал. Взяв тебя с собой, они изменят направление, и вас будет четверо, улетающих прочь.

Суббота, 10 апреля 1965

У меня случались короткие приступы смутных наплывов необычной реальности.

То и дело всплывало одно неотвязное воспоминание из галлюциногенного опыта с грибами: мягкая темная масса булавочных отверстий. Дальше она визуализировалась как масляный или нефтяной пузырь, который меня затягивал. Было так, как будто пузырь раскрывается и заглатывает меня, и на короткие мгновения я испытывал что-то напоминающее состояния необычной реальности. Последствием было сильное возбуждение, тревога и беспокойство, и я всячески с этими наплывами боролся, чтобы поскорее от них избавиться.

Сегодня я решил спросить у дона Хуана, что он об этом думает и как мне быть. Он выслушал вполуха и посоветовал на всякие рецидивы не обращать внимания, поскольку они бессмысленны, точнее, не имеют никакой ценности. Внимания заслуживают только те «виденья», в которых будет ворона: все прочие — просто результат моих страхов. Он вновь мне напомнил, что дымок требует жить сильной, бесстрастной жизнью. Мне же казалось, что я достиг опасного порога. Я сказал ему, что, как чувствую, я не в силах продолжать: с грибами в самом деле было связано что-то устрашающее.

Перебирая картины, которые запомнились из моего галлюциногенного опыта, я с неизбежностью пришел к выводу, что видел мир таким образом, который в структурном отношении отличается от обычного видения. Сами по себе формы и картины, которые я видел в этих состояниях необычной реальности, всегда оставались в границах обычного визуального восприятия; совсем иным было то, как я видел. Все, что я видел, располагалось в горизонтальной плоскости зрения; не было ничего выше или ниже этого горизонта.

Каждая картина была раздражающе плоской, и в то же время обладала какой-то необычной глубиной. Точнее, вероятно, было бы сказать, что каждая картина представляла собой совокупность невероятно ясных деталей, расположенных в поле различного освещения; свет в этих полях двигался, создавая эффект вращения.

После всех моих попыток и усилий как следует все вспомнить я решил прибегнуть к серии аналогий, чтобы «понять» то, что «видел». Лицо дона Хуана, например, выглядело так, точно он смотрел на меня из-под воды. Казалось, вода течет непрерывным потоком,

омывая его волосы и лицо: при этом они так увеличивались, что стоило присмотреться — и становилась видна каждая пора, каждый волосок. Вместе с тем то, что я видел, было просто массаами материи, плоскими и угловатыми, и к тому же неподвижными, потому что исходящий от них свет был лишен пульсации.

Я спросил дона Хуана, что бы это все значило. Он сказал, что поскольку я впервые видел как ворона, предметы были неясными или незначительными, но со временем, когда придет опыт, все будет понятно.

Мне хотелось знать о причине той разницы, которую я заметил в движении света.

— В том, что живое, — сказал он, — происходит внутреннее движение, и когда что-либо мертво или близко к смерти, ворона сразу это видит, потому что движение останавливается или угасает, пока не исчезнет совсем. Ворона также видит, когда что-либо движется слишком быстро, и по тому же признаку может сказать, когда что-либо движется не так как надо.

— А как это понимать — «слишком быстро или не так как надо»?

— Это означает, что ворона может точно сказать, чего следует избегать, а к чему стремиться. Когда что-нибудь движется внутри слишком быстро, это означает, что оно вот-вот взорвется или ринется в атаку, и ворона будет всегда начеку и на расстоянии достаточно безопасном. Когда же внутреннее движение нормальное, это приятное зрелище, и оно будет притягивать ворону.

— В камнях есть внутреннее движение?

— Нет, ни в камнях, ни в мертвых животных, ни в засохших деревьях; но они красивые, на них приятно смотреть. Вот почему вороны крутятся возле падали. Они ею любят. Внутри нее отсутствует малейшее движение света.

— Но когда плоть разлагается, разве в ней не происходит движение?

— Происходит, но это совсем другое движение. То, что видит ворона, это миллионы движущихся внутри плоти крохотных светящихся штучек, причем каждая светится по-своему, вот почему воронам так нравится на это смотреть. Это в самом деле незабываемое зрелище.

— Ты сам это видел, дон Хуан?

— Это может видеть каждый, кто научится превращаться в ворону. Увидишь и ты.

Тут я наконец задал мучивший меня вопрос:

— Я в самом деле стал вороной? Я имею в виду — для любого, кто меня увидит, я буду обычной вороной?

— Нет. Глупо так думать, когда имеешь дело с союзными силами. Такие вопросы бессмысленны; и в то же время стать вороной — дело обычное. Почти как фокус; пользы в этом мало. Я уже говорил — дымок не для тех, кто охотится за силой. Он только для тех, кому прежде всего нужно видеть. Я научился становиться вороной, потому что из всех птиц эти самые подходящие. Их не беспокоят никакие другие птицы, кроме разве орлов, потому

что они гораздо крупнее и агрессивны, когда голодны. Но вороны летают стаями и могут за себя постоять, люди не тревожат ворон, а это немалое преимущество. Любой человек заметит большого орла, особенно если тот необычного вида, или вообще любую большую и странную птицу, но кого интересуют вороны? Ворона в безопасности. Она идеальна по размеру и по самой природе. Она может безопасно проникать куда угодно, не привлекая внимания. Можно, конечно, стать еще львом или медведем, но это довольно рискованно. Такие существа слишком большие: чтобы во что-нибудь такое превратиться, требуется слишком много энергии. Можно еще стать сверчком, или ящерицей, или хоть муравьем, но это еще опаснее, поскольку большие звери охотятся за маленькими.

Я принялся спорить и сказал, что в таком случае это и означает возможность реального превращения в ворону, или в сверчка, или во что там еще. Но он твердил, что я не понимаю.

— Чтобы научиться быть настоящей вороной, нужно много времени, — сказал он. — Ты вот, например, не изменился, и не перестал быть человеком. Необходимо кое-что еще.

— Что же именно, могу я узнать?

— А ты, может быть, и так уже знаешь. Вот если бы ты не трясся так над своим рассудком и над своим телом, то понял бы эту чудесную тайну. А так, похоже, тебе придется ждать до тех пор, пока в тебе исчезнет страх, который мешает понять, что я имею в виду.

Глава 11

Последняя запись в моих полевых тетрадях относится к событию, которое произошло в сентябре 1965 года. Это был последний урок дона Хуана, который я обозначил как «особое состояние необычной реальности», поскольку оно не имело отношения к ранее мною используемым растениям. Я думаю, дон Хуан вызвал его посредством искусного манипулирования намеками относительно себя самого; иными словами, его поведение было рассчитано на мое восприятие таким неуловимым образом, что создавало отчетливое и несомненное впечатление, будто в действительности это не он, а кто-то другой в его обличье. В результате я испытал глубокое психическое расстройство; я видел вроде бы дона Хуана, но что-то говорило о непонятной и жуткой подмене. Этому сопутствовал испытываемый сознанием невыносимый ужас, настолько острый, что совершенно вышиб меня из колеи; и я решил, пока не поздно, отказаться от дальнейшего обучения, и больше к нему не возвращался, хотя дон Хуан не изменил своего отношения ко мне как к ученику. В его оценке мой уход был лишь очередным этапом обучения, который может длиться неопределенное время. С тех пор, впрочем, он больше не делился со мной своим знанием.

Обстоятельный отчет об этом последнем опыте написан мною по истечении месяца после самого события, хотя самые важные моменты были зафиксированы в лихорадочных заметках уже на следующий день, в период сильнейшего волнения и тревоги, на смену которым пришел пик испытанного мной ужаса.

Пятница, 29 октября 1965

В четверг 30 сентября я приехал повидаться с доком Хуаном. Со мною продолжались наплывы состояний необычной реальности, несмотря на маниакальные усилия от них отделаться или, по совету дона Хуана, хоть как-то их обуздать. Я чувствовал себя все хуже, поскольку наплывы становились все более длительными. У меня обострился слух на самолеты. Когда они пролетали, рев двигателей против моей воли захватывал и поглощал внимание, полностью его парализуя, вплоть до того, что я буквально чувствовал, как улетаю вслед, как если бы находился внутри самолета или летел рядом. Ощущение было крайне неприятное, а более всего тревожило то, что я не могу от него избавиться.

Дон Хуан на этот раз очень внимательно меня выслушал и пришел к выводу, что дело серьезное — эта болезнь не что иное, как потеря души. Я сказал, что такие вот галлюцинации появились с тех самых пор, как я курю грибы, но он это отверг и сказал, что описываемые мной симптомы — что-то новенькое. Он сказал, что я и раньше боялся и воображал всякую чепуху, но сейчас я действительно околдован. Доказательство этому — то, что меня уносит гул пролетающих самолетов. Как правило, сказал он, околдованного человека, у которого утащили душу, может поймать шум ручья или реки и унести его к смерти. Затем он заставил меня описать все, что я делал до того, как появились такие галлюцинации. Я перечислил, что мог вспомнить. Исходя из моего отчета он определил место, где я потерял душу.

Я видел, что его все это сильно заинтересовало — что вообще крайне для него необычно. Разумеется, я еще больше встревожился. Он сказал, что пока не может точно определить, кто поймал мою душу, но кто бы это ни был, цель, вне всякого сомнения, меня убить или по крайней мере навести порчу. Затем он детально проинструктировал меня на предмет «боевой формы» — особой стойки, которую следует принимать и оставаться в ней, пока я нахожусь на своем благоприятном пятне. Эту стойку, которую он назвал формой для битвы, я должен был удерживать во что бы то ни стало.

Я спросил, для чего все это и с кем мне придется воевать. Он ответил, что отправляется на поиски того, кто взял мою душу, и посмотрит, нельзя ли ее вернуть обратно: я же должен до его возвращения оставаться на своем пятне. Боевая форма, сказал он, это собственно предосторожность на тот случай, если со мной во время его отсутствия что-нибудь приключится. Используется она как защита во время атаки. Для этого нужно ударять голенью о ляжку правой ноги, топя левой на манер танца, которым я должен лицом к лицу встречать атакующего.

Он предупредил, что эту форму следует принимать лишь в самые критические моменты; в остальное время, пока нет видимой опасности, я должен просто сидеть скрестив ноги на своем пятне. В случае же крайней угрозы, сказал он, остается прибегнуть к последнему средству защиты: чем-нибудь швырнуть во врага. Обычно, сказал он, швыряют предмет силы, но поскольку у меня ничего такого нет, придется использовать любой небольшой камень, который уляжется в правую ладонь так, чтобы его обхватил большой палец. Он сказал, что это средство используется лишь перед явной и несомненной угрозой смерти. Швырнуть предмет необходимо в сопровождении боевого крика — такого крика, который направит предмет прямо в цель. Он особенно подчеркнул, что с этим криком я должен быть не только предельно решителен, но и предельно бережлив, чтобы он не пропал вхолостую, потому что пользоваться им следует лишь «в условиях крайней серьезности».

Я спросил, что это значит — «условия крайней серьезности». Он сказал, что издаваемый боевой крик — нечто такое, что остается с человеком на всю жизнь, поэтому тут с самого начала нельзя ошибиться: единственная же возможность избежать ошибки — обуздание естественного страха и нерешительности, пока не будешь абсолютно наполнен силой. Только тогда крик вырвется в нужном направлении и с должной силой. Вот что такое, сказал он, условия крайней серьезности, которая необходима для того, чтобы издать крик.

Я попросил объяснить, в чем будет выражаться сила, которая, как он говорит, должна наполнить меня перед криком. Такая сила, сказал он, это то, что ринется в тело из земли, на которой стоишь: точнее говоря, это тот род силы, который исходит из благоприятного пятна. Вот она-то и производит боевой крик, и от умения управлять ею зависит его совершенство.

Я вновь спросил — неужели он так уверен, что со мной что-нибудь случится. Он ответил, что ничего не может сказать определенного, но предостерегает со всей серьезностью, чтобы я под страхом смерти не покидал своего места, пока будет хоть малейшая опасность, потому что оно — моя единственная защита против всего, что бы ни случилось.

Я почувствовал, что в меня закрадывается страх, и попросил дать более подробные объяснения. Он подчеркнул, что может сказать только, чтобы я не сходил с места ни при каких обстоятельствах. Я не должен уходить в дом или в кусты, а самое главное — я не должен издавать ни единого звука, не проронить ни слова, даже ему. Если, сказал он, будет очень уж страшно — можно петь свои песни Мескалито, и под конец добавил, что я уже знаю обо всех этих вещах достаточно, чтобы мне напоминать, как ребенку, насколько важно все исполнять в точности и ни в коем случае не ошибиться.

Его предостережения лишь усилили мою тревогу. Теперь я не сомневался, что он ждет какой-то беды. Я спросил, почему он советует петь песни Мескалито и что же, по его мнению, может меня так напугать. Он лишь рассмеялся и сказал, что я могу испугаться одиночества. Затем вошел в дом и закрыл дверь.

Я взглянул на часы: семь вечера. Долгое время я сидел без движения. В доме стояла мертвая тишина. Дул ветер, а так все было спокойно. Я подумал, не сбегать ли к машине, чтобы принести сюда ветровое стекло, но я не смел нарушить указания дона Хуана. Спать не хотелось, но я чувствовал усталость; холодный ветер не давал покоя.

Часа через четыре я услышал шаги дона Хуана вокруг дома. Я подумал, что он, наверно, вышел через заднюю дверь в кусты помочиться. Затем он громко позвал меня:

— Эй, парень! Парень, иди-ка сюда!

Я едва не вскочил, чтобы побежать к нему. Голос был его, но не его интонации и не его обычные слова. Дон Хуан никогда не называл меня «парень». Поэтому я остался на месте. По спине пробежал мороз.

Он вновь принялся кричать, используя те же выражения или вроде того.

Я услышал, как он обходит дом. Споткнувшись о поленницу, точно не зная, что она там, он вышел на веранду и уселся возле двери спиной к стене. Он казался более грузным, чем обычно. Движения не были медленными или неуклюжими, просто более тяжелыми. Вместо того, чтобы легко и проворно, как всегда, сесть на пол, он на него просто плюхнулся. Кроме того, место было не его, а дон Хуан никогда и ни при каких обстоятельствах не садился ни на какое другое.

Тут он вновь заговорил со мной. Он спросил, почему я не пришел, когда он звал меня. Говорил он очень громко. Я боялся на него смотреть, и все же что-то подталкивало следить за ним. Он начал медленно раскачиваться со стороны в сторону. Я изменил свое положение, приняв боевую форму, которой он меня научил, и повернулся к нему лицом. Мускулы свело от странного напряжения. Не знаю, что подсказало мне принять боевую форму, — может быть, я был просто уверен, что дон Хуан старается нарочно меня напугать, создавая впечатление, что человек, которого я вижу, на самом деле не он. Впечатление было такое, что он очень тщательно дозирует в своем поведении какие-то странности, чтобы сбить меня с толку и напугать. Я почувствовал страх, но одернул себя — ведь я пока что способен к самоконтролю и критической оценке происходящего.

В этот момент дон Хуан поднялся. Его движения были совершенно чужими. Он протянул перед собой руки и, нагнувшись, оттолкнулся от пола; затем выпрямился, ухватившись за дверной косяк. Я поразился, до чего хорошо успел изучить все его движения и какое ужасное чувство он вызывал, представляясь доном Хуаном с чужими движениями. Он сделал ко мне пару шагов, держась руками за поясицу, как будто выпрямиться окончательно ему не давала боль в спине. Он пыхтел и отдувался, словно у него насморк. Он сказал, что забирает меня с собой, и велел подниматься и следовать за ним. Он пошел к западной половине дома. Я повернулся на месте, чтобы оставаться к нему лицом. Он обернулся. Я не тронулся со своего места. Я к нему точно прирос. Он заревел:

— Эй, парень, я кому сказал? Ты идешь со мной! Не пойдешь — силком потащу!

Он направился ко мне. Я начал колотить голенью о ляжку и быстро пританцовывать. Он подошел к краю веранды почти вплотную ко мне, едва меня не коснувшись. В неистовом страхе я приготовился к метательной позиции, но он изменил направление и пошел к кустам слева. На мгновение, когда он уже уходил, он вдруг повернулся, но я оставался лицом к нему. Он скрылся из виду. Какое-то время я еще сохранял боевую позицию, но поскольку его больше не было видно, вновь уселся, скрестив ноги и опираясь на валун. Теперь было

действительно страшно. Я хотел убежать, но мысль об этом путала еще больше. Я знал, что если он схватит меня по дороге к машине, все пропало. Я начал распевать свои пейотные песни, но каким-то образом чувствовал, что здесь это бесполезно. Песни, впрочем действовали успокаивающе, и я немного пришел в себя. Я пел их без конца.

Около 2:45 ночи в доме раздался шум. Я тотчас изменил положение. Дверь распахнулась, и вывалился дон Хуан. Он хватал ртом воздух и держался за горло. Он упал передо мной на колени и застонал. Он сорванным фальцетом попросил меня подойти к нему и помочь. Затем он вновь заревел, требуя, чтобы я подошел. В горле у него хрипело. Он умолял меня подойти и помочь ему, потому что его что-то душит. Он полз на четвереньках, пока не оказался едва не в четырех от меня футах. Он протянул ко мне руки и прохрипел. «Подойди же!» Затем он поднялся протянутыми ко мне руками. Я увидел, что сейчас он меня схватит. Я подпрыгнул и заколотил голенью о ляжку. Я был вне себя от страха.

Он остановился и пошел к углу дома и оттуда в кусты. Я повернулся, чтобы оставаться лицом к нему. Затем я вновь уселся. Было уже не до песен. Казалось, из меня ушли все силы. Все тело болело. Мускулы одеревенели от напряжения. В голове был полный хаос. Я не знал, сердиться ли на дону Хуана и вообще как быть. Я прикидывал, не броситься ли на него, но чутье подсказывало, что он растопчет меня как букашку. Хотелось разреветься. От мысли, что дон Хуан намерен без конца меня пугать, к горлу подступали рыдания. Я терялся в догадках, к чему эта ужасная игра, этот нелепый розыгрыш. Его имитирующие чужака движения были столь искусны, что я был в полном замешательстве. Это было не так, как если бы он подражал женским движениям, но так, как если бы женщина пыталась двигаться как дон Хуан. Впечатление было такое, что она усердно старается ходить и двигаться с точностью дон Хуана, но ее движениям недоставало его упругости, она была слишком грузной. Кто бы это ни был передо мной, он создавал впечатление, как будто грузная женщина помоложе пытается имитировать скупые движения еще полного сил старика. Эти мысли окончательно повергли меня в панику. Совсем рядом громко запел сверчок. Я машинально отметил богатство его тонов — совсем как баритон. Звук начал стихать и удаляться. Вдруг я вздрогнул всем телом и принял боевую позицию в направлении, откуда только что доносился голос сверчка. Звук уносил меня с собой; он уже почти захватил меня, прежде чем я понял, что он только похож на песню сверчка. Звук вновь приблизился и стал ужасно громким. Я начал петь во весь голос свою пейотную песню. Сверчок вдруг умолк. Я сразу уселся, но продолжал петь. Спустя мгновение я увидел фигуру человека, бегущего ко мне со стороны, противоположной той, откуда только что пел сверчок. Я хлопнул себя по бедру и отчаянно затопал. Фигура в мгновение ока пронеслась мимо, почти коснувшись меня. Это было что-то вроде собаки. Я ощутил такой дикий страх, что онемел. Не помню, что я тогда думал или чувствовал.

Под утро, когда выпала роса, мне стало немного лучше. Что бы это ни было, похоже, все закончилось. Было без десяти шесть, когда дверь неслышно открылась, и вышел дон Хуан. Он потянулся, зевнул и посмотрел на меня. Он сделал ко мне пару шагов, все так же зевая. Я увидел его глаза, глядящие из-под полуприкрытых век. Я вскочил. Я знал одно — передо мной кто угодно, но не дон Хуан.

Правой рукой я схватил с земли подвернувшийся небольшой камень с острыми краями, даже не взглянув на него, я просто схватил и стиснул его в ладони. Я принял ту стойку, которой меня научил дон Хуан. Я почувствовал, как в считанные секунды меня пронизала странная мощь. Тут я издал вопль и швырнул в него камень. Крик, по-моему, получился просто замечательный. В тот момент мне не было дела, жив я или мертв, я чувствовал только устрашающую силу крика. Он был длинный и пронзительный, и, собственно, это он

поразил цель. Фигура передо мной дрогнула, издала сдавленный возглас и, шатаясь, метнулась от дома в кусты.

Потребовалось несколько часов, чтобы я как-то успокоился. Я продолжал топтаться на том же месте. Мне не хватало воздуха, и дышать приходилось через рот.

В одиннадцать утра вновь вышел дон Хуан. Я подскочил, но его движения могли принадлежать только дону Хуану. Он подошел к своему месту и уселся своим манером в сталь хорошо мне знакомую позу. Он посмотрел на меня и улыбнулся. Я подошел к нему: вся моя обида исчезла, и я поцеловал ему руку. Откуда-то я знал, что это не он проделывал все эти ужасные штуки, а кто-то в его обличье хотел нанести мне серьезный вред или убить меня.

Он начал разговор с изложения цепи умозаключений, которыми пользовался, чтобы установить личность женщины, которая, судя по всему, охотилась за моей душой. Затем дон Хуан велел подробно пересказать все, что я пережил.

Пока я, стараясь ничего не упустить, рассказывал все, что было, он посмеивался, точно слушал что-то очень забавное. Когда я закончил, он сказал:

— Ну, молодец. Ты выиграл битву за свою душу. Но дело оказалось серьезней, чем я предполагал. Этой ночью твоя жизнь не стоила и гроша. Большая удача, что ты успел чему-то научиться. Если бы у тебя не было хоть какого-то практического опыта, то сейчас ты был бы уже мертв, потому что кто бы ни был тот, кого ты видел этой ночью, он намеревался с тобой покончить.

— Но как возможно, дон Хуан, чтобы эта женщина смогла принять твое обличье?

— Очень просто. Она *диаблеро*, и у нее есть хороший помощник с той стороны. Но перевоплощение было не слишком мастерским, и ты разгадал ее уловку.

— Помощник с той стороны — это то же самое, что союзник?

— Нет, помощник — это помощь *диаблеро*. Помощник — это дух, который живет на той стороне мира и помогает *диаблеро* вызывать болезнь или боль. Он помогает убивать.

— А может ли *диаблеро* иметь еще и союзника?

— Только *диаблеро* и имеют союзника, но для того, чтобы приручить союзника, *диаблеро* нужно вначале заполнить помощника, который бы ему помогал.

— А что эта женщина, которая перевоплотилась в тебя, дон Хуан? У нее только помощник, а союзника нет?

Я не знаю, есть ли у нее союзник. Некоторым людям не нравится сила союзника, и они предпочитают помощника. Приручить союзника — работа трудная. Куда легче достать себе помощника с той стороны.

— А вот я, как по-твоему, могу получить помощника?

— Чтобы это узнать, ты должен еще многому научиться. Мы опять у самого начала. Почти как в первый день, когда ты появился и попросил меня рассказать о Мескалито, не

понимая, о чем просишь. Та, другая сторона — это мир диаблеро. Думаю, лучше будет рассказать тебе свои собственные впечатления — так же, как это делал мой бенефактор. Он был диаблеро и воин; его жизнь была под знаком силы и насилия мира. Но я чужд и того, и другого — такова уж моя натура. Ты видел мой мир с самого начала. Поэтому, чтобы показать тебе мир моего бенефактора, я могу лишь подвести тебя к двери, а там решай сам. Тебе придется учиться на свой страх и риск. Нужно вообще признать, что я сделал ошибку. Намного лучше, как я сейчас вижу. Начинать путь так, как это делал я, — самостоятельно. Тогда легче понять, как проста и вместе с тем как глубока разница. Диаблеро — это диаблеро, а воин — это воин. Человек, впрочем, может быть и тем, и другим: такие встречаются. Но тот, кто лишь проходит по пути жизни, тот действительно является всем. Сегодня я не воин и не диаблеро. Для меня существует только путь, которым я странствую, — любой путь, который имеет сердце или может иметь сердце. Тогда я следую ему, и единственный достойный вызов — пройти его до последней пяди. И я странствую и гляжу без конца, бездыханный.

Он умолк. В его лице появилось особое выражение; он стал как-то необычайно серьезен. Я не знал, что еще спросить или сказать. Он вновь заговорил:

— Особая часть учения — как добраться до трещины между мирами и как войти в другой мир. Существует трещина между двумя мирами: миром диаблеро и миром живых. Есть место, где оба мира пересекаются. Вот там трещина. Она открывается и закрывается, как дверь на ветру. Чтобы туда попасть, человек должен развить и испытать свою волю, т.е. это должно стать его неодолимой и всепоглощающей страстью. Но делать это он должен без чьей-либо помощи — силы или человека. Человек должен самостоятельно все взвешивать и стремиться к тому мгновению, когда его тело будет готово испытать путешествие. Этот момент дает знать о себе непрерывным содроганием всего тела и сильной рвотой. Обычно человек не может ни спать, ни есть и вконец ослабевает. Если судороги не прекращаются, человек готов к путешествию, и прямо перед его глазами открывается трещина между мирами, подобная громадной двери, трещина сверху донизу. Когда трещина открывается, нужно сквозь нее проникнуть. На другой стороне границы трудно видеть. Ветер такой, как в песчаную бурю. Кругом носятся смерчи. Попав туда, человек должен идти в любом направлении. Коротким или длинным будет путешествие — зависит только от его силы воли. У того, у кого сильная воля, путешествие короткое; у человека слабого и нерешительного — долгое и опасное. Кончается путешествие у своеобразного плато. Его легко узнать по некоторым признакам. Это плоская возвышенность. Один из признаков — это ветер, который здесь особенно яростный, удары ветра сбивают с ног, и все тонет в его реве. Наверху этого плато есть вход в другой мир, и там протянута шкура, разделяющая миры; мертвые проходят сквозь нее без звука, а мы должны разорвать ее криком. Тот дикий ветер, который дует на плато, время от времени крепчает, и когда он наберет достаточно силы, человек должен издать крик, и ветер протолкнет его сквозь шкуру. Справиться с этим ветром можно только обладая той же несгибаемой волей — только ей подчинится ветер. Все, что нужно, — это небольшой толчок, а не чтобы пронесло на самый край того света. Оказавшись на той стороне, нужно побродить вокруг. Большая удача — найти помощника сразу же, не слишком далеко от входа. Его нужно попросить о помощи. Человек должен своими собственными словами попросить помощника научить его и сделать из него диаблеро. Если помощник согласится, он убивает человека на месте и, когда тот мертв, учит его. Когда ты сам проделаешь такое путешествие, то, если повезет, можешь найти себе в помощники великого диаблеро, который убьет тебя и обучит. Но, как правило, все же попадаются более мелкие брухо, которые могут обучить очень немногому. Однако ни у тебя, ни у них нет силы отказаться. Лучше всего найти в помощники мужскую особь, а то как бы не стать жертвой диаблеро, которая заставит тебя невероятно страдать. Женщины всегда таковы. Но тут уж как повезет,

разве что у человека сам бенефактор великий диablero, у которого в другом мире много помощников. Тогда он так направит ученика, что тот встретится с тем помощником, который требуется. Таким был мой бенефактор. Он меня так направил, что я встретился как раз с его собственным духом-помощником. После возвращения ты уже будешь другим. Ты будешь обречен то и дело отправляться туда на встречу с помощником, и будешь забредать все дальше от входа, пока наконец когда-нибудь не зайдешь слишком далеко и не сможешь вернуться. Иногда диablero может схватить чью-нибудь душу и забросить ее через вход, а там оставить в плену у своего помощника до тех пор, пока тот не вытащит из нее последние остатки воли. Но бывает, как, например, с тобой, что душа принадлежит человеку с сильной волей, и тогда диablero будет держать ее у себя в мешке, потому что ее не так легко куда-нибудь запроторить. В таких случаях, вот как в твоём, все решает битва — битва, в которой диablero либо все выигрывает, либо все теряет. На этот раз та, с которой ты сражался, потерпела поражение и вынуждена отпустить твою душу. Если бы она победила, то отдала бы ее своему помощнику, а там ты бы потихоньку растворился и угас, и с концами.

— Но как же я победил?

— Ты не сдвинулся с места. Если бы ты сдвинулся хоть на дюйм, то был бы уничтожен. Она поступила умно, выбрав для удара как раз тот момент, когда я отсутствовал, и все проделала как следует, но проиграла потому, что не учла твою собственную натуру, которая склонна к насилию, а также потому, что ты не сдвинулся со своего места, на котором ты неуязвим.

— А если бы я сдвинулся, то был бы убит?

— Она поразила бы тебя как молния. Но самое главное твоя душа была бы в ее полной власти, и ты бы потихоньку испарился.

— А что теперь, дон Хуан?

— Да ничего. Ты отвоевал свою душу. Это была хорошая битва. Прошлой ночью ты многому научился.

После этого мы принялись искать камень, который я швырнул. Дон Хуан сказал, что если мы его найдем, то можем быть совершенно уверены, что делу конец. Искали мы почти три часа. Я чувствовал, что узнаю его из всех камней, но мы так ничего и не нашли.

К вечеру дон Хуан повел меня в горы неподалеку. Там он дал мне обширные и подробные указания насчет особых боевых методов и процедур. Заучивая все эти предписания, я вдруг обнаружил, что один. Задыхаясь, я взбежал по склону. Я обливался потом, но стучал зубами от холода. Я звал дону Хуана, но он не откликался, и меня охватили самые мрачные предчувствия. Я услышал шорох в зарослях, словно кто-то сюда крался. Я напряг слух — шорох прекратился. Затем он послышался вновь — ближе и громче. В этот момент мне пришло в голову, что вновь повторятся ужасы минувшей ночи. Моментаально мой страх вырос до бесконечности. Шум в кустарнике стал ближе, и силы оставили меня. Я хотел завизжать или зарыдать, удрать или упасть в обморок. Ноги подкосились, и я с воем повалился на землю. Я даже не мог закрыть глаза. Потом я помню только, как дон Хуан развел костер и растирал мне руки и ноги, сведенные судорогой.

Мне было невероятно плохо в течение нескольких часов. После дон Хуан объяснил, что моя неадекватная реакция — явление вполне обычное. Я сказал, что не могу себе логически уяснить причину моей паники, и он заметил, что это не был страх смерти, а скорее страх

потерять свою душу страх обычный для людей, у которых отсутствует непреклонная устремленность.

Это переживание было последним в моем обучении. С тех пор я начал избегать его. И хотя дон Хуан не изменил своего ко мне отношения как к ученику, сам я считаю себя побежденным первым врагом человека знания.